

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет имени М. В.
Ломоносова»

На правах рукописи

Денисов Александр Юрьевич

**Информационно-библиографическое издание «Чеховский вестник» и
развитие чеховедения в конце XX — начале XXI вв.**

Специальность 5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель —
доктор филологических наук, профессор
В.Б. Катаев

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ОБЗОР ОСНОВНЫХ ЭТАПОВ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЧЕХОВЕДЕНИЯ	14
1.1. Формирование тематического репертуара чеховедения в прижизненной критике и дореволюционной посмертной критике (1880-е–1910-е гг.).....	14
1.2. Специфика советского чеховедения 1920-х–1950-х гг.....	29
1.3. Позднесоветское чеховедение (1970-е–1980-е гг.): основные темы, подходы, итоги и проблемы.....	54
ГЛАВА 2. ИНФОРМАЦИОННО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ «ЧЕХОВСКИЙ ВЕСТНИК» И РАЗВИТИЕ ЧЕХОВЕДЕНИЯ В 1990-Е–2010-Е ГГ.: ОСНОВНЫЕ ТЕМЫ, ПОДХОДЫ, ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ.....	63
2.1. Чеховедение 1990-х–2010-х гг.: специфика, тематический репертуар, направления	63
2.1.1. Религиозно-философская мысль А.П. Чехова в исследованиях 1990-х- 2000-х гг.	69
2.2. Полемики и дискуссии в чеховедении 1990-х–2010-х гг. на страницах «Чеховского вестника» и других изданий.....	87
2.2.1. Дискуссия о новейших жизнеописаниях А.П. Чехова на страницах информационно-библиографического издания «Чеховский вестник» (1990- е–2010-е гг.)	87
2.2.2. А.П. Чехов в школьном и вузовском преподавании 2000-х–2010-х гг.: дискуссия в «Чеховском вестнике»	95
2.2.3. Эссе Дж. Фридмана «Back Off Chekhov!»: контекст публикации русскоязычного перевода и его рецепции.....	109

2.2.4. Проблематизация интертекстуальных исследований Чехова на страницах информационно-библиографического издания «Чеховский вестник» (1990-е–2010-е гг.).....	118
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	135
Список литературы	140

ВВЕДЕНИЕ

Общая характеристики работы. Жизнь и творчество А.П. Чехова – великое наследие не только отечественной, но и мировой культуры. Несмотря на уже существующую обширную литературу, посвященную биографии писателя, поэтике его рассказов, повестей и пьес, его литературным связям и т.д., чеховедение остается живой, продуктивной отраслью мирового литературоведения: каждый год публикуются десятки книг и сотни статей, посвященных исследованию Чехова. Обширность современной чеховианы требует наличия инструмента для ориентирования в ней.

С 1997 года в России издается информационно-библиографическое издание «Чеховский вестник» (его ответственный редактор – В.Б. Катаев), насчитывающее уже более 45 номеров. Среди авторов «Чеховского вестника» – крупнейшие отечественные и зарубежные чеховеды – Э.А. Полоцкая, А.П. Чудаков, В.Б. Катаев, И.Н. Сухих, М. Финк, Г. МакВэй, Х. Питчер и многие другие. На страницах издания представлены «книжное обозрение» – обзор опубликованных за последние 1-3 года на русском и других языках книг о жизни и творчестве А.П. Чехова, «театральная панорама» – рецензии на отечественные и зарубежные постановки Чехова в театре (начиная с № 33 (2016 г.) раздел называется «Чехов на сцене и на экране» и включает в себя также рецензии на киноадаптации); обзор чеховских конференций; начиная с № 2 (1997) – «жизнь музеев» (обзор посвященных Чехову выставок и других проводимых музеями мероприятий); начиная с № 5 (1999) – раздел «памяти...»/«in memoriam», содержащий некрологи недавно ушедшим чеховедам; начиная с № 10 (2002) – «чеховская энциклопедия», где печатаются материалы для будущего издания; начиная с № 12 (2002) – раздел «памятные даты». Также в издании, начиная с самого первого номера, представлена новейшая библиография работ об А.П. Чехове с 1993 года, составляемая П.Н. Долженковым¹. Рассмотренные как

¹ Частично представлена в: *Долженков П.Н., Катаев В.Б.* Библиография работ об А.П. Чехове на русском и иностранных языках за 1961-2005 гг. / Под ред. Катаева В. Б.; Чехов. комис.

единый текст, номера «Чеховского вестника» дают представление о современном (1990-х–2010-х гг.) состоянии чеховедения: его темах, тенденциях, специфике, промежуточных итогах и проблемах.

Актуальность темы обусловлена, с одной стороны, потребностью любой научной дисциплины, в том числе чеховедения как части литературоведения, в саморефлексии – в том числе в осмыслении своего текущего состояния, а с другой стороны – наличием полноформатных обобщающих работ по некоторым предшествующим этапам развития чеховедения² и наличием лишь кратких обзорных работ о современном состоянии дисциплины³.

Степень изученности темы. Информационно-библиографическому изданию «Чеховский вестник» посвящена статья И.Э. Васильевой и А.Д. Степанова «В зеркале «Чеховского вестника»: чеховедение за тридцать лет» («Русская литература», 2022, № 2) [Васильева, Степанов, 2022], представляющая на материале издания обзор чеховедения 1990-х–2010-х гг. Данная статья должна быть учтена, однако в силу жанра обзорной статьи не может претендовать на полноту и нуждается в уточнении, дополнении и более глубокой разработке темы в рамках предлагаемого диссертационного исследования. Краткий обзор новейшего чеховедения представлен также во вступительной статье И.Н. Сухих

Совета по истории мировой культуры РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова. Филол. фак. М.: Издательство Московского университета, 2010.

² См.: *Зайцев В.С.* Товарищ Чехов. Очерки по истории советского чеховедения 1920–1950-х годов // Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля. М.: Издательство «Литературный музей», 2022.

³ См.: *Васильева И.Э., Степанов А.Д.* В зеркале «Чеховского вестника»: чеховедение за тридцать лет // Русская литература. 2022. № 2. С. 248–254; *Сухих И.Н.* Чехов (1960–2010): новые опыты чтения / А.П. Чехов: pro et contra, антология. Т. 3 / Сост., вступ. статья, комментарии И. Н. Сухих. СПб.: РХГА, 2016. С. 7–24; *Сухих И.Н.* Чехов нового века (2000–2020): отчет о пути. Несколько положений / А.П. Чехов: pro et contra. Т. 4. Современные аспекты исследования (2000–2020), антология / Сост., вступ. статья, коммент. И.Н. Сухих. СПб.: Издательский дом «РХГА», 2022.

к 4 тому серии «А.П. Чехов: pro et contra» (2022) [Сухих, 2022] и должен быть учтен, однако тоже требует уточнения и дополнения в рамках данного диссертационного исследования.

Целью исследования является характеристика содержания публикаций информационно-библиографического издания «Чеховский вестник» (1997 – н.в.) с точки зрения их репрезентативности по отношению к новейшему чеховедению (1990-х–2010-х гг.) в целом, а также выявление специфики новейшего чеховедения в целом, его основных тем, направлений, тенденций, противоречий.

Задачи исследования:

1. Охарактеризовать степень репрезентативности материалов, публиковавшихся в информационно-библиографическом издании «Чеховский вестник», по отношению к новейшему чеховедению как отрасли литературоведения в целом.
2. Охарактеризовать специфику новейшего чеховедения (по сравнению с предшествующим, позднесоветским, этапом): основные направления, подходы, проблемы.
3. Выявить наиболее продуктивные направления новейшего чеховедения, описать конкретное содержание каждого из выделенных направлений с учетом возникающих в каждом из них теоретико-методологических вопросов.
4. Выявить и описать наиболее значимые дискуссии, полемики, имевшие место на страницах информационно-библиографического издания «Чеховский вестник». Определить значение этих дискуссий, полемик для новейшей науки о жизни и творчества А.П. Чехова.
5. Выявить и описать основные направления рефлексии рецензентов «Чеховского вестника», а также наиболее значимые проблемы новейшего чеховедения по мнению рецензентов издания. Описать значение публикуемых в «Чеховском вестнике» материалов в общем развитии новейшего чеховедения.

Объектом исследования являются материалы, публиковавшиеся в информационно-библиографическом издании «Чеховский вестник», а также монографии, научные статьи, рецензии и другие материалы 1990-х–2010-х гг., посвященные изучению жизни и творчества А.П. Чехова и современному бытованию чеховских произведений.

Предметом исследования являются специфика репрезентации новейшего чеховедения информационно-библиографическим изданием «Чеховский вестник», а также специфика (основные темы, методы, проблемы, итоги) чеховедения 1990-х–2010-х гг.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что как информационно-библиографического издание «Чеховский вестник», так и новейшее (постсоветское) чеховедение в целом впервые стали объектом изучения в рамках диссертационного исследования.

Теоретическая значимость исследования заключается в выявлении и характеристике специфики чеховедения 1990-х–2010-х гг. относительно предшествующих этапов развития науки о жизни и творчестве А.П. Чехова.

Практическая значимость работы состоит в том, что результаты анализа публикаций в «Чеховском вестнике» и чеховедения 1990-х–2010-х гг. в целом, полученные в ходе исследования, могут быть использованы в основных и специальных курсах по истории русской литературы и литературной критики третьей трети XIX в. в высших и средних специальных учебных заведениях; в преподавании различных дисциплин, изучающих вопросы создания и выстраивания литературной репутации; в дальнейших литературоведческих и междисциплинарных научных исследованиях; при самоподготовке студентов и аспирантов, обучающихся по гуманитарным направлениям и специальностям.

Методология и методы исследования основаны на проблемно-тематическом, сравнительном и историко-литературном методах.

Положения, выносимые на защиту:

1. Информационно-библиографическое издание «Чеховский вестник» (1997 – н.в.), главным образом раздел «Книжное обозрение», где публикуются рецензии на новейшие книги, статьи и иные печатные материалы о жизни и творчестве А.П. Чехова, дает весьма полное представление о наиболее значимых событиях, процессах, тенденциях в новейшем чеховедении.
2. Новейшее чеховедение в основном разделяет специфику новейшего литературоведения в целом, содержит в себе перспективы, проблемы, противоречия последнего. К отмечавшимся ранее особенностям новейшего чеховедения (например, имевший место и на позднесоветском этапе преимущественный интерес к исследованиям чеховской поэтики) следует добавить общее для новейшего литературоведения расхождение исследователей не просто в методах и подходах, но в понимании основополагающих литературоведческих категорий, таких как «автор», «авторская позиция», «идея художественного произведения» и т.д. Это расхождение, будучи неизбежным в силу отсутствия доминирующей теоретической парадигмы, в то же время осложняет коммуникацию между исследователями, без которой научная дисциплина не может существовать в качестве таковой.
3. Одним из весьма востребованных направлений в чеховедении 1990-х–2000-х гг. стали работы, заявленные как исследования религиозно-философской мысли А.П. Чехова. Однако в этих работах идеи, принадлежащие образу автора в рассказах, повестях и пьесах Чехова, нередко приписываются автору-творцу, т.е. самому А.П. Чехову как человеку, что приводит к ненадежным, недоказуемым суждениям о мировоззрении, идеях, «идеалах» писателя. Многие из этих работ предлагают самоценные наблюдения над особенностями поэтики Чехова, однако, в силу некорректной методологии, не могут

претендовать на выявление мировоззрения, идейной платформы, религиозно-философской мысли А.П. Чехова.

4. В 1990-е–2010-е гг., в связи с публикацией новых жизнеописаний А.П. Чехова, на страницах информационно-библиографического издания «Чеховский вестник» шла (и продолжается до сих пор) дискуссия как о конкретных изданиях, так и о принципах описания жизни А.П. Чехова (и вообще писателя) в целом. Дискуссия включает в себя значимые для специалистов и не только вопросы и суждения, касающиеся как реальной практики работы над жизнеописанием Чехова (а также нашего знания и понимания жизни и творчества Чехова в целом), так и таких общетеоретических вопросов, как задачи и эволюция писательской биографии как жанра. Содержание дискуссии, будучи осмыслено и учтено, может быть полезно как будущим биографам А.П. Чехова, так и «рядовым» читателям чеховских жизнеописаний.
5. 2000-е–2010-е гг. стали временем активной дискуссии (в т.ч. на страницах «Чеховского вестника») о проблеме преподавания творчества А.П. Чехова в постсоветских школах и вузах. Анализ материалов дискуссии в «Чеховском вестнике» показывает, что с изменением социокультурной ситуации с рубежа 1990-х–2000-х по конец 2010-х гг. менялись и те вызовы, на которые пытались ответить в том числе сообщество ученых-чеховедов. В начале 2000-х гг. появление новых учебников (не во всем совершенных, но всё же в целом выполнявших задачу создания адекватного времени представления жизни и творчества А.П. Чехова) в то же время сопровождалось проблемой их труднодоступности, особенно в регионах; широкое распространение интернета к концу 2000-х – началу 2010-х гг. отчасти решило эту проблему, однако создало новую: на смену недоступности качественной информации в качестве главной проблемы пришло снижение уровня культуры чтения и критического мышления у

школьников/студентов и, зачастую, у учителей/преподавателей. Снижение общего культурного уровня приводит к усилению разрыва между академическим литературоведением и школьной практикой и усилением межпоколенческого культурного разрыва, попытки ученых-чеховедов влиять на школьное изучение Чехова и вообще русской литературы сталкиваются с проблемой непопулярности, недостаточной востребованности научного гуманитарного знания в обществе (и зачастую в самой школе).

6. Эссе американского журналиста Дж. Фридмана “Back Off Chekhov!”, опубликованное в Бюллетене Североамериканского Чеховского общества (русский перевод был опубликован в «Чеховском вестнике» в том же году), получило репутацию «провокативного», «скандального»; однако, это эссе наиболее ярко выразило то недовольство постановками чеховских пьес, ту усталость от самого факта бесчисленности, регулярности этих постановок, которая иногда звучала и в газетах того времени. Мы думаем, что именно отчетливость, выраженность фридмановского неприятия тогдашних спектаклей по пьесам Чехова и в целом факта многочисленности и «ритуальности» этих постановок вызвали, в свою очередь, неприятие со стороны театрального сообщества. Эта полемика, на наш взгляд, в своей основе «стилистическая», «жанровая». Журналисту удалось побудить театральное и академическое сообщества к дискуссии, в ходе которой были высказаны оригинальные суждения о специфике чеховской драматургии, о природе чеховского творчества, стимулировавшие развитие чеховедения на рубеже XX-XXI вв.
7. Интертекстуальные исследования – неотъемлемая часть отечественного и зарубежного чеховедения 1990-х–2010-х гг. Однако сама методология исследований интертекста является предметом живой дискуссии. На страницах «Чеховского вестника» проблематизируются как конкретные исследования того или иного интертекстуального пласта в творчества

А.П. Чехова, так и теоретико-методологические вопросы интертекстуальных исследований. Анализ этих материалов позволяет сделать несколько выводов. Прежде всего, в современном литературоведении (в т.ч. в чеховедении) существует явный запрос на разработку ясных критериев интертекстуальности, которые могли бы стать общепринятыми и способствовать большей доказательности интертекстуальных исследований (и более продуктивному диалогу между исследователями). Анализ интертекстуальных связей между двумя и более текстами требует учета всего контекста творчества каждого из авторов, чьи произведения сопоставляются, а также биографического, историко-литературного и социокультурного контекстов. Необходимо для исследователя интертекстуальности соблюдать принцип разграничения генетических и типологических связей. Говоря о новейших интертекстуальных исследованиях творчества Чехова, можно отметить, что продуктивными оказываются анализ библейского интертекста в произведениях писателя, анализ интертекстуальных связей между творчеством Чехова и творчеством других русских-классиков – его предшественников (Тургенева, Островского и др.), анализ интертекстуальных связей между писателями XX-XXI вв. и творчеством Чехова (хотя из-за методологической неоднородности далеко не все работы в последних двух направлениях можно признать удачными); весьма перспективным, в силу новизны исследуемого материала, направлением предстает изучение интертекстуальных (а также биографических, историко-литературных) связей между Чеховым и малоизвестными писателями-современниками.

Достоверность и обоснованность результатов исследования определяется привлечением к рассмотрению широкого спектра источников и

использованием различных методологических инструментов истории русской литературы и теории литературы.

Апробация. Материалы диссертационной работы прошли апробацию на 4 международных конференциях 2024–2025 гг.:

- VII Илюшинская конференция (Москва, 2024);
- X Международная научная конференция «Молодые исследователи Чехова».
- «Чехов в меняющемся мире: биография, комментирование, поэтика» (Великий Новгород, 2024).
- XVIII Илюшинская конференция (Москва, 2025).

Структура исследования. Диссертационная работа общим объёмом 153 стр. состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы из 176 позиций на русском и английском языках.

Список публикаций по теме диссертации. Результаты исследования отражены в 5 научных публикациях, 3 из которых опубликованы в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ.

I. Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ:

1. Денисов А.Ю. Проблемы атрибуции на страницах «Чеховского вестника» // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2023. Т. 16. № 4. С. 29–31; 0,2 п.л.; К3.
2. Денисов А.Ю. А.П. Чехов в школьном и вузовском преподавании 2000-х–2010-х гг.: дискуссия в «Чеховском вестнике» // Litera. 2024. № 8. С. 112–123; 0,9 п.л.; К2.
3. Денисов А.Ю. «РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ ЧЕХОВА» В ИССЛЕДОВАНИЯХ 1990-х–2000-х гг. // Вестник

Бурятского государственного университета. Филология. 2024. № 3.
С. 53–63; 0,8 п.л.; КЗ.

II. Другие публикации:

4. *Денисов А.Ю.* Синтез двух подходов // Чеховский вестник: сб. / ред. кол.: В. Б. Катаев и др. М.: ГМИРЛИ имени В. И. Даля, 2022. Вып. 43. С. 25–27.; 0,4 п.л.
5. *Денисов А.Ю.* Странное пари // Чеховский вестник: сб. / ред. кол.: В. Б. Катаев и др. М.: ГМИРЛИ имени В. И. Даля, 2023. Вып. 44. С. 51–52.; 0,3 п.л.

Курсив и разрядка во всех случаях принадлежит авторам цитируемых работ.

ГЛАВА 1. ОБЗОР ОСНОВНЫХ ЭТАПОВ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЧЕХОВЕДЕНИЯ

Характеристика современного этапа развития чеховедения, являющаяся главной целью нашего исследования, невозможна без сопоставления с предшествующими периодами развития науки о жизни и творчестве А.П. Чехова. В связи с этим необходимо кратко представить историю становления и развития чеховедения от формирования его тематического репертуара в прижизненной и дореволюционной посмертной критике (1880-е–1910-е гг.) до позднесоветских научных исследований (1970-е–1980-е гг.).

1.1. Формирование тематического репертуара чеховедения в прижизненной критике и дореволюционной посмертной критике (1880-е– 1910-е гг.)

Прижизненная критика, как правило, намечает, формирует основные направления и способы мысли в отношении писателя – последующие этапы расширяют этот тематический репертуар, но и развивают предложенные уже современниками темы. Об «особом значении» прижизненной критики «при изучении генезиса всякого художественного мира» [Чудаков, 1986: 9] писал выдающийся исследователь творчества А.П. Чехова А.П. Чудаков (о работах которого еще пойдет речь далее).

Русская литературная критика XIX века, при всей ее, известной специалистам, внутренней неоднородности, в массе своей искала в литературных произведениях в первую очередь идеи, «заложенные» туда авторами и высказываемые теми посредством художественной литературы (в силу недоступности и/или неразвитости иных форм политического высказывания). Неудивительно поэтому, что одним из важнейших направлений

интерпретации творчества А.П. Чехова с самого начала стала попытка определить личность самого Чехова, его мировоззрение, систему представлений, ценностей, его «идеалы».

Критики спорили об отношении А.П. Чехова к жизни, о том, был ли он «пессимистом» или «оптимистом», какую роль в жизни человека писатель приписывал случаю и т.д.

Полемизируя со знаменитым публицистом и литературным критиком Н.К. Михайловским (1842–1904), автором статей «Об отцах и детях и о г-не Чехове» («Русские ведомости», 1890, № 104) и «Кое-что о г-не Чехове» («Русское богатство», 1900, № 4), критик, историк литературы, писатель Е.А. Соловьев (Андреевич) (1863–1905) в критическом очерке «Антон Павлович Чехов. Критический очерк» из «Книги о Максиме Горьком и А.П. Чехове» (СПб., 1900) писал, что в восприятии А.П. Чехова «случай в человеческой жизни превращается в необходимость, и нет ровно ничего случайного, потому что все случайно» [А.П. Чехов: pro et contra. Т. 1, 2002: 314], то есть Чехов, по мнению критика, считал человеческую жизнь в принципе состоящей из случайностей, что делало сам «вопрос о случае и его роли» применительно к этому писателю бессмысленным. Соловьев считал Чехова не пессимистом, но «сатириком», отмечая, что его пессимизм «чисто умственный, корень которого в мышлении, а не в настроении...» (можно сказать, что критик считал «пессимизм» Чехова скорее сложившейся у него (и в принципе подвижной, а не данной раз и навсегда) системой представлений, взглядов, мировоззрением, а не «врожденным» мироощущением), а его сатира направлена «не по адресу отдельного человека, а по адресу всей жизни вообще...» (если жизнь вообще странна, нелепа, «случайна», то эти качества в отдельном человеке (литературном герое) не являются его индивидуальными чертами), что, по мнению критика, роднит Чехова с Дж. Свифтом (1667–1745) [там же: 315]. При этом, в отличие от многих современников, Соловьев настаивал на том, что Чехов «ищет... смысл жизни» (не отказывается от этого поиска) [там же: 316], то есть, видя «случайность»,

бессмысленность той жизни, которую изображает, которая сложилась, верит при этом, что жизнь вообще (бытие) может быть другим – осмысленным.

На том, что у Чехова есть «общая идея» настаивал М. Горький («Литературные заметки. По поводу нового рассказа А.П. Чехова «В овраге»» («Нижегородский листок», 1900, № 29)): у Чехова, писал М. Горький есть «нечто большее, чем мирозерцание», он «овладел своим представлением жизни и таким образом стал выше ее. Он освещает ее скуку, ее нелепости, ее стремления, весь ее хаос с высшей точки зрения» [А.П. Чехов: pro et contra. Т. 1, 2002: 330]. По М. Горькому, как и по Е.А. Соловьеву, из того, что Чехов изображает жизнь бессмысленную, не следует, что он отказывает жизни (бытию) в смысле вообще, ведь на бессмыслицу жизни он смотрит со своей особой точки зрения, а значит, возможно иное отношение к жизни и, в перспективе, иная жизнь.

В схожем ключе чеховское мировосприятие характеризовал филолог, историк культуры, лингвист, критик Д.Н. Овсянко-Куликовский (1853–1920) в главе «Этюды о творчестве А.П. Чехова» из книги «Вопросы психологии творчества» (СПб., 1902). Он выделял в творчестве Чехова, с одной стороны, «унылую скорбь», с другой, «прозрение в лучшее будущее» [А.П. Чехов: pro et contra. Т. 1, 2002: 496]. Овсянко-Куликовский считал, что ««пессимизм» Чехова... основывается на глубокой вере в возможность безграничного прогресса человечества», которое «вовсе не идет назад, а только слишком медленно идет вперед...» [там же]. Видим, что мнимый, кажущийся пессимизм Чехова критик выводил из его подлинного оптимизма (так для самого Овсянко-Куликовского – *А.Д.*): именно по сравнению с прекрасным будущим, которое, раньше или позже, обязательно наступит, настоящее кажется таким унылым, бессмысленным).

Однако многие критики, если не большинство, настаивали на подлинном пессимизме Чехова. Так, критик, историк литературы, прозаик Е.А. Ляцкий (1868–1942) в статье «А.П. Чехов и его рассказы» («Вестник Европы», 1904, № 1) утверждал, что «оттого-то и поднимается такой протест в душе против общей

картины жизни у г-на Чехова, что пессимизм его не объективный, не вытекающий из цельного философского мирозерцания, а какой-то смутный, частичный, едва ли не объясняемый во многих случаях преобладанием унылых настроений в душе автора» [А.П. Чехов: pro et contra. Т. 1, 2002: 460]. Как видим, оценка Ляцкого в целом противоположна оценкам предшественников: для него Чехов не «искатель смысла», не видящий его в наличной действительности, но стремящийся к нему, а «прирожденный пессимист», не находящий истины и правды лишь потому, что склонен, в силу склада своей личности, не видеть их. Таким образом, это спор о том, «где расположен источник ощущения бессмысленности» – в описываемой Чеховым действительности или в нем самом, описывающем; а это, в свою очередь, спор не только о Чехове, но и о той реальности, в которой существовали сам писатель и его критики. Если оптимизм или пессимизм писателя – это отношение его оценки действительности к самой действительности (то есть к ее оценке данным критиком), то подобная дискуссия имеет смысл лишь там, где решен вопрос об оценке самой этой действительности (иначе описание реальности у Чехова каждый раз соотносится с отличным от других представлением конкретного критика об этой реальности). Конечно, единой оценки действительности (если таковая вообще возможна) среди писавших о Чехове не было. Таким образом, сопоставление разных точек зрения на мировосприятие А.П. Чехова требует в каждом случае учитывать мировосприятие, мировоззрение автора конкретной критической работы.

В один год с отзывом Е.А. Ляцкого опубликовал текст своей лекции о Чехове («Чехов как мыслитель. Публичная лекция» («Новый путь», 1904, № 10)) философ, богослов, экономист, публицист, литератор С.Н. Булгаков (1871–1944). Развивая мысль Д.Н. Овсяннико-Куликовского, философ назвал Чехова «оптимопессимистом», чья литературная деятельность «вся... проникнута весьма своеобразным и трудно поддающимся определению на языке школьной философии идеализмом, и над всею нею господствует одна общая идея... Этот идеал и является тем светом, при котором только и можно рассмотреть очертания

и краски, опознать хорошее и дурное, различать верх и низ, правую и левую сторону. Только по силе его возможна оценка жизни и осуждение существующего во имя должного, которое... совершается в каждом рассказе Чехова» [А.П. Чехов: pro et contra. Т. 1, 2002: 554]. Настроение Чехова, как отмечал Булгаков, «в высшей степени жизнедеятельно» [там же]. В качестве «термина» для определения характера мироощущения Чехова философ предлагал «оптимопессимизм», «видящий торжество зла, призывающий к мужественной и активной борьбе с ним, но твердо верящий в грядущую победу добра» [там же].

Развивая «критическую» линию Ляцкого (а до этого – Михайловского и др.), философ Л. Шестов (Л.И. Шварцман, 1866–1938), считавший Чехова не просто «пессимистом», но «певцом безнадежности» [там же: 567] («Творчество из ничего (А.П. Чехов)» («Вестник жизни», 1905, № 3)), выводил эту «безнадежность» из материализма писателя, отмечая, что чеховским героям «близка враждебная и материалистическая философия», в которой «нет ответа, обязывающего к радостной покорности», которая «бьет, уничтожает человека, – но... не называет себя разумной, не требует себе благодарности, ей ничего не нужно, ибо она бездушна и бессловесна. <...> Удивительно ли, что в выборе между идеализмом и материализмом Чехов склонился на сторону последнего – сильного, но честного противника?» [там же: 593–594]. Как видим, оппозиции «пессимизм – оптимизм» Шестов предпочел оппозицию «материализм – идеализм» и вывел «материализм» (отказ от «идеализма») Чехова из того, что писатель, как считал философ, видел лишь в материализме возможность борьбы для человека, т.к. идеи подчиняют, поработщают, в то время как материя безлична. И пусть борьба с материей – это «колочение головой об стену» [там же], это всё же борьба, а не «рабская» покорность.

Критик, переводчик Ю.И. Айхенвальд (1872–1928) считал (статья «Чехов» в сборнике «Силуэты русских писателей» (Вып. 3. М., 1906)), что А.П. Чехов не пессимист, но он отыскивает радость в жизни не там, где ее искали другие

авторы: «среди жизненной практики отыскивает Чехов непрактичных»; непрактичность же «способствует усилению чувства жизни как жизни, интереса к ней, к самому процессу ее бескорыстного течения, потому что возникает чистейшая, платоническая, детская радость бытия, независимо от его содержаний...» [А.П. Чехов: pro et contra. Т. 1, 2002: 742]. И далее: «...делают деятели, но делают и дельцы. Чехов... не любит в человеке дельца. Он презирает «деловой фанатизм...» [там же: 742–743]. Как считал критик, хозяйственности, «делячеству он [Чехов] противопоставлял не деятельность, а безделье» [там же]. Как видим, Айхенвальд выводил восприятие Чехова как пессимиста из чеховского презрения к «дельцу и делячеству» и считал, что авторский оптимизм можно найти в отношении писателя к другим, «непрактичным», его героям.

Таким образом, спор об «оптимизме»/«пессимизме» Чехова (то есть о его отношении к действительности, оценке ее) с самого начала был осложнен, во-первых, различной оценкой самой действительности среди писавших о Чехове, во-вторых, разным пониманием самих слов «оптимизм» и «пессимизм» (и других понятий, применявшихся при характеристике писателя).

Тезис об отсутствии у Чехова «общей идеи», о «безыдейности» писателя преобладал в критике и порождал вопросы о том, чем эта «безыдейность» вызвана. Остановимся на этом подробнее.

Один из главных вопросов в дискуссии о Чехове 1890-х–1900-х гг. сформулирован в названии статьи критика и историка литературы А.М. Скабичевского (1838–1910) «Есть ли у г-на А. Чехова идеалы?» (книга «Сочинения» (Т.2.) (СПб., 1892)). Сам критик утверждал, что писатель без идеалов не смог бы написать «Палату №6» и «Рассказ неизвестного человека», поскольку для того, чтобы изобразить нравственную, духовную катастрофу (Рагин, «неизвестный человек»), нужно иметь ясное представление о том, что ей противоположно [А.П. Чехов: pro et contra. Т. 1, 2002: 161].

Однако многие другие писавшие о Чехове отвечали на поставленный (вернее, сформулированный острее других) Скабичевским вопрос иначе. Как

обобщил в статье «А.П. Чехов. Опыт литературной характеристики» («Русская мысль», 1894, Кн. 5) публицист, литературный критик, общественный деятель и экономист В.А. Гольцев (1850–1906), «один упрек Чехову выступает [в статьях А.М. Скабичевского, Н.К. Михайловского, К.К. Арсеньева, Л.Е. Оболенского, М.А. Протопопова и И.И. Иванова] с особенною ясностью: ему ставят на вид отсутствие стройного миропонимания, следствием чего является его безразличное отношение к людям и событиям... и случайность в выборе тем...» [там же: 233]. Как видим из этого замечания Гольцева, современная Чехову критика ожидала от писателя наличия у того вполне определенного (определившегося) мировоззрения, к тому же достаточно прямо выражаемого, и, в большинстве своем, не была готова принять восприятие писателем мира как случайного (случайностного), что рождало подчас почти обвинения в адрес писателя.

Так, критик, публицист, искусствовед, поэт П.П. Перцов (1868–1947) в статье с говорящим названием «Изъяны творчества» («Русское богатство», 1893, № 1; отметим, что П.П. Перцов планировал назвать статью «Беллетристический nature mort», однако редактор Н.К. Михайловский сменил название) писал о чеховском «непонимании факта», об «отсутствии *всякого...* понимания» общественных явлений [там же: 186–187], ждал от Чехова «более глубокой и серьезной мысли» [там же: 213]. Перцов, не протестуя против чеховского объективного метода, призывал того быть «*мыслящим* художником» [там же]. Критик называл ум писателя «простым, ясным, но не сильным, не волнуемым идеями широкими, смелыми», говорил об «отсутствии ширины замысла», о том, что у Чехова «все внешние средства крупного дарования при ограниченном философском кругозоре, при совершенном отсутствии внутреннего жара, вдохновенных порывов, поэтически возвышенной мечты о людях, об искусстве, о литературе», не видел в Чехове «живого художнического увлечения, интеллигентной натуры со светлыми настроениями, внутреннего кипения чувств, мыслей»; наконец, Перцов заключал о творчестве Чехова, что это

«проблески симпатичного таланта, страдающего скудостью идей, замыслов, с небольшим запасом наблюдений в определенном направлении, без широкой психологической перспективы...» [А.П. Чехов: pro et contra. Т. 1, 2002: 216–217]. Видим, что Перцов в 1893 году характеризовал Чехова фактически как модного беллетриста, одного из многих, никак не ожидая видеть того в ряду главных русских, и не только русских, писателей XIX века, хотя уже были созданы «Степь», «Скучная история», «Дуэль», «Палата № 6».

Е.А. Ляцкий в уже цитированной выше статье прозорливо развивал мысль о том, что сам жанр чеховского рассказа заключал в себе «эскизность», не предполагавшую, в свою очередь, высказывания «общих идей», и характеризовал творчество Чехова как «массу эскизов, среди которых есть превосходно сделанные, но ни один еще не перешел в законченную художественную картину» [там же: 440]. Ляцкий полагал, что «истинный жанр» Чехова – «бытовой рассказ без всякой тенденции или, лучше сказать, претензии на философскую глубину смысла. Как ни наблюдателен г-н Чехов, но наблюдательность эта... – свойство тонко мыслящего человека, но не психолога, – для этого она слишком холодна» [там же: 469–470]. Как видим, и Ляцкий, вслед за Перцовым, отказывал писателю в глубине замысла и глубине психологизма, признавая талант Чехова, но считая его ограниченным чисто художественными, изобразительными достоинствами.

Одним из наиболее убежденных критиков «безыдейности» Чехова был уже цитированный нами Л. Шестов. В той же статье («Творчество из ничего», 1905) философ утверждал, что отказ от «требований «мировоззрения»», неспособность ответить на них стали «второй природой Чехова». Шестов видел в сочинениях Чехова «нескрываемую брезгливость... к принятым идеям и мировоззрениям», причем в «Иванове» сильнее, чем в «Скучной истории»; выразительная формулировка: «...там, где царствуют Ивановы и безнадежность, нет и не может быть места для идеи» [А.П. Чехов: pro et contra. Т. 1, 2002: 582–583]. Отметим здесь, что философ, по всей видимости, считал Иванова – как главное и заглавное

действующее лицо пьесы – выразителем идей его автора. Мысли чеховских персонажей вообще часто приписывались и приписываются самому писателю и драматургу, что осложняло и осложняет дискуссию о его мировоззрении (об этом пойдет речь во второй главе диссертационного исследования). Шестов заключал, что у Чехова не было и не могло быть «идеала», поскольку идеал «предполагает подчинение, добровольный отказ от своих прав на независимость, свободу и силу – такого рода требования, даже намеки на такого рода требования возбуждали в Чехове всю силу отвращения и омерзения, на которые только он был способен...» [там же: 584]. Действительно, свобода, независимость занимали очень важное место в системе ценностей Чехова, о чем свидетельствуют его письма⁴, однако трудно видеть в Иванове или в профессоре Николае Степановиче из «Скучной истории» лица, достаточно близкие их автору, чтобы их слова можно было принять за суждения самого писателя, не говоря о том, что в художественном произведении писатель никогда не высказывается прямо (для этого есть публицистика, письма, дневник и т.д.).

Другим сторонником тезиса о «безыдейности» Чехова был публицист и литературный критик М. Неведомский (М.П. Миклашевский, 1866–1943), подробно развивавший эту тему в статье «Без крыльев (А.П. Чехов и его творчество)» («Литературно-научный сборник», СПб., изд-во «Мир Божий», 1906, № 8) и видевший в «атеоретичности» Чехова нечто общественно, исторически необходимое, обусловленное своим временем: «...эпоха переоценки и разочарования в недавних «программах» (имеется в виду разочарование в идеях народничества в 1880-е гг. – А.Д.) воспитала в нем [в Чехове] скептическое отношение к теоретизации жизни вообще, ко всякой попытке систематизировать жизнь и охватить *сущее* и *должное* в одной сколько-нибудь стройной теоретической схеме. Во всякой религии жизни он как бы

⁴ Знаменитый пример – письмо А.Н. Плещееву от 4 октября 1888 года со словами об «абсолютнейшей свободе, свободе от силы и лжи, в чем бы последние две ни выражались» [Чехов, 1974–1983. Письма. Т. 3.: 11].

заподозривал *догму*, скептически-опасливо сторонился от нее, как бы боясь потерять «свободу личности», утратить *точность* и искренность чувства и мысли. Всякая теория представлялась ему чем-то «внешним», принадлежащим всем, всему внешнему «обманчивому» миру, и он, точно схимник, спасался от «соблазнов разума» в свой внутренний мир, в мир непосредственных «точных» переживаний и настроений. Это... нечто похожее на христианский *аскетизм мышления...*» [А.П. Чехов: pro et contra. Т. 1, 2002: 809]. Критик полагал, что это «отрицание идей» и эта «атеоретичность» Чехова «ограничивали его идейный кругозор именно до обывательской узости» и видел «трагедию чеховской жизни» в «вечном конфликте, вечном противоречии между тонкой эстетической организацией, до отвращения, до боли ненавидевшей обывательщину, и этим обывательски-узким кругозором мысли» [там же: 815]. Полемизируя с С.Н. Булгаковым, М. Неведомский отмечал, что, если бы он, а не Булгаков, писал статью на тему «Чехов как мыслитель», он бы «ограничился пятью словами: *Чехов совершенно не был мыслителем*» [там же]. Откликнулся критик и на статью Л. Шестова, охарактеризовав работу последнего о Чехове как «неудачу»: по мнению М. Неведомского, Шестов предпринял попытку «продолжить до их пересечения все «отрезки» идей, которые попадают у Чехова. И вот, доведенные до своего логического конца, эти идеи дали философию такого мрачного и универсально похоронного скептицизма, что пришел в ужас даже сам мрачный г-н Шестов!...» [там же: 820]. Однако несмотря на, казалось бы, не менее суровый, чем у Перцова или Шестова, тон статьи М. Неведомского, критик признавал за Чеховым важную заслугу перед русской литературой, состоявшую в том, что именно с Чехова «начинается поворот от прежней, суживавшей область искусства, гражданско-идейной теории, которая исповедывалась нашими художниками... и критиками...»; именно с Чехова «начинается новая полоса нашего искусства, переход от морально-публицистических заданий к расширенным горизонтам, к искусству с заданиями эстетико-философскими...» [А.П. Чехов: pro et contra. Т. 1, 2002: 824–825]. М. Неведомскому удалось, с одной стороны, не отказаться от убежденности в «безыдейности» Чехова, в его

«обывательском кругозоре», а с другой, обосновать своего рода необходимость этих его качеств, видя Чехова выразителем, главной силой трансформационных процессов, происходивших в русской (и не только русской) словесности того времени.

Принципиальным противником тезиса о «безыдейности», «атеоретичности» Чехова был литературовед А.С. Долинин (Искоз) (1880–1968), писавший в статье «О Чехове (Путник-созерцатель)» («Заветы», 1914, № 7, Отд. II), что Чехову необходимы «объективные высшие цели» как «спасенье от ограниченности, разрозненности для его *настоящего*, как спасенье от самого себя, от *органической* болезни его духа, воспринимавшего мир в виде бесчисленного количества отдельных, ничем не соединенных между собою частиц» [там же: 951]. В связи со «Скучной историей» Долинин замечал, что художественные сочинения А.П. Чехова «действительно связаны в одно целое; связаны именно этим *исканием* [«общей идеи»]» [там же].

Как видим, новаторская поэтика Чехова, его взгляд на мир как на сумму случайностей, особенности его жанрового мышления заставляли одних критиков и исследователей видеть в писателе неразвитость мировоззрения, узость взглядов, несознательность, других – презрение, пренебрежение к общепринятым взглядам, третьих – особую чуткость Чехова к общественным, историческим переменам, которые требовали изменения самих принципов литературного творчества.

Чехов – переходная фигура в истории русской и мировой литературы – последний русский писатель-классик XIX века, открывший (особенно в драматургии) многие пути русской и мировой литературе XX столетия. Поэтому такая разногласия среди первых критиков и исследователей неудивительна: они сами жили в то же переходное время и занимали разные позиции по отношению к трансформациям, свидетелями которых были, что обуславливало настолько различные, подчас полярные, оценки творчества и мировоззрения Чехова.

Еще одна подтема внутри темы личности, мировоззрения Чехова, – вопрос о его «холодности», т.е. о равнодушии Чехова к описываемому и/или к читателю.

Первое (и весьма влиятельное в силу авторитета автора) суждение о «холодности» Чехова высказал Н.К. Михайловский в статье «Об отцах и детях и о г-не Чехове». Критик писал о сборнике «Хмурые люди»: «Все у него [у Чехова] живет: облака тайком от луны шепчутся, колокольчики плачут, бубенчики смеются, тень вместе с человеком из вагона выходит. <...> Но, странное дело... от книжки его жизнью все-таки не веет. И это отнюдь не потому, что он взялся изобразить «Хмурых людей». <...> не в хмурых людях тут дело, а, может быть, именно в том, что г-ну Чехову все едино — что человек, что его тень, что колокольчик, что самоубийца. <...> Нет, не «хмурых людей» надо бы поставить в заглавие всего этого сборника, а вот разве «холодную кровь» (название одного из рассказов сборника – *А.Д.*): г-н Чехов с холодной кровью пописывает, а читатель с холодной кровью почитывает» [А.П. Чехов: pro et contra. Т. 1, 2002: 84–86]. Как видим, Михайловский противопоставил талант Чехова-художника, Чехова-пейзажиста (талант этот отмечался многими писавшими о Чехове в дальнейшем) случайности его художественного мира и установке писателя на объективность изображения: такое сочетание особенностей поэтики казалось критику внутренне контрастирующим и приводило к выводу о «холодности» писателя.

С Михайловским полемизировал цитированный выше Е.А. Соловьев, считавший, что Чехов «художественная натура по преимуществу, т.е. такая, для которой жизнь природы и людей – столько же материал любви и ненависти, сколько и интереса» и утверждавший, что важны «не слезы, а серьезное отношение к жизни, ее понимание» [А.П. Чехов: pro et contra. Т. 1, 2002: 295]. Соловьев полагал, что Чехов «никак не учитель жизни», а просто «огромная художественная сила, в превосходных образах изобразившая нам томления и муки своей эпохи» [там же: 324]. Критик не спорил с утверждением, что изображенные Чеховым картины «обдают холодом», однако считал, что сам акт

этого изображения противоположен какой-либо авторской холодности, т.к. имеет своей целью как раз «развенчание» этого «холодного» мира, борьбу с «холодностью» в нем.

Мнение о «холодности» Чехова разделял цитированный выше М. Неведомский (М.П. Миклашевский), по мнению которого писатель «не умел найти простых и достаточно сильных слов для выражения сильных чувств»; критик считал, что Чехов как писатель «был *лишен пафоса*», чем объясняется «его «благодушно-безразличное» отношение к людям». Это, по мнению М. Неведомского, приводило к «какому-то заглядыванию в жизнь и в людей *извне*, со стороны, с точки зрения постороннего наблюдателя, а не участника», с чем при этом уживался «необыкновенный «зрительский» *интерес* к жизни, неуголимая наблюдательность... какой-то *технический*, чисто художественный интерес к наблюдению и воспроизведению жизни, и такая выработанность, такая сознательная продуманность в приемах наблюдения и воспроизведения, как мало у кого другого!» [там же: 800]. Как видим, и М. Неведомский, признавая в Чехове талант и мастерство художника, отказывал тому в наличии некоторого сильного внутреннего чувства по отношению к изображаемому.

Как и факт популярности тезиса о «безыдейности» Чехова, факт настойчивого повторения мысли о «холодности» писателя иллюстрирует то, насколько поэтика Чехова с ее установкой на объективность была нова и трудна для восприятия первыми критиками и исследователями. Одних признаки «холодности» писателя заставляли видеть «холодную кровь» в самом авторе, других – приписывать эту «холодность» самой изображенной Чеховым действительности, а Чехову – желание борьбы с ней (то есть снова имеет место зависимость характеристики Чехова, его творчества и мировоззрения, от того, как тот или иной критик оценивал наличную социальную действительность, а также от того, как тот или иной писавший о Чехове понимал задачи литературы и принципы литературного творчества).

Рассмотрев процесс формирования темы личности, мировоззрения А.П. Чехова и формирование внутри подтем его (Чехова) «безыдейности» и

«холодности», мы видим, что рассказы, повести и пьесы Чехова, в силу их новаторской поэтики, порождали сложности в восприятии творческой личности их автора критиками и литературоведами. Сознательный отказ писателя от прямого выражения в своих сочинениях авторской позиции (такое выражение своей позиции было (или считалось) в значительной степени характерным для великих предшественников Чехова, в первую очередь для Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского) приводил к тому, что ведущие критики и литературоведы своего времени видели Чехова подчас настолько различно, что диапазон расхождения в оценках интеллектуального, культурного, эстетического облика писателя был беспрецедентным для автора такого масштаба. Что, однако, зачастую не мешало критикам и литературоведам высказывать содержательные суждения относительно тех или иных аспектов чеховской поэтики.

Повторим основные выводы, к которым мы пришли в результате анализа прижизненной и дореволюционной посмертной критики А.П. Чехова: 1) тема личности, мировоззрения А.П. Чехова сразу стала ведущей в критических статьях и литературоведческих исследованиях. Это объясняется во многом спецификой русской литературной критики второй половины XIX века с ее преимущественным интересом к «идейному содержанию» литературных произведений, стремлением выявить авторские «тенденции»; 2) мировоззрение А.П. Чехова оценивалось в категориях «оптимизм» – «пессимизм» (и близких им), при этом высказывались полярные суждения; 3) отдельная очень важная подтема – «безыдейность» А.П. Чехова (отсутствие у писателя ясной мысли или неспособность выразить таковую); 4) новаторская поэтика Чехова, последовательность проводимой автором установки на объективность изображения определили остроту и интенсивность этой дискуссии; 5) отдельная важная подтема – спор о «холодности» А.П. Чехова, о том, испытывал ли писатель сочувствие, сострадание к изображаемому (что воспринималось критикой тех лет как обязательный компонент творчества действительно крупного автора); 6) дискуссии о Чехове затрагивали самые различные стороны

жизни, общества, отрасли философии, что осложняло споры, т.к. спорившие расходились не только в оценке Чехова, но и в оценке самой действительности; 7) новаторская поэтика Чехова оказалась сложна для восприятия современниками, что привело к беспрецедентному уровню расхождения во мнениях среди критиков и исследователей литературы.

Тематический репертуар, заданный прижизненной и дореволюционной посмертной критикой, в основном сохранится в советском чеховедении 1920-х–1950-х гг. (для данного периода, в отличие от позднесоветского этапа, будет характерно еще не четкое разделение между литературной критикой и научным литературоведением, что сближает раннесоветское чеховедение с дореволюционной критикой), расширяясь и трансформируясь с учетом новой социокультурной ситуации, о чем пойдет речь в следующем параграфе.

1.2. Специфика советского чеховедения 1920-х–1950-х гг.

Исследования жизни и творчества А.П. Чехова велись в 1920-е–1950-е гг. не только в СССР, но и в русском зарубежье, однако мы считаем необходимым далее обратиться именно к советскому чеховедению этого периода, т.к., во-первых, оно в большей степени, нежели чеховедение эмигрантское, повлияло на чеховедческие штудии уже 1970–1980-х гг. – периода, прямо предшествующего современному чеховедению, которое представляет основной интерес для нас (работы, создававшиеся литературоведами-эмигрантами, не всегда могли быть доступны позднесоветским чеховедам; а если были доступны, не всегда могли привлекаться в нужном объеме); во-вторых, советское чеховедение 1920-х–1950-х гг. изучено лучше, чем чеховедение русского зарубежья того же периода; в-третьих, чтобы лучше понять новаторские интенции чеховедения 1970-х–1980-х гг., необходимо прежде выявить основные подходы, установки, специфику советского чеховедения 1920-х–1950-х гг., отталкиваясь от которого будут затем Э.А. Полоцкая, А.П. Чудаков, В.Б. Катаев, И.Н. Сухих и др.

Официальное советское чеховедение стало объектом внимания исследователей еще в советскую эпоху – прежде всего в работах М.Л. Семановой⁵, Э.А. Полоцкой⁶, Б.И. Александрова⁷. Однако, как отмечают современные исследователи, эти работы, написанные «изнутри» советского литературоведения, не могли претендовать на объективность [Сухих, 2010: 9; Степанов, 2021а: 685; Зайцев, 2022: 18]. В силу этого советское чеховедение 1920-х–1950-х гг. является объектом интереса современных исследователей, имеющих возможность изучать его уже «со стороны».

⁵ Семанова М.Л. Чехов и советская литература. М.; Л.: Советский писатель, 1966; Она же. А.П. Чехов в отзывах русских советских писателей и в их жизни // Русская литература. 1985. № 3. С. 85–103.

⁶ Полоцкая Э.А. Чехов (личность, творчество) // Время и судьбы русских писателей. М. Наука, 1981. С. 282–343.

⁷ Александров Б.И. Семинарий по Чехову. М.: Учпедгиз, 1957. С. 72–95.

В 2010 году был опубликован второй том антологии «А.П. Чехов: pro et contra», посвященный русскоязычному осмыслению жизни и творчества А.П. Чехова в 1914–1960 гг. Том сопровождается вступительной статьей составителя антологии И.Н. Сухих «Сказавшие «О!». Потомки читают Чехова», печатавшейся также в журнале «Нева» в № 12 за 2010 год. Статья представляет собой попытку обзора чеховедения от десятилетия со дня смерти писателя до столетнего юбилея его рождения, при этом чеховедения не только советского, но и эмигрантского. Однако мы, в силу названных выше причин, остановимся на том, как И.Н. Сухих характеризует именно советское чеховедение 1920-х–1950-х гг.

И.Н. Сухих отмечает, что полтора десятилетия после смерти Чехова прошли под знаком спада интереса к его личности и творчеству. Однако в середине 1920-х гг. «в советском воздухе что-то меняется. Не только еретики старой школы (вроде... Замятина), но законодатели новых вкусов вдруг начинают протаптывать тропинки к Чехову» [Сухих, 2010: 14-15]. Здесь оказываются важны стенограмма публичной речи А.В. Луначарского «Чем может быть Чехов для нас?» (1925) и его же лекция перед студентами Коммунистического университета им. Свердлова, прочитанная 26 мая 1926 года. Луначарский, в противовес господствовавшему тогда мнению, считавшему Чехова писателем устаревшим, «старорежимным», говорил об актуальности автора в контексте строительства нового общества; о том, какой «подвиг взял на себя Чехов в годину безвременья и как честно служил он и обнаружил, в конце концов... что жизнь безобразна и пошла и что честному человеку перед ней можно только тосковать или объявить ей беспощадную войну» [А.П. Чехов: pro et contra. Т. 2. 2010: 161]. Кроме Луначарского, «переоткрыть», заново «придумать» Чехова для нового, советского, читателя пытались литературовед Ю.В. Соболев (статья «Чехов в наши дни», газета «Известия», 15 июля 1924 года) и журналист М.Е. Кольцов (статья «Чехов без грима», газета «Правда», 15 июля 1928 года), однако их работы И.Н. Сухих в антологию не включил.

Отмечает И.Н. Сухих и предисловие В.М. Фриче к первому советскому собранию сочинений А.П. Чехова (1929), однако считает его идеологизированным (и тоже не включает в антологию). Подводя итог работам Луначарского, Соболева, Кольцова, Фриче, составитель антологии констатирует, что «общими усилиями» была выработана «формула *нашего советского Чехова*»: А.П. Чехова, его биографию и творчество, адаптировали для новой культуры «путем перемены знаков, выворачивания наизнанку старых шаблонов...» [Сухих, 2010: 16]; как отмечает исследователь, в итоге «изобразитель безвольной интеллигенции, хмурых людей превратился в неистового их обличителя, поэт сумерек — в яростного сатирика, разоблачающего житейскую пошлость, дворянско-помещичий уклад и буржуазный строй жизни» [там же: 17] (схожая концепция – в статье А.Д. Степанова [Степанов, 2021a], о которой пойдет речь далее в этом параграфе).

Переходя от анализа публицистики к рассмотрению научного чеховедения выбранного периода (хотя, как мы отметили ранее, разграничение это еще не было строгим), И.Н. Сухих отмечает, что в 1920-е–1930-е гг. чеховедение представляет собой совокупность «разрозненных усилий, индивидуальных «проектов»», в связи с чем история советского чеховедения данного этапа представляет собой «пунктир, а не непрерывную линию» [Сухих, 2010: 18–19]. Автор обзора отмечает, что литературоведов-формалистов (ранних Б.М. Эйхенбаума, В.Б. Шкловского) творчество Чехова почти не интересовало. Выделяет он (и включает в антологию) статью М.А. Рыбниковой «Движение в повести и в рассказе Чехова» в книге «По вопросам композиции» (1924). Рыбникова исследует эволюцию малого жанра в творчестве Чехова «от рассказа-анекдота к лирическому рассказу, «стихотворению в прозе» и новелле», однако, как отмечает И.Н. Сухих, намеченная Рыбниковой типология «растворяется во множестве жанрово не определенных исследовательницей текстов» [Сухих, 2010: 21]. Рыбникова, повторяя мысль прижизненной критики (в частности,

Н.К. Михайловского), пишет об отсутствии полноценного сюжета в повестях «Степь» [А.П. Чехов: pro et contra. Т. 2. 2010: 164–165] и «Мужики» [там же: 168]. Как замечает по этому поводу составитель антологии, «формалистское различие между сюжетом и фабулой для исследовательницы еще не существует» [Сухих, 2010: 21]: отсутствие фабулы приравнивается к отсутствию сюжета. В связи со статьей Рыбниковой автор обзора пишет о распространенном в чеховедении этого (и не только этого) периода «оценочном подходе к большой чеховской форме» [там же] и приводит характерную формулировку из работы исследовательницы – о том, что Чехову «не давалась техника романа, он не владел формой большого повествовательного целого...»⁸ [А.П. Чехов: pro et contra. Т. 2. 2010: 173–174]. Представление об особенностях жанрового мышления Чехова и его современников именно как об особенностях, а не как о недостатках, утвердится в литературоведении лишь значительно позже. При этом уже в конце 1930-х гг. с тезисом о «случайности тем и композиционной несобранности сюжетов» [Сухих, 2010: 22] рассказов Чехова, озвученным еще Михайловским, спорил А.Г. Горнфельд в статье «Чеховские финалы» (1939; включена в антологию). Полемизируя с Михайловским, Горнфельд называет рассказ «Палата № 6» «последовательным и цельным», «законченным художественным созданием» [А.П. Чехов: pro et contra. Т. 2. 2010: 467]. Как формулирует И.Н. Сухих, эволюция рассказа в творчестве Чехова в интерпретации Горнфельда предстает как «движение от ранних *финалов-неожиданностей*, крутых и окончательных развязок, — к поздним *финалам-размышлениям*, ничтожеству всякого действия...» [Сухих, 2010: 22–23], причем бездействие героя, по Горнфельду, «компенсируется активностью, соразмышлением и сочувствием читателя» [Сухих, 2010: 22–23].

В 1940 году к творчеству Чехова обратился писатель и литературовед С.Д. Кржижановский (статья «Чехонте и Чехов (Рождение и смерть юморески)»;

⁸ Ср. суждение В.В. Набокова: «Чехов никогда бы не смог написать настоящий длинный роман — он был спринтером, а не стайером» [Набоков, 2010: 354].

включена в антологию). Работа посвящена поэтике чеховской юмористики 1880-х гг. и, как считает автор обзора, избегает популярных «социологических шаблонов» [Сухих, 2010: 22–23]. Прообразом, «архетипом» чеховской юморески, по Кржижановскому, являются записные книжки Чехова, хотя хронологически они следуют за ранними юмористическими рассказами, появляясь уже в 1890-е гг. [там же: 25]. И.Н. Сухих определяет формулу юмористического рассказа Чехова в интерпретации Кржижановского как «многоступенчатое нарастание событий по принципу стимулов и реакций» (то, что исследователи фольклора определяют как «кумулятивный сюжет») [там же]. Кржижановский предлагает своего рода «лестницу чеховских жанров: записная книжка — юмореска — рассказ — повесть», при этом малые жанры со временем превращаются в более крупные [там же]. Кржижановский отмечает, что «даже самые «благополучные» рассказы Чехова, «если, следуя известной инерции сюжета, попробовать мысленно продлить их, теряют свою юмористическую направленность» [А.П. Чехов: pro et contra. Т. 2. 2010: 508]: в качестве примера приводит рассказ «Устрицы» (1884) [там же: 511]. По мнению составителя антологии, новаторство концепции Кржижановского состоит в том, что в ней «Чехонте и Чехов оказываются не последовательно сменяющимися *этапами*, а скорее *разными гранями* единого чеховского мира, а смех и горечь — его попеременно возникающими акцентами», вследствие чего поздние записные книжки «типологически совместимы с самыми ранними текстами, а «комплексные образы» свободно пересекают границы обычно выделяемых периодов...» [Сухих, 2010: 26].

И.Н. Сухих выделяет монографию А.Б. Дермана (которого вслед за А.Г. Горнфельдом и А.А. Потебней относит к «психологической школе» [Сухих, 2010: 27] («Творческий портрет Чехова» (1929; главы включены в антологию)). Дерман предложил оригинальную концепцию *дисгармонии* «натуры» (души) Чехова [там же: 27-28]. Как считает автор монографии, эта «дисгармония» состояла в том, что «при уме обширном и поразительно-ясном» Чехов «наделен

был «молчанием сердца» — слабостью чувства любви. То, что мы называем непосредственностью чувства, было ему незнакомо» [А.П. Чехов: pro et contra. Т. 2. 2010: 225]. И.Н. Сухих замечает, что Дерман «настойчиво отыскивает эти две категории [«ум обширный и поразительно-ясный» и ««молчание сердца» — слабость чувства любви] и в чеховских персонажах, и в особенностях чеховского стиля, и даже в критике Чехова» [Сухих, 2010: 28]. По мнению составителя антологии, образ Чехова в работе Дермана вышел «явно односторонним, схематичным», однако, «наблюдения над диалектикой чеховского самовоспитания, динамикой его творчества, природой чеховской лирики, ритмикой прозы, и даже две страницы, посвященные такому специальному вопросу, как звукоподражания» И.Н. Сухих аттестует как «удивительно точные»: эти наблюдения исследователи жизни и творчества Чехова в дальнейшем «не раз переоткрывали» [Сухих, 2010: 28]. Книга Дермана вызвала сильную критику, что заставило автора позднее корректировать свою концепцию личности Чехова и его творчества в сторону упрощения, меньшей парадоксальности. О поздних работах Дермана о Чехове («А.П. Чехов. Критико-биографический очерк», 1939; «О мастерстве Чехова», 1959) автор обзора пишет, что в них «вместе с полемическим пафосом исчезли острота мысли и наблюдений»; они представляются И.Н. Сухих лишь «сводом материала, систематизацией более или менее распространенных клише» [там же].

Как мы отметили выше, в антологию чеховедения 1914–1960 гг. составитель включил не только исследования, написанные в СССР, но и работы, созданные в русском зарубежье. Необходимо упомянуть монографию М.А. Каллаш (изданную под псевдонимом М. Курдюмов) «Сердце смятенное» (1934), которую И.Н. Сухих характеризует как «пожалуй, единственную работу, которая принципиально противостоит синхронному ей советскому чеховедению», для которого «тема «веры или неверия» была закрыта» [Сухих, 2010: 28]. При этом И.Н. Сухих отмечает, что книга М.А. Каллаш и до сих пор почти не усвоена, «остается на периферии чеховедения» [там же: 31].

Среди советских чеховедов И.Н. Сухих выделяет также А.И. Роскина (его основные работы были изданы после его смерти в сборниках «А.П. Чехов. Статьи и очерки» (1959), «Статьи о литературе и театре. Антоша Чехонте» (1959)), которого автор обзора считает «одним из немногих советских литературоведов, избежавших формальных и социологических односторонностей» [там же: 32]. Как отмечает составитель антологии, в новаторских статьях о прозе и драматургии Чехова Роскин «обращался к вопросам, которые мало интересовали увлеченных поисками *социологического эквивалента* или *основного приема* его современников» [Сухих, 2010: 32]. И.Н. Сухих особенно выделяет статью Роскина о литературных связях Чехова с писателями-восьмидесятниками («артелью», как определял их (причисляя к ним и себя) сам Чехов) («А.П. Чехов и скромные реалисты»; отметим здесь, что тема мало сейчас известных писателей-современников Чехова остается сравнительно малоисследованной и потому перспективным направлением в чеховедении до сих пор) и статью о роли науки в творчестве А.П. Чехова («Чехов и наука»), а также статью «Чехов в советах драматургам» и книгу ««Три сестры» на сцене Художественного театра (1946)». В антологию составитель включил статью «Заметки о реализме Чехова» (1939), в которой «по-новому поставлена давняя проблема взаимоотношений Антоши Чехонте и Антона Чехова»: реализм позднего Чехова Роскин выводит из ранних повестей («Зеленая коса», «Драма на охоте» и др.); при этом Роскин вновь отмечает влияние научной, медицинской школы на формирование поэтики Чехова, в частности отмечает влияние на писателя «Введения в экспериментальную медицину» К. Бернара и теории экспериментального романа, разработанной Э. Золя.

Точкой «окончательной канонизации» А.П. Чехова автор обзора видит издание полного собрания сочинений в 20 томах (1944–1951). Как фиксирует И.Н. Сухих, этот двадцатитомник, «скупой откомментированный, с купюрами в письмах, тем не менее почти на тридцать лет станет основным источником: по нему писателя будут переиздавать, переводить, изучать» [Сухих, 2010: 33–34].

Продолжили тренд на укрепление фигуры Чехова в статусе канонизированного классика работы В.В. Ермилова – в первую очередь две книги: биография Чехова в серии «Жизнь замечательных людей» (1946) и «Драматургия Чехова» (1948). Обе книги многократно переиздавались, Ермилов стал лауреатом сталинской премии за 1949 год. Как пишет И.Н. Сухих, книги Ермилова «на полтора-два десятилетия становятся главной, «официальной» интерпретацией Чехова» и открывают писателя «большинству обычных читателей» [там же: 34]. По мнению автора обзора, Ермилов доводит «до логического предела тенденции, обозначившиеся в двадцатые годы: окончательно формирует *облик Чехова — нашего товарища*» [там же]. Ни одну работу Ермилова составитель в антологию не включил, считая, что Чехов в изображении В.В. Ермилова был «скрыт под толстым слоем оптимистического грима и временами напоминал даже не Горького, а каких-нибудь соцреалистов-лакировщиков сороковых годов» [там же: 35].

И.Н. Сухих с точки зрения методологии противопоставляет работам В.В. Ермилова статью Б.М. Эйхенбаума «О Чехове» 1944 года (включена в антологию), которую сравнивает со статьей того же Эйхенбаума с тем же названием 1914 года, «критической полемикой» [там же: 36], в которой Чехов был назван эпигоном толстовского реализма. Как отмечает автор обзора, через тридцать лет Эйхенбаум полемизирует «не только с чеховскими современниками, но и самим собой» [там же: 37]. Эйхенбаум пишет в статье 1944 года, что Россию «надо было показывать не только вглубь, но и вширь, со всеми особенностями ее национальной жизни, ее быта и природы. Надо было не только решать вопросы, но и собирать материал для правильной их постановки; надо было изучать Россию всесторонне, во всем ее своеобразии, во всех вариантах ее сословного, профессионального и умственного бытия» [А.П. Чехов: pro et contra. Т. 2. 2010: 694]. Эту миссию, по мнению литературоведа, и взял на себя Чехов. Предшественником Чехова здесь Эйхенбаум видит Гоголя, хотя в статье 1914 года писал о «метафизической бездне» между ними. Как теперь замечает

Эйхенбаум, важно не только то, что Чехов «ввел в русскую литературу короткий рассказ», но и то, что эта краткость «была принципиальной и противостояла традиционным жанрам романа и повести как новый и более совершенный метод изображения действительности» [там же: 701]. Как отмечает составитель антологии, достаточно компактная статья Эйхенбаума «кажется конспектом — так и не написанной — монографии Эйхенбаума о чеховском творчестве» [Сухих, 2010: 38]. При этом, несмотря на все достоинства, в статье, по мнению И.Н. Сухих, Чехов «слишком явно загримирован под Горького и приспособлен к требованиям эпохи», что автор обзора называет «печатью времени» и «единственной уступкой ермиловскому официозу» [там же].

Автор обзора выделяет (и включает в антологию) также статью Г.А. Бялого «К вопросу о русском реализме конца XIX века» (1946). Как отмечает И.Н. Сухих, у Бялого Чехов предстает «борцом за новое искусство» [там же]. Бялый противопоставляет Чехонте Чехову («молодой писатель менее радикален» [там же]) и отмечает «конструктивную роль чеховской пародии» [там же] (формулировки И.Н. Сухих). Как пишет Бялый, «все пути, которые перепробовал в начальном периоде своего творчества Чехов, предполагают: 1) что писателю известна «настоящая правда» о жизни, неизвестная читателю и, следовательно, миру, и 2) что, значит, в произведении может быть, и даже должна быть дана, декларирована и прямо выражена, позитивная «норма» жизни и человеческих отношений. Применив во многих своих произведениях этот принцип в различных его формах, Чехов отходит от него, отказывается от обеих предпосылок, лежащих в его основе» [А.П. Чехов: pro et contra. Т. 2. 2010: 730]. Как формулирует составитель антологии, главным в понимании позднего чеховского творчества, по Бялому, «становится категория *нормы* в ее отрицательном, апофатическом значении» [Сухих, 2010: 38]. Согласно Бялому, «норма» осознается Чеховым «не как нечто позитивное, прямодекларируемое, а как начало негативное: писатель может чувствовать отклонение от “нормы” и обязан это отклонение показать в своем творчестве; в то же время точным

определением “нормы” он может при этом и не обладать» [А.П. Чехов: pro et contra. Т. 2. 2010: 731].

Наиболее подробно пишет И.Н. Сухих о работах А.П. Скафтымова, в наследии которого выделяет как «статьи-интерпретации, дающие целостную концепцию чеховской драматургии» [Сухих, 2010: 40] («О единстве формы и содержания в “Вишневом саде” А.П. Чехова» (1946); «К вопросу о принципах построения пьес А.П. Чехова» (1948); «Драмы Чехова» (датируемая публикатором концом 1920-х годов; не завершена); <«О Чайке»> (1938–1945; не завершена), так и «источниковедческие и фактологические работы» [там же] («О повестях Чехова “Палата № 6” и “Моя жизнь”» (1948); «Пьеса Чехова “Иванов” в ранних редакциях» (1948)). В антологию включены статьи «О единстве формы и содержания в «Вишневом саде» Чехова» и «К вопросу о принципах построения пьес А.П. Чехова». Как замечает автор обзора, в своих разборах Скафтымов исходил из *«телеологического принципа: художественное произведение устроено системно, причем эта система центростремительна»* [там же: 41]. В центре литературного произведения, по Скафтымову, – *«идейно-психологическая тема»* автора [Скафтымов, 2008. Т. 3: 59], «внутренний тематический смысл безусловно господствует над всем составом произведения» [там же]. Как отмечает И.Н. Сухих, к моменту создания основных работ Скафтымова (1940-е гг.) новаторство чеховской драматургии все еще не было глубоко понято. Показателен отзыв О.Э. Мандельштама о «Дяде Ване»: «Для того, чтобы установить, что кто-то кому-то приходится дядей, надо выучить целую табличку. Мне, например, легче понять воронкообразный чертеж дантовской Комедии, с ее кругами, маршрутами и сферической астрономией, чем эту мелкопаспортную галиматью» [Мандельштам, 1993–1999. Т. 3: 414]. Как писал позже А.И. Роскин, о новаторстве чеховской драматургии говорили и писали «как о возведении художником в принцип своих органических недостатков» [Роскин, 1959: 235]. Автор обзора считает, что наиболее любопытные интерпретации драматургии Чехова предлагали люди театра: так,

В.И. Немирович-Данченко и К.С. Станиславский открыли «*подводное течение*» и «*подтекст*», а В.Э. Мейерхольд, «вслед за А. Белым⁹, увидел символизм «Вишневого сада»». Однако такие наблюдения оставались «эпизодичными»: как минимум до конца 1930-х гг. чеховская ««с и с т е м а построения драмы» не была объяснена именно как *система*»» [Сухих, 2010: 42]. В статье «К вопросу о принципах построения пьес А.П. Чехова» Скафтымов впервые предложил попытку «рассмотреть конструктивные особенности пьес Чехова как выражение особого жизненного драматизма, открытого и трактованного Чеховым как принадлежность его эпохи» [А.П. Чехов: pro et contra. Т. 2. 2010: 787]. Как замечает И.Н. Сухих, Скафтымов здесь исходит из того, что «воспроизведение быта, а не событий является исходной тематической установкой чеховской драматургии» [Сухих, 2010: 42]. По Скафтымову, «будни жизни с их пестрыми, обычными и внешне спокойными формами в пьесах Чехова выступили как главная сфера скрытых и наиболее распространенных конфликтно-драматических состояний» [А.П. Чехов: pro et contra. Т. 2. 2010: 794]. В соответствии с этим, Скафтымов видит в драматургии Чехова «новый *тип конфликта*, имеющего не персонально-личностный, а трагически-обобщенный характер», как формулирует составитель антологии [Сухих, 2010: 42]. Скафтымов конкретизирует содержание этого конфликта: «возвышенным желаниям противостоит жизнь в ее текущем сложении» [А.П. Чехов: pro et contra. Т. 2. 2010: 807]. В интерпретации Скафтымова с этим новым типом конфликта связан, как уточняет И.Н. Сухих (в конце цитируя самого Скафтымова), ««маятниковый» характер *драматического действия*», которое «не столько движется, сколько колеблется вокруг исходного состояния «привычной, тягучей, давно образовавшейся неудовлетворенности» [Сухих, 2010: 43]. Как формулирует Скафтымов, «дальнейшее движение пьес состоит в перемежающемся мерцании иллюзорных надежд на счастье и в процессах крушения и разоблачения этих иллюзий» [А.П. Чехов: pro et contra. Т. 2. 2010:

⁹ *Белый А.* Вишневый сад // Весы. 1904. № 2. С. 45–48.

808]. И.Н. Сухих добавляет, что, по Скафтымову, такой структуре действия «отвечает и система персонажей, не противопоставленных друг другу по принципу герой — антигерой, порок и добродетель, а объединенных сходством судьбы, удела человеческого» [Сухих, 2010: 43]. Скафтымов развернуто обобщает: в «Чайке», «Дяде Ване», «Трех сестрах», «Вишневом саде» ««нет виноватых», нет индивидуально и сознательно препятствующих чужому счастью. <...> Кто виноват? Такой вопрос непрерывно звучит в каждой пьесе. И каждая пьеса говорит: виноваты не отдельные люди, а все имеющееся сложение жизни в целом. А люди виноваты только в том, что они слабы» [А.П. Чехов: pro et contra. Т. 2. 2010: 804]. Как замечает автор обзора, в такой структуре конфликта и персонажей «находит объяснение и чеховский драматический диалог» [Сухих, 2010: 43]. Скафтымов считал, что пьесы Чехова полны ««случайных» реплик», они «всюду», диалог «непрерывно рвется, ломается и путается в каких-то, видимо, совсем посторонних и ненужных мелочах»; такие диалоги и реплики «в общем сценическом контексте у Чехова осуществляют свое назначение не прямым предметным смыслом своего содержания, а тем жизненным самочувствием, какое в них проявляется» [А.П. Чехов: pro et contra. Т. 2. 2010: 795–796]. И.Н. Сухих считает, что такой диалог «и является одним из главных средств создания подводного течения или подтекста» [Сухих, 2010: 43]. Давая общую оценку статье Скафтымова, составитель антологии отмечает, что в ней «система чеховской драматургии... убедительно и наглядно объяснена из единого принципа, начиная с предельно общих вещей (отношение произведения к реальности) и заканчивая мельчайшими особенностями формы («случайные» реплики и детали)»; как отмечает И.Н. Сухих, статья «с непритязательным, скромным заглавием «К вопросу о...» стала этапной. Созданная А.П. Скафтымовым концептуальная рамка служит основой последующих анализов чеховской драматургии» [там же].

Подводя итог рассмотрению чеховианы 1940-х гг., автор обзора замечает, что в конце этого десятилетия возник «неожиданный исследовательский

ансамбль, научное трио, в совокупности реализовывавшее синхронный и диахронный подходы к чеховскому творчеству, распределившее между собой анализ прозы и драматургии» [Сухих, 2010: 43]. Г.А. Бялый «вписал Чехова в контекст современной ему литературы», определил «своеобразие и место писателя как завершителя русского реализма» и выявил «общие принципы» его прозы; Б.М. Эйхенбаум наметил «генезис прозаической поэтики... и добавил к характеристике прозаической системы новые наблюдения»; А.П. Скафтымов «объяснил структуру чеховской драматургии и дополнительно проверил ее на примере «Вишневого сада» [там же: 44]. Как обобщает составитель антологии, с Чеховым «все было как положено с классиками первого ряда»: незаметно писатель превратился «в канонизированную фигуру национального литературного пантеона» [там же].

И.Н. Сухих отмечает издание в столетний юбилей со дня рождения А.П. Чехова его собрания сочинений в 12 томах (1960; хотя аттестует двенадцатитомник с предисловием и под редакцией В.В. Ермилова лишь как «очередной» [там же]). Выделяет автор обзора издание в том же году 68 тома серии «Литературное наследство», посвященного жизни и творчеству Чехова: И.Н. Сухих отмечает прежде всего «замечательные архивные публикации» (подготовлены А.Р. Владимирской, Е.Н. Коншиной, Н.И. Гитович, Н.А. Роскиной и др.), а также обзоры «Чехов в Чехословакии», «Чехов в Соединенных Штатах Америки», «Английские писатели и критики о Чехове», с которых, «в сущности, начинается» рефлексия над «мировым значением» творчества Чехова [Сухих, 2010: 46–47].

Отметив ранее отсутствие интереса к творчеству Чехова у ранних формалистов, рассмотрев статью позднего Эйхенбаума, составитель антологии далее пишет об интересе В.Б. Шкловского к Чехову в 1950-е гг. и, в частности, о главе «А.П. Чехов» из книги «Заметки о прозе русских классиков» (1953; глава включена в антологию). И.Н. Сухих выделяет в очерке «полемический фрагмент» об импрессионизме: «вопреки привычным представлениям

Шкловский отказывает ему [импрессионизму] в связях с Чеховым...» [там же: 48]. Как отмечал Шкловский, импрессионистическое произведение «не рассчитано на разглядывание. Оно должно быть увидено все целиком и не расчленено; в нем нет понятия об общем как о закономерности и о выбранной детали. Чехов — мастер смысловой детали; импрессионистическое же произведение во всех своих частях равноценно» [А.П. Чехов: pro et contra. Т. 2. 2010: 833]. Как отмечает автор обзора, «Чехов Шкловского» оказывается «концептуально неопределенным, мозаичным» [Сухих, 2010: 48]. И.Н. Сухих, как и в случае Эйхенбаума, пишет также о влиянии сталинской эпохи на очерк: по его мнению, некоторые положения Шкловского «напоминают не задиристого формалиста двадцатых, а какого-нибудь угрюмого вульгарного социолога тридцатых, который... во всем выискивает «социологический эквивалент»» [там же: 49]. Характерно, например, утверждение В.Б. Шкловского, что сюжет «Скучной истории» основан на «раскрытии жизни робко, по-рабы мыслящего и поступающего либерального профессора» [А.П. Чехов: pro et contra. Т. 2. 2010: 843]. (Отметим здесь некоторую тенденциозность И.Н. Сухих, проявившуюся как в невключении в антологию работ Ю.В. Соболева, М.Е. Кольцова и В.М. Фриче, так и в критике поздних работ Эйхенбаума и Шкловского за особенности, свойственные официальному советскому литературоведению). В более поздних работах Шкловского о Чехове (книги «Энергия заблуждения» (1981) и «О теории прозы» (1983)), по мнению составителя антологии, «броский афоризм, парадоксальное сопоставление, как правило, заменяет аналитическую работу, но выглядит конспектом каких-то будущих работ» (приводит в качестве примера сопоставление пейзажа «Мертвых душ» и «Степи» в «О теории прозы»; «конспективность», незавершенность некоторых мотивов автор обзора отмечал и в работе Эйхенбаума) [Сухих, 2010: 50].

Последним, чьи чеховедческие тексты анализирует автор обзора, оказывается Н.Я. Берковский. В антологию включена статья «Чехов, повествователь и драматург» (1960), в которой идет речь о прозе и драматургии

Чехова, об «их соотношении и эволюции» [там же]. Берковский отталкивается от традиционного, возникшего в прижизненной критике и частично подхваченного и советскими интерпретаторами, образа Чехова-бытописателя — «летописца и критика русской действительности...» [там же]: «Крестьянская реформа — это пролог к той жизни, которая изображается у Чехова, это условия, из которых она возникла. Чехов умер накануне первой русской революции. Все написанное им — подведение итогов прочувствованного, испытанного, прожитого пореформенной Россией, в ожидании, становившемся все ярче с годами, что приближается развязка для этого исторического периода»; поэтому «вся пореформенная Россия с такой полнотой представлена Чеховым» [А.П. Чехов: pro et contra. Т. 2. 2010: 930–931]. Однако, как замечает И.Н. Сухих, этот, вполне традиционный, тезис становится «лишь поводом к оригинальным наблюдениям и разборам» [Сухих, 2010: 51]. Автор обзора определяет жанр работы Берковского как «свободное размышление» [там же]. По мнению составителя антологии, если Шкловский «мыслит афоризмами», то Берковский — «фрагментами, эссенциями, которые можно развернуть в отдельную работу» [там же]. И.Н. Сухих отмечает также, что Берковский «сочувственно цитирует» не только А.П. Скафтымова и А.И. Роскина, но и В.В. Ермилова [там же]: то есть не только тех, кто предлагал нечто иное по отношению к официальному чеховедению, но и представителей официоза в его самых последовательных воплощениях.

Упоминает автор обзора также работы А.А. Белкина («систематизировал наблюдения о поэтике Чехова-новеллиста» [Сухих, 2010: 53]; в антологию включена статья «Художественное мастерство Чехова-новеллиста» (1959)) и Я.О. Зунделовича («напоминал о Чехове-философе (проблема, позабытая с десятых годов [двадцатого века])» [Сухих, 2010: 53]; в том включена статья «Философская тема у Чехова (к постановке вопроса)» (1960)).

О чеховедении 1960-х гг. И.Н. Сухих в этом томе антологии замечает лишь, что оно не дало «таких прорывных работ, как статьи А.П. Скафтымова»

[там же: 54] (труды Скафтымова во многом остаются мерилем качества в чеховедении и по сей день, о чем будет сказано в следующей главе). Обзор заканчивается утверждением общепризнанной сейчас позиции: «образ *нового Чехова* начал выстраиваться в десятилетия, которые потом назовут застоєм» [там же].

В 2021 году А.Д. Степанов опубликовал свою обзорную статью, посвященную советскому (официальному) чеховедению: «От поэта безвременья к буреви́стнику революции: метаморфозы рецепции Чехова». Упомянув, как и И.Н. Сухих, работы М.Л. Семановой и Э.А. Полоцкой, А.Д. Степанов в рамках истории вопроса называет уже и второй том серии «А.П. Чехов: pro et contra» со вступительной статьей И.Н. Сухих, анализ которой мы представили выше. А.Д. Степанов относит это издание к трудам, которые выполняли функцию представления лучших, избранных, «актуальных до сего дня» исследований жизни и творчества А.П. Чехова, не ставя перед собой цели подробно исследовать и описать специфику именно официального советского чеховедения [Степанов, 2021а: 685]. (О, на наш взгляд, имеющей место тенденции мы сказали выше). В этом отношении в качестве некоторой противоположности А.Д. Степанов выделяет сравнительно новую (как и сам обзор А.Д. Степанова) монографию В.С. Зайцева «Товарищ Чехов. Очерки по истории советского чеховедения 1920–1950-х годов» (2022), автор которой «стремится именно к полноте — к наибольшему охвату всех концепций и критических суждениях...» [там же]. Как отмечает А.Д. Степанов, В.С. Зайцев «доказывает, что Чехов отнюдь не сразу был причислен к «пантеону» классиков русской литературы и включен в канон великих писателей, издававшихся массовыми тиражами и изучавшихся в школах и вузах. Канонизации предшествовала длительная борьба мнений и ряд неудачных попыток решить сложную, почти невыполнимую задачу: превратить скорбного «певца безвременья» в «буреви́стника революции» [Степанов, 2021а: 685]. Далее следует пересказ некоторых важных положений монографии В.С. Зайцева; мы далее предложим свой, более подробный, обзор

этой работы, а теперь отметим некоторые примечания А.Д. Степанова к работе В.С. Зайцева.

Так, говоря о концепции В.В. Ермилова, в рамках которой «юмор Антоши Чехонте — это форма защиты от мрачного мира, религиозного воспитания, насилия, рабства, лжи, пошлости и ханжества...» [там же], А.Д. Степанов замечает, что сама по себе эта концепция «не лишена оснований (хотя и сильно гиперболизирована)», но для Ермилова «это не столько приметы биографии отдельного человека, сколько внешнее проявление глубинных социальных процессов» [там же: 688–689]; т.е. имеет место излишне социологизирующая трактовка: вполне частные особенности характера А.П. Чехова как индивида предстают едва ли не универсальным способом человеческого бытия. Немного далее автор обзора отмечает за Ермиловым эту тенденцию «постоянно связывать индивидуальное и общее... <...> жизнь частного... человека и общественно-политические процессы...» [Степанов, 2021а: 689]. В результате в работах Ермилова, резюмирует А.Д. Степанов, «скорбный «певец безвременья» на глазах изумленного читателя превращался в «буревестника революции»» [там же].

Если монография В.С. Зайцева не идет хронологически далее 1960 года, то А.Д. Степанов пишет и о работах ученика и «наследника» В.В. Ермилова — Г.П. Бердникова¹⁰. По мнению автора обзора, «главная интенция его [Бердникова] книг — поместить Чехова в контекст всего того, что уже принято и разрешено в советской версии истории русского реализма...» Как считает А.Д. Степанов, интерпретации Бердникова «более чем традиционны», они основаны на представлении «когерентных, завершенных, цельных, неизбыточных текстов с четко выраженным ценностным центром...» — получается, что они парадоксальным образом «прямо противоположны своему объекту — нарушающим именно эти законы чеховским текстам с их открытыми

¹⁰ *Бердников Г.П. О поэтике Чехова и принципах ее исследования / Бердников Г.П. Над страницами русской классики. М.: Современник, 1975. С. 353–377; Он же. А.П. Чехов: идейные и творческие искания. М.: Художественная литература, 1984.*

финалами, «лишними» деталями, отсутствием причинно-следственных зависимостей на всех уровнях и апофатической ценностной установкой...» [там же: 692].

Подводя итог обзору советского чеховедения, А.Д. Степанов отмечает, что изучение его может быть ценно не только «главным парадоксом, состоящим в том, что тончайшим, неуловимым, ускользающим от любых прямолинейных оценок и исследовательских методов писателем занимались вооруженные допотопными инструментами погромщики» (Ермилов, Бердников и др.), но и тем, что именно эти исследования нагляднее всего представляют «закономерности переработки хорошо забытых и казалось бы навсегда отброшенных старых идей» (культурный ресайклинг) [там же].

Обратимся теперь вслед за А.Д. Степановым к монографии В.С. Зайцева «Товарищ Чехов. Очерки по истории советского чеховедения 1920–1950-х годов», посвященной «отдельным этапам чеховского пути к официальной канонизации» [Зайцев, 2022: 18]. В.С. Зайцев значительно конкретизирует, дополняет, а иногда и опровергает суждения И.Н. Сухих и А.Д. Степанова. Соглашаясь с И.Н. Сухих в том, что работы М.Л. Семановой, Э.А. Полоцкой, а также Б.И. Александрова написаны с «внутренней» точки зрения, автор монографии в противоположность определяет свое исследование как «опыт «внешнего» взгляда» на советское чеховедение [там же].

Споря с распространенным представлением (отчасти разделяемым, по-видимому, И.Н. Сухих), В.С. Зайцев отмечает, что канонизация Чехова, «как и вообще вынесение критикой оценок по тому или иному литературному поводу», соответствовала «не только идеологическим и воспитательным целям культурной политики СССР в 1920–1950-е гг., но и реальным запросам массового читателя» [там же: 19]. Исследователь подтверждает это, приводя тексты записок, которые получали читавшие лекции литературоведы – В.Л. Львов-Рогачевский, Ю.В. Соболев – после лекций [там же]: эти записки свидетельствуют, что массовому читателю «были необходимы четко очерченные

идейные ориентиры, поиском которых и занимались литературоведы «советской платформы»» [там же].

Автор монографии отделяет от официального советского чеховедения труды А.П. Скафтымова, т.к. тот занимался «отдельными аспектами чеховской поэтики, обобщающих биографических работ не писал, в собственных чеховедческих поисках шел относительно автономными, не зависящими от «генеральных линий» путями»; наконец, работы Скафтымова [в отличие от значительной части официальной чеховианы 1920-х–1950-х гг.] – «далеко не архивный феномен и вряд ли когда-нибудь таковым станут» [там же: 21].

В.С. Зайцев отмечает частичную преемственность советского чеховедения по отношению к дореволюционной критике и литературоведению. Это касается не только тематического репертуара, но и «социологизированного... взгляда на литературу и ее основные задачи» [Зайцев, 2022: 22]. (Здесь В.С. Зайцев и И.Н. Сухих сходятся в описании специфики методологии советского чеховедения, хотя в оценках конкретных исследований и исследователей часто придерживаются если не противоположных, то весьма далеких друг от друга позиций).

Переходя к анализу и описанию конкретных этапов «канонизации» наследия А.П. Чехова в СССР, автор монографии предлагает определять период 1920-х–1930-х гг. как «антиклассический» и «античеховский» [там же: 77], хотя В.С. Зайцев замечает, что, вероятнее всего, это время «было не более и не менее «античеховским», чем наше сегодняшнее», но ««античеховские» постулаты формулировались на языке, который по многим параметрам – в первую очередь идеологическим – сейчас воспринимается чересчур эмоционально» [там же: 118]. Как отмечает исследователь, даже в «разгримировывающей» статье М.Е. Кольцова¹¹ или в анкетах «На литературном посту», «Рабис» были «в разных пропорциях и «античеховизм», и «чеховизм», и «ермиловщина», и

¹¹ Кольцов М.Е. Чехов без грима // Правда. 1928. 15 июля (№ 163). С. 6.

зачатки проблем, которыми чеховедение занимается по сию пору» [там же: 118]. Особое внимание в рамках этого периода В.С. Зайцев уделяет изданию собрания сочинений Чехова в конце 1920-х – начале 1930-х гг., справедливо считая «одним из ключевых признаков официальной культурной легитимации крупного писателя – выпуск его собрания сочинений» [там же: 122]. Как резюмирует автор монографии, это издание знаменовало «культурную «реабилитацию» А.П. Чехова», подводило итог полемикам 1920-х гг. «о востребованности классики вообще и чеховского наследия в частности»; Чехов «перешел в разряд авторов, «заслуживающих» собрания сочинений», что стало «ключевым перевалочным пунктом на пути А.П. Чехова в «официальную антологию»» [там же: 172]. Также В.С. Зайцев замечает, что это издание стало «результатом возвращения А.П. Чехова в поле активного внимания литературоведов: с обилием публикаций о писателе, публикаций неизданных писем, произведений и т.п.»; это «возвращение» «интенсифицировалось» именно во второй половине 1920-х гг., и издание собрания сочинений «в данном контексте можно расценивать как логичный «текстологический» апогей процесса» [Зайцев, 2022: 172–173]. Еще одна тенденция времени, которую отмечает исследователь, состояла в том, что «явившись своего рода промежуточным итогом, выпуск собрания сочинений, по верному замечанию М.Л. Семановой, стал «толчком к созданию первых советских монографий о Чехове» – работ С.Д. Балухатого, А.Б. Дермана, Ю.В. Соболева»¹²; двенадцатитомник стал «фундаментом», «почвой» для академических собраний сочинений, «а в ближнем контексте действительно простимулировал появление разнообразных очерковых и монографических исследований чеховской биографии и творчества» [там же: 172–173].

Переходя к рассмотрению советских биографических очерков и биографий Чехова 1920-х–1940-х гг., В.С. Зайцев предварительно замечает, что они создавались «в фарватере идейного наследия дореволюционной критики, ориентированной на политико-общественные аспекты чеховских текстов» [там

¹² Семанова М.Л. Чехов и советская литература. С. 134.

же: 175]. Рассмотрев же эти работы, автор монографии выделяет специфические черты «основных этапов» в интерпретации жизни и творчестве Чехова после 1917 года: от ««негативных» критических форматов» (очерки Д.И. Киреева и П.С. Когана), предлагавших ««апофатические» модели чеховского мировосприятия и общественно-политических взглядов» к «первой не во всем успешной... попытке преодоления этого «негативизма»» (работы Ю.В. Соболева, нашедшего у Чехова «культурную и общественную программу», но «явно неудачно охарактеризовавшего ее как «радикально буржуазную»»), затем к ««позитивному» вписыванию А.П. Чехова в марксистскую и советскую культурную парадигму» (критико-биографический очерк «Антон Павлович Чехов» А.Б. Дермана) и к «трансляциям результатов этой работы в массы» (повести А.И. Роскина) [Зайцев, 2022: 237–238]. В.С. Зайцев противопоставляет исследования Ю.В. Соболева, А.Б. Дермана и А.И. Роскина работам П.С. Когана и Д.Н. Киреева, считая, что к очеркам Д.И. Киреева и П.С. Когана «сегодня возможен исключительно источниковедческий интерес, как к текстам, характеризующим эпоху, в которую они были написаны», но очерк А.Б. Дермана или повести А.И. Роскина «в целом еще сохраняют не только историческую, но и чеховедческую ценность» [там же: 238].

На материале газетно-журнальных публикаций, посвященных годовщинам рождения и смерти Чехова, автор монографии показывает, что «освоение и встраивание литературного наследия А.П. Чехова в рамки послереволюционной советской культуры к моменту празднования первых значительных чеховских годовщин приобрело унифицированные формы» [там же: 244]. При этом исследователь отмечает, что «проблема стала восприниматься именно как проблема» уже в 1920-е гг. [там же: 244-245] (речь о проблеме шаблона, рутины, выхолащивания смысла). Показательна приводимая В.С. Зайцевым цитата из статьи Д.А. Горбова: «Как ни печально, но надо признать, что отношение к Чехову в большинстве случаев именно «юбилейное». Чехова отрицают. И Чехова славят. А юбилейность остается. Ибо есть юбилейное славословие и

юбилейная брань»¹³. Как резюмирует автор монографии, если в 1918 – начале 1920-х гг. «можно было наблюдать реально различные пути осмысления и классики, и чеховского наследия в пролеткультовских, футуристских, конструктивистских, акмеистских и т.п. изданиях», то к началу 1930-х гг. «количественный и качественный состав идеологов и печатных площадок сократился и унифицировался» [там же: 246].

Среди опубликованного в связи с чеховским юбилеем 1929 года В.С. Зайцев выделяет два «ключевых для общей источниковедческой картины ранней послереволюционной чеховианы текста»: статью В.М. Фриче в чеховском собрании сочинений [Фриче, 1929] и работу А.Б. Дермана «Творческий портрет Чехова» [Зайцев, 2022: 346]. Автор монографии считает, что «в целом... все идеологически обусловленные литературоведческие тенденции, формировавшиеся в течение полутора десятилетий – с 1929 до середины 1940-х гг... могут быть проиллюстрированы трансформациями рассмотренных... чеховедческих текстов А.Б. Дермана [«Творческий портрет Чехова», 1929; «Антон Павлович Чехов. Критико-биографический очерк», 1939; «О мастерстве Чехова», 1959]» [там же: 439]. Как и И.Н. Сухих, В.С. Зайцев говорит о постепенном выхолащивании оригинального содержания в дермановских трудах, о том, как «постепенно любопытная концепция, пусть не вполне адекватная объекту, односторонняя и методологически несовершенная, встраивалась в общий хор «типовых» материалов, не становясь при этом более адекватной, сохраняя изначальные и приобретая новые методологические изъяны, но при этом еще и переставая быть любопытной» [там же]. Подводя итог эволюции чеховианы 1920-х–1940-х гг., автор монографии отмечает, что в ней научное чеховедение и литературоведение «сливались с научно-популярными и просто популярными форматами», приобретая ««плакатные» черты», которые «нашли свое законченное выражение в работах В.В. Ермилова...» [там же].

¹³ Горбов Д.А. О Чехове // Красная нива. 1929. №29. С. 3.

Переходя к анализу сочинений Ермилова, В.С. Зайцев замечает, что эти работы, «входившие вплоть до 1980-х гг. почти в каждый список рекомендуемой литературы, посвященной А.П. Чехову», воспринимались «не без доли скептицизма» уже в 1950-е гг. [там же: 441–442]. Однако «масштабная ревизия советского чеховедческого историко-теоретического багажа» [там же: 443] произошла только во второй половине 1980-х и в 1990-е гг. (и основные причины ее выходили за пределы литературоведения и науки в целом – А.Д.). Отношение современных исследователей к работам Ермилова автор монографии характеризует как «устойчиво негативное» [там же]. Характерны слова И.Е. Гитович о том, что среди биографических работ о Чехове «эталонном конъюнктурности и житийности долго оставалась изданная в серии «ЖЗЛ» книга В.В. Ермилова «Чехов»» [Гитович, 2018: 75]. В.С. Зайцев предлагает классификацию основных приемов Ермилова: «1) *Лозунги*. Как правило, представляют собой эмоционально нагруженные выводы либо промежуточные резюме. <...> 2) *Немотивированные тезисы*. <...> в контексте ермиловского исследования немотивированный тезис – это концептуально (применительно к монографии [Ермилова «Чехов» (1946)] это означает – идеологически нагруженный лозунг. <...> 3) *Беллетризация*. <...> У монографии есть своего рода «сюжет» с экспозицией, завязкой, кульминацией и развязкой. <...> Каков, по В.В. Ермилову, генеральный «сюжет» чеховской биографии? Это – развитие предчувствия А.П. Чеховым грядущих социальных потрясений» [Зайцев, 2022: 458–460]. Такой набор приемов, по мнению автора монографии, требует отнести Ермилова к «конъюнктурному литературоведению» [там же: 533].

Подводя итог своей работе В.С. Зайцев предлагает периодизацию советского чеховедения 1920-х–1950-х гг.: «1) *Ранний «доканонизационный» этап*», воплотившийся ярче всего в юбилейных материалах 1924 и 1929 гг., в частности в работах Д.И. Киреева, П.С. Когана, в статьях Ю.В. Соболева, А.В. Луначарского, М.Е. Кольцова, а также в статейном сопроводительном аппарате собрания сочинений, выпущенного в 1929 г. в качестве приложения к

журналу «Огонек», и его второго, «гизовского» издания 1930-1933 гг.»; «доминирующий идейный пафос» большинства работ В.С. Зайцев определяет как «апофатический» – связанный с попытками «вывести специфику чеховского мировоззрения с помощью отталкивания от «негативных» пунктов этической программы писателя, от не принятых А.П. Чеховым идеологических или политических идей, от явлений, которых он «не видел», «не понимал» и т.д.»; 2) *«Подготовительный этап, или «предканонизация»*. Сформирован работами А.Б. Дермана, А.И. Роскина, Ю.В. Соболева конца 1920-х – начала 1940-х гг.; в этих трудах в «апофатические» интерпретации «доканонизационного» этапа начинают «вплетаться «позитивные» составляющие, пусть иногда и не вполне адекватные изучаемому феномену, что объясняется сильным влиянием вульгарного социологизма»; особенно важны оказываются юбилейные даты (1934, 1939, 1940, 1944 гг.), которые «широко отмечались в периодической печати как откровенно конъюнктурными текстами, так и материалами, обладавшими объективными литературоведческими и полемическими достоинствами» (работы С.Д. Балухатого, А.Г. Горнфельда, Дермана, Роскина, Соболева и др.); 3) *«Канонизация»*. Здесь наиболее показательны юбилейные материалы второй половины 1940-х – 1950-х гг., а также статьи и монографии Ермилова 1940-х гг. Ермилов – «талантливый констататор чеховской «каноничности», собравший и систематизировавший под одной обложкой ту концепцию чеховской биографии и творчества, которую советское литературоведение и критика общими усилиями начали вырабатывать сразу после Октябрьской революции» [Зайцев, 2022: 535–541].

Итак, советское чеховедение 1920-х–1950-х гг. создало облик Чехова, во многом сохраняющий свое влияние и сейчас. Тематический репертуар советского чеховедения 1920-х–1950-х гг. в значительной степени наследовал прижизненной и дореволюционной посмертной критике, однако, разрабатывались эти темы с учетом новых идеологических и общественных установок. Некоторые темы (например, вопрос о возможной религиозной вере

Чехова) оказывались в новых реалиях практически «закрытыми», другие (например, тонкости поэтики произведений Чехова, особенно их «формальной» стороны) оттеснялись на периферию. Советское чеховедение 1970-х–1980-х гг. частично вернет в сферу активной научной дискуссии некоторые темы, получавшие недостаточное освещение в предшествующий период (поэтику произведений Чехова в первую очередь); предложит несколько системных описаний чеховского художественного мира (и самую идею такого описания вслед за «общелитературоведческим» структурализмом); а также оставит после себя Полное академическое собрание сочинений и писем А.П. Чехова в 30 томах [Чехов, 1974–1983].

1.3. Позднесоветское чеховедение (1970-е–1980-е гг.): основные темы, подходы, итоги и проблемы

История советского чеховедения 1970-х–1980-х гг. к настоящему моменту еще не написана; некоторые представители того, что принято называть «золотым веком» чеховедения, еще живы и продолжают свои исследования. Однако десятилетия, вместившие в себя работу над Полным собранием сочинений и писем в 30 томах (1974–1983; далее – ПССП), публикации первых монографий А.П. Чудакова, Э.А. Полоцкой, В.Б. Катаева, И.Н. Сухих и многих других, в силу важнейших социально-политических и социокультурных изменений конца 1980-х – 1990-х гг. уже осознаются как предшествующий современному чеховедению этап и становятся (в основном на уровне отдельных ярких персоналий) предметом научной рефлексии¹⁴. Анализ современного состояния чеховедения – одна из наших основных задач в этом диссертационном исследовании – требует от нас наметить, опираясь на пока небольшую историю вопроса, хотя бы основные черты советского чеховедения 1970-х–1980-х гг., чему и посвящен этот параграф.

В 2001 году издательство МГУ выпустило учебник по истории русской литературы 1870-х–1890-х гг., для которого раздел о Чехове написал В.Б. Катаев [Катаев, 2001] (подробнее об этом тексте В.Б. Катаева – далее в соответствующем параграфе). Представляя краткую историю изучения жизни и творчества А.П. Чехова, автор раздела, отметив «унылое однообразие казенных формул официального чеховедения» 1940-х–1950-х гг., определяет 1970-е гг. как «перелом», связанный прежде всего с «ростом интереса к Чехову во всем мире» и «мировой же критикой предшествующих советских изданий», следствием которых явилась работа над ПССП при участии Л.Д. Опульской, Н.И. Гитович,

¹⁴ См., например: Александр Павлович Чудаков: Сб. памяти / Сост. С.Г. Бочаров, И.З. Сурад, при участии М. О. Чудаковой. М.: Знак, 2013; Мир исследователя: З.С. Паперный, А.П. Чудаков / отв. ред. – Л.Е. Бушканец. М.: РГГУ, 2022.

З.С. Паперного, М.П. Громова, В.Я. Лакшина, Э.А. Полоцкой, Е.М. Сахаровой, А.П. Чудакова, И.Е. Гитович, И.П. Видуэцкой, В.Б. Катаева и др. [Катаев, 2001: 554]. Говоря о важности ПССП, В.Б. Катаев отмечает и «белые пятна» чеховедения: неизвестны публикации А.П. Чехова до «Письма к ученому соседу» (1880), неизвестны точное название и дата завершения «Пьесы без названия», не установлено точное время создания «Дяди Вани» и т.д. [там же]. Однако, по мнению ученого, «белые пятна» касаются не только чеховской текстологии, но и его поэтики. По мнению В.Б. Катаева, в 1970-е гг. «освежающим подходом, вызовом псевдосоциологическим схемам было само обращение к вопросам поэтики Чехова, к проблемам интерпретации его произведений» (работы А.П. Чудакова, В.Б. Катаева, В.Я. Линкова, Э.А. Полоцкой, Т.К. Шах-Азизовой и др.); «вызов был подхвачен следующим поколением исследователей» (книги И.Н. Сухих, А.С. Собенникова, П.Н. Долженкова, Р.Е. Лапушина и др.)» [там же: 555]. Назвав некоторые важнейшие имена в чеховедении 1970-х–1980-х гг. и отметив в качестве его специфической черты повышенный (по сравнению с предшествующим этапом) интерес к поэтике А.П. Чехова, отказ от вульгарного социологизирования, В.Б. Катаев не характеризует этот период чеховедения более подробно, т.к. от него автора раздела тогда отделяло лишь одно десятилетие, еще были живы и продолжали свои исследования Л.Д. Опульская, А.П. Чудаков, Э.А. Полоцкая, И.П. Видуэцкая, И.Е. Гитович.

В 2011 году В.Б. Катаевым было подготовлено издание «А.П. Чехов. Энциклопедия», включившее в себя в том числе раздел «Изучение творчества Чехова во 2-й половине XX в.». За небольшим вводным текстом, в основном повторяющим текст раздела в учебнике 2001 года [Катаев, 2001], следуют краткие научные биографии чеховедов, в т.ч. Г.А. Бялого (кроме работ о Чехове 1940-х–1950-х гг., выделены и его главы о Чехове в больших коллективных трудах «История русской литературы» (1983) и «История русской драматургии» (1987), а также его итоговые монографии «Чехов и русский реализм» (1981) и

«Русский реализм. От Тургенева до Чехова» (1990))¹⁵, Б.И. Зингермана (особо отмечены его первая работа о Чехове – статья «Время в пьесах Чехова» в книге «Очерки истории драмы XX века» (1979) и во многом итоговая книга «Театр Чехова и его мировое значение» (1988))¹⁶, В.Я. Лакшина (отмечены монография «Толстой и Чехов» (первое издание – 1963 г., второе, исправленное, издание – 1975 г.)¹⁷ и пятисерийный телевизионный фильм «Путешествие к Чехову» (1983))¹⁸, З.С. Паперного (кроме работ 1940-х–1950-х гг., отмечены участие в подготовке ПССП, участие в редколлегиях «Чеховских чтений в Ялте» и альманаха «Чеховиана», участие в подготовке издания «Литературного наследства: Чехов и мировая культура», а также книги «Записные книжки Чехова» (1976), «Несмотря ни на что. От Чехова до наших дней. Истории, анекдоты и смешные случаи» (2001) и «Тайна сия... Любовь у Чехова» (2002))¹⁹, Э.А. Полоцкой (отмечены участие в подготовке ПССП и «Литературного наследства: Чехов и мировая литература», статья “Chekhov and his Russia” для издания “The Cambridge Companion to Chekhov” (2000), монографии «А.П. Чехов: Движение художественной мысли» (1979), «Пути чеховских героев (Книга для учащихся)» (1983), «О поэтике Чехова» (2000), ««Вишневый сад»: Жизнь во времени» (2003), «О Чехове и не только о нём» (2006))²⁰, А.П. Чудакова (отмечены работа над ПССП, монографии «Поэтика Чехова» (1971) и «Мир Чехова: Возникновение и утверждение» (1986), работа над составлением

¹⁵ О Г.А. Бялом см. также: *Маркович В.М.* Уроки Г.А. Бялого // Чеховиана: Статьи, публикации, эссе. М., 1990.

¹⁶ О Б.И. Зингермане см. также: *Шах-Азизова Т.* Мир Зингермана // Люди и судьбы. XX век: Книга очерков. М., 2004. С. 217–223.

¹⁷ О первом издании монографии см.: *Хализев В.* Истина познаётся в сравнении // Вопросы литературы. 1964. № 11.

¹⁸ О фильме см.: *Свободин А.П.* Такая простая великая жизнь: Телевизионная "Чеховиана" Владимира Лакшина // Чеховиана: Мелиховские труды и дни. М., 1995.

¹⁹ О З.С. Паперном см. также: *Полоцкая Э.А.* Памяти Зиновия Паперного // The North American Chekhov Society Bulletin. October, 1996; *Сахарова Е.М.* Человек, похожий только на самого себя // Чеховиана: Чехов и его окружение. М., 1996.

²⁰ Полный список работ Э.А. Полоцкой об А.П. Чехове: Чеховский вестник, № 21. М., 2007. С. 143–154.

библиографии прижизненной критики Чехова)²¹. В раздел не были включены биографии еще живых на тот момент ученых, чьи работы уже вошли в историю отечественного чеховедения 1970-х–1980-х гг.: Т.К. Шах-Азизовой и И.Е. Гитович; а также ныне живущих В.Б. Катаева и И.Н. Сухих (все четверо выступили авторами статей раздела) и др. В рамках кратких научных биографий нескольких выдающихся чеховедов второй половины XX века широкие обобщения о 1970-х–1980-х гг. как особой эпохе в чеховедении были в принципе невозможны.

Попытка взгляда на позднесоветское чеховедение как на целостный феномен со своими специфическими чертами, пусть попытка обзорная, была предпринята И.Н. Сухих во вступительной статье к подготовленному им третьему тому антологии «А.П. Чехов: pro et contra» с подзаголовком «Личность и творчество А.П. Чехова в русской мысли XX–XXI веков (1960–2010)» (2016). В статье «Чехов (1960–2010): новые опыты чтения» составитель антологии делит заявленный хронологический отрезок на два: 1960-е гг., прошедшие «в поисках фокуса [исследования]» [Сухих, 2016: 7] и 1970-е–2000-е гг., характеризующиеся «сменой [исследовательской] парадигмы» [там же: 13]. Напомним, в конце вступительной статьи к предыдущему, второму, тому антологии, посвященному чеховедению 1920-х–1950-х гг., И.Н. Сухих характеризовал 1960-е гг. как десятилетие, которое не дало «таких прорывных работ, как статьи А.П. Скафтымова» [Сухих, 2010: 54]. Спустя шесть лет составитель антологии развивает ту же мысль, отмечая, что «*Чехов шестидесятых годов* остался во многом непроявленным. Новый, отвечающий времени, его облик формировался рассеянно и незаметно» [Сухих, 2016: 9]. Ключевым автором этого периода для чеховедения оставался В.В. Ермилов и готовился статья его ученик Г.П. Бердников. Однако здесь же И.Н. Сухих отмечает, что «подспудная работа разрушения клише и штампов, определения

²¹ См. также: Памяти Александра Павловича Чудакова (В.Б. Катаев, Р.Е. Лапушин, А.М. Ранчин) // Чеховский вестник. № 17. М., 2005.

иных ориентиров, поисков *нового Чехова*» велась как раз в 1960-е годы [Сухих, 2016: 9]: автор обзора отмечает критическую по отношению к работам В.В. Ермилова статью Л. Малюгина «Драматургия Чехова и ее исследователи»²² и последовавшую за ее публикацией полемику²³. В полемике о весьма частных вопросах чеховской драматургии И.Н. Сухих видит особый подтекст: Л. Малюгин «выступал против исследователя с высокой официальной... и одиозной неофициальной репутацией, в постоянно переиздаваемых работах которого безапелляционность сочеталась с умением колебаться вместе с идеологическими поветриями»; В.В. Ермилов же «защищал образ непримиримого, советского Чехова, созданный в том числе и в его работах 1940–1950-х годов» [Сухих, 2016: 10]. Как считает автор обзора, в центре этой полемики – право на «свободное суждение о *моем Чехове*, который не обязательно должен совпадать с общепризнанной, официозной точкой зрения» [там же: 10–11], выступление Л. Малюгина – вызов принципу «монополии» на интерпретацию жизни и творчества А.П. Чехова [там же: 11]. И все-таки, считает И.Н. Сухих, в 1960-е гг. «новые силовые линии чеховедения еще не определились» [там же: 13].

Возникновение «контуров, образа *иного Чехова*» составитель антологии относит к 1970-м гг. и связывает во многом с подготовкой и изданием ПССП. Главной задачей ПССП было опубликовать все известные произведения и письма А.П. Чехова, «освободив их от разного рода искажений (цензурных, типографских, редакторских)»²⁴ [там же: 14]. В отличие от двенадцатитомника, в этом издании отказались от привычного деления ранних текстов на включенные и не включенные в прижизненное собрание сочинений

²² Малюгин Л. Драматургия Чехова и ее исследователи // Октябрь. 1960. № 1. С. 176–192.

²³ См.: Малюгин Л. Чехов начинается с «Иванова» // Вопросы литературы. 1961. № 5. С. 94–108; Ермилов В. Полемические заметки // Там же. С. 109–119.

²⁴ Подробнее о концепции издания см.: Опульская Л. Академическое издание А.П. Чехова // Вопросы литературы. 1965. № 2. С. 248–250.

(«марксовское» собрание), что, как отмечает И.Н. Сухих, вызывало критику²⁵, не повлиявшую, впрочем, на итоговое решение. Издание заняло почти десять лет (1974–1983 гг.) и, как отмечает автор обзора, массовый читатель «проявил к нему огромный интерес» [Сухих, 2016: 15], что подтверждает приводимая И.Н. Сухих цитата из книги участника работы над ПССП М.П. Громова: «От нашего времени останется академическое Собрание сочинений — фундаментальный тридцатитомник, оказавшийся самым массовым из всех научных изданий, выпущенных в мире за все времена. <...> Тираж Собрания сочинений — 700 тыс. экз. (первое тиснение — 300 тыс.); серия писем (12 томов) выпущена тиражом 50 тыс. экз. Всего было напечатано 13 млн 200 тыс. томов. Все они своевременно раскуплены подписчиками; в букинистических магазинах бывают редко» [Громов, 1989: 3, 369]. Отмечает автор обзора и «сборники-спутники» ПССП — «В творческой лаборатории Чехова» (М., 1974), «Чехов и его время» (М., 1977), «Чехов и Лев Толстой» (М., 1980), а также издания, печатавшиеся по итогам крупных научных конференций и не только — «Чеховские чтения в Ялте», сборники материалов по итогам конференций в Таганроге, «Чеховиана», «Чеховский вестник», альманахи «Дядя Ваня» и «Мелихово», «Чеховские чтения в Твери», сборники конференций «Молодые исследователи Чехова» и др. [Сухих, 2016: 15–16].

И.Н. Сухих так характеризует произошедшую в 1970-е гг. «смену научной парадигмы» чеховедения: во-первых, «становится периферийным распространенный ранее жанр критико-биографического очерка»; чеховедение «дифференцируется по двум направлениям»: биография А.П. Чехова становится «особой областью, книжной линейкой, протянувшейся от семидесятых годов до современности...» В изучении же творчества А.П. Чехова происходит «явный сдвиг от тематики к поэтике», сам термин «поэтика», а также «художественный мир», «активно возвращается в обиход, заменяя абстрактно-неопределенное

²⁵ См.: Зильберштейн И. Так ли надо издавать Чехова? // Правда. 1967. № 235. 23 августа. С. 3.; Чуковский К. Как же издавать Чехова? // Правда. 1968. № 193. 11 июля. С. 3.

«мастерство». Главным, доминирующим жанром, центром новой парадигмы, основанием научной пирамиды становится *концептуальная монография*», рассматривающая всё творчество А.П. Чехова «или значительную его часть (ранняя/поздняя проза, драматургия)» «под определенным углом зрения». Ведется «активный поиск *общей идеи* (архитектонической формы, формообразующей идеологии, системы архетипов)», позволяющей «непротиворечиво объяснить многообразие его [А.П. Чехова] текстов на фоне предшествующей и дальнейшей, созданной уже им, традиции» [Сухих, 2016: 16–17].

Первым и популярнейшим примером такого рода «концептуальной монографии» составитель антологии, как и многие, считает работу А.П. Чудакова «Поэтика Чехова» (1971); чуть более поздними – «Прозу Чехова: проблемы интерпретации» В.Б. Катаева (1979) и «А.П. Чехов. Движение художественной мысли» Э.А. Полоцкой (1979). Как методологически близкие к названным выше работы автор обзора определяет «Прозу Чехова. Человек и действительность» И.А. Гурвича (1970), «Сюжет чеховского рассказа» Л.М. Цилевич (1976), «Проблемы поэтики Чехова» И.Н. Сухих (1987) и «Художественность чеховского рассказа» В.И. Тюпы (1989). Знаком завершением эпохи И.Н. Сухих считает вторую монографию А.П. Чудакова – «Мир Чехова. Возникновение и утверждение» (1986)» [там же: 17]. Среди «общих идей» чеховского творчества, предлагавшихся в приведенных выше монографиях: «случайность как универсальный принцип чеховской поэтики; гносеологический подход; антииерархичность; не противопоставление, а единство видения Чехонте и Чехова; четырехактное/- тактное единство действия в прозе и драме; чеховский роман и чеховский мир как роман; трансформация сюжета-события в сюжет открытия/прозрения/ нового взгляда на мир; анекдот и притча как полюса чеховского жанра» [там же]. Именно они, по мнению составителя антологии, «в разных вариантах и сочетаниях определяют своеобразие чеховедческой парадигмы 1970–1980-х годов» [Сухих, 2016: 17].

Если 1886–1914 гг. автор обзора считает эпохой *«освоения / осмысления»* Чехова, а 1914–1960 гг. – эпохой *«канонизации»* его наследия, то эпоху, начавшуюся в 1960-е и продолжившуюся в 1970-е–1980-е гг. И.Н. Сухих определяет как эпоху *«интерпретации»* жизни и творчества А.П. Чехова [там же: 19]: в этом смысле она в чем-то повторяет первый период, но на новом уровне.

Выше мы приводили суждение автора обзора о том, что первым знаком завершения чеховедения 1970-х–1980-х гг. как определенной целостности, своего рода направления в чеховедении, единого по крайней мере в некоторых важнейших своих установках, следует считать публикацию А.П. Чудаковым в 1986 году второй монографии, «Мир Чехова: Возникновение и утверждение». И.Н. Сухих приводит действительно показательный фрагмент из одной из рецензий на эту книгу²⁶: «Попытки представить творчество Чехова наподобие круга со многими радиусами, выходящими из точно обозначенного центра, предпринимались неоднократно, но ни одна из них подлинным успехом не увенчалась, то есть ни один ключевой тезис не оправдал себя в качестве универсальной точки отсчета (хотя активный фонд чеховианы “центробежные” исследования безусловно обогатили). Наверное, время подвести черту. Что “мир Чехова” системен, видно и невооруженным глазом, но удовлетворительное описание системы осуществимо, как можно заключить, лишь при условии гибкого и широкого к ней подхода, учитывающего сопряжение варьирующихся, если не противонаправленных, тенденций и принципов» [там же: 21]. Как констатирует составитель антологии, к концу века и тысячелетия «заговорили об усталости от Чехова, об исчерпанности прежних подходов, о необходимости нового взгляда [там же].

В 2004 году тот же И.Н. Сухих, выступая на круглом столе «Наш Чехов в пространстве современной культуры», скажет, что научная парадигма, сменившая «социологическую парадигму сороковых-пятидесятых годов», парадигма, «основу которой заложили А.П. Скафтымов, Г.А. Бялый»,

²⁶ Гурвич И. Постигая Чехова // Вопросы литературы. 1987. № 10. С. 242–246.

парадигма, обозначенная «прежде всего книжкой А.П. Чудакова и другими работами семидесятых-восемидесятых годов», парадигма, на которую «опираются практически все сегодняшние исследователи Чехова», – «кажется, исчерпана». Последние, «наверное, лет тридцать» чеховедение развивается «инерционным путем» – необходима «новая свежая идея, концепция, в рамках которой станет возможна дальнейшая продуктивная работа», «новая парадигма» [Наш Чехов. Сборник статей и материалов, 2004: 38–39].

Анализу основных тенденций в чеховедении 1990-х–2010-х гг. и их отражения на страницах информационно-библиографического издания «Чеховский вестник» посвящена вторая глава данного диссертационного исследования.

ГЛАВА 2. ИНФОРМАЦИОННО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

«ЧЕХОВСКИЙ ВЕСТНИК» И РАЗВИТИЕ ЧЕХОВЕДЕНИЯ В 1990-Е–2010-Е ГГ.: ОСНОВНЫЕ ТЕМЫ, ПОДХОДЫ, ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ

2.1. Чеховедение 1990-х–2010-х гг.: специфика, тематический репертуар, направления

В статье «В зеркале «Чеховского вестника»: чеховедение за тридцать лет», опубликованной в журнале «Русская литература» в № 2 за 2022 год, И.Э. Васильева и А.Д. Степанов, говоря о достижениях чеховедения 1990-х–2010-х гг., как «наиболее активно развивавшуюся область чеховедения в постсоветское время» выделяют исследования поэтики А.П. Чехова (что было характерно и для позднесоветского периода) [Васильева, Степанов, 2022: 242]. Отметим, что эта особенность современного чеховедения связана в первую очередь с социокультурной ситуацией: распадом СССР и отменой прежних идеологических догм и, как следствие, легитимацией в отечественной науке о литературе (и не только) тем и подходов, ранее невозможных в рамках академических исследований (и, зачастую, вообще в публичном пространстве): таких, как, например, психоанализ, архетипический анализ и т.д.

Авторы статьи, как и многие, писавшие об этом ранее, описывают 1990-е гг. как кризисный период в чеховедении и литературоведении (и шире – в гуманитарном знании) вообще, связывая кризисность с характерным для эпохи постмодернистским «общим неверием в «большие нарративы»» и, как следствие, тяготением исследователей к персональному (замкнутому лишь на «своем» авторе) литературоведению (пушкинистика, достоевистика, чеховедение и т.д.), избегающему обобщений даже в рамках одного историко-литературного периода [там же]. К продуктам «господства» постмодернистских подходов в чеховедении авторы статьи относят работы С.Я. Сендеровича («Чехов с глазу на

глаз: история одной одержимости А.П. Чехова», 1994), Дж. де Щербинин (“Chekhov and Russian Religious Culture: Poetics of the Marian Paradigm”, 1997), В. Зубаревой (“A System Approach to Literature. Mythopoetics of Chekhov’s Four Major Plays, 1997), М. Фрайзе («Проза Чехова», 1997; русск. пер. – 2012) [Васильева, Степанов, 2022: 243]. К постмодернистской «культурной парадигме» И.Э. Васильева и А.Д. Степанов относят и популярную биографию А.П. Чехова, написанную Д. Рейфилдом (1997; русск. пер. – 2005); исследователи определяют жанр этой книги как «биографический «роман»» из-за сочетания в нем на равных правах фактической (архивной) основы и авторских догадок, а также весьма одностороннего образа Чехова-«бонвивана» [там же: 243–244]. В интерпретации Д. Рейфилда, как формулируют исследователи, «чаявший лучшей жизни для народа бесплотный врач-общественник (клишированные советские интерпретации, «ермиловщина» – А.Д.) превращается в равнодушного к несчастьям окружающих Дон Жуана, который в последние годы и сам попал в лапы безжалостной хищницы» [там же: 244]. Таким – написанным с постмодернистских, релятивистских позиций – работам авторы статьи противопоставляют более традиционные, научно ориентированные исследования Н.А. Кожевниковой («Язык и композиция произведений А.П. Чехова», 1999), А.С. Собенникова (««Между „есть Бог“ и „нет Бога“...» (О религиозно-философских традициях в творчестве А.П. Чехова)», 1997), Р.Е. Лапушина (««Не постигаемое бытие...» Опыт прочтения А.П. Чехова», 1998), П.Н. Долженкова («Чехов и позитивизм», 1998), Н.Е. Разумовой («Творчество А.П. Чехова в аспекте пространства», 2001), А.В. Кубасова («Проза А.П. Чехова: искусство стилизации», 1998) и др. [там же].

Говоря о следующем десятилетии, И.Э. Васильева и А.Д. Степанов отмечают, что чеховедению 2000-х гг. в значительно меньшей степени свойственны постмодернистские установки и подходы, а многие виднейшие исследования этого десятилетия – итоговые монографии уже состоявшихся чеховедов: Э.А. Полоцкой (««Вишневый сад». Жизнь во времени», 2003),

А.Г. Головачевой («Пушкин, Чехов и другие: поэтика литературного диалога», 2005), И.Н. Сухих (второе издание «Проблем поэтики А.П. Чехова», 2007) и др. [Васильева, Степанов, 2022: 244]. Отмечают авторы статьи и рост числа монографий и сборников, посвященных литературным связям А.П. Чехова: работы Е.Н. Петуховой («Притяжение Чехова. Чехов и русская литература конца XX века», 2005), сборник «Ибсен. Стриндберг. Чехов» (2007) и др. [там же: 245]. (В 2014 году этот ряд пополнится монографией А.Д. Семкина «Чехов. Зощенко. Довлатов. В поисках героя»).

Для чеховедения 2010-х гг., как замечают И.Э. Васильева и А.Д. Степанов, характерна тенденция к более четкой дифференциации «строго научного, академического литературоведения и вольных прочтений, которые еще недавно воспринимались многими как равноправные с научными» [там же]. Среди научного чеховедения 2010-х гг. исследователи выделяют обстоятельную монографию Л.Е. Бушканец ««Он между нами жил...». А.П. Чехов и русское общество конца XIX — начала XX века» (2012), посвященную формированию образа А.П. Чехова среди его современников, а также второе издание монографии Н.Е. Разумовой «Творчество А.П. Чехова в аспекте пространства» (2013) и биографию «Чехов. Жизнь «отдельного человека» (2010), написанную А.П. Кузичевой для серии «Жизнь замечательных людей»; с оговорками, к этой же группе авторы статьи относят монографии П.Н. Долженкова ««Как приятно играть на мандолине!» О комедии Чехова «Вишневый сад»» (2008) и «Эволюция драматургии Чехова» (2014) [там же]. Упоминая «общий для гуманитарных наук» «антропологический поворот» 2010-х годов²⁷, И.Э. Васильева и А.Д. Степанов в качестве примеров успешных исследований, выполненных с применением новой «методологической оптики», называют работы А.Г. Головачевой «А.П. Чехов и Крым» (2014) и «Чеховский Кучук-Кой. История одного имения» (2019), информация в которых подается «как бы «от

²⁷ См.: *Поселягин Н.* Антропологический поворот в российских гуманитарных науках // Новое литературное обозрение. 2012, № 1.

первого лица»», что, по мнению исследователей, «выгодно отличает отечественную научную традицию от подхода «вольных» биографов и интерпретаторов» [Васильева, Степанов, 2022: 246]. Заметим, что тяга к излишне вольным интерпретациям жизни и творчества А.П. Чехова характерна не только для зарубежного, но и для отечественного чеховедения 2010-х гг.²⁸ Отмечают авторы статьи также рост числа зарубежных исследований жизни и творчества А.П. Чехова, называя работы Р.Е. Лапушина (««Dew on the Grass»: The Poetics of Inbetweenness in Chekhov», 2010), Х. Питчера («Responding to Chekhov: The Journey of a Lifetime», 2010), А. Голомба («A New Poetics of Chekhov's Plays: Presence Through Absence», 2014) и др., в связи с которыми говорят о свойственном современному этапу «калейдоскопическом принципе осмысления изучаемого объекта», суть которого в том, что ни одна из применяемых исследователем оптик не может считаться «приоритетной» и в то же время только при наличии «разных проекций видения-осмысления» возможно добиться «минимального эффекта искажения»: число ««точек» взгляда»

²⁸ Это можно сказать, например, о работах В.Я. Звизняцкого (*Звизняцкий В.Я., Панич А.О. Нехорошие люди: об "отрицательных" персонажах в пьесах Чехова. Донецк: Норд-Пресс, 2010, рецензия: Лосиевский И. «Бедный» Антон Павлович и «нехорошие» чеховеды / Чеховский вестник. М.: 2001, № 26. С. 98–113; Звизняцкий В.Я. Аксиография Чехова: Система ценностей «чеховского интеллигента» в жизни и творчестве писателя, в современном мире и в школьном изучении: пособие для учителя. Винница: Нова книга, 2012, рецензия: Степанов А.Д. Красивый текст / Чеховский вестник. М.: 2013, № 28. С. 42–46), А. Минкина (*Минкин А. Яйца «Чайки». М., Московский комсомолец, 16-19 и 22-25 ноября 2010 г., рецензия: Иволгин И., Гарон, Л., Кабаков А. Опус о «Чайке» / Чеховский вестник. М.: 2012, № 27. С. 36–41), А.Д. Семкина (*Семкин А.Д. Чехов. Зоценко. Довлатов. В поисках героя. СПб.: "Островитянин", 2014, рецензия: Петухова Е.Н. О поисках героя: свой взгляд / Чеховский вестник. М.: 2014, № 30. С. 23–29), С.А. Кибальника (*Кибальник С.А. Чехов и русская классика: проблемы интертекста. СПб.: ИД «Петрополис», 2015, рецензия: Зайцев В.С. Проблемы интертекста / Чеховский вестник. М.: 2018, № 35. С. 33–39) и др.****

увеличивает «вариативную глубину» рассматриваемой картины [Васильева, Степанов, 2022: 246–247].

Говоря о «внутренней кухне» современного чеховедения, И.Э. Васильева и А.Д. Степанов обращают особое внимание на низкий интерес среди исследователей жизни и творчества А.П. Чехова к архивным, зачастую до сих пор не опубликованным, материалам, к которым, как писала еще в 2007 году И.Е. Гитович, «за последние 10–15 лет обращались считанные единицы исследователей и почти ни один молодой...» [Васильева, Степанов, 2022: 247–248] (далее об этом еще пойдет речь в параграфе о дискуссиях по поводу новейших жизнеописаний Чехова).

Другая выделяемая авторами статьи лакуна – почти полное «отсутствие исследовательского интереса к «ближайшему контексту» – русским писателям и драматургам 1870–1890-х годов, современникам и коллегам Чехова» [там же: 248] (об этом пойдет речь в параграфе о проблематизации интертекстуальных исследований «Чеховским вестником»). Как констатируют исследователи, «во всей гигантской чеховиане, получившей отражение в рецензиях «Вестника» (имеется в виду «Чеховский вестник» – А.Д.), едва ли найдется два десятка статей, в которых творчество Чехова сопоставлялось бы с произведениями его забытых современников» [там же]. Как исключение исследователи ранее приводят монографии А.Г. Головачевой «Антон Чехов, театр и «симпатичные драматурги»: Монография» (2020) и ««Чайка» А.П. Чехова. Поэтика. Проблематика. Литературно-театральный контекст» (2022) [там же: 247]. Именно изучение ближайшего историко-литературного контекста и работа с архивными источниками представляются И.Э. Васильевой и А.Д. Степанову наиболее перспективными направлениями в чеховедении; также исследователи относят к ним переосмысление «социопозтики» (не вполне ясно, что понимается под этим термином – А.Д.) Чехова с учетом новейших исследований отечественной истории конца XIX в.; кроме того, до сих пор не атрибутированы

некоторые предположительно чеховские тексты начала 1880-х гг. [Васильева, Степанов, 2022: 248].

Свой взгляд на современное состояние чеховедения предлагает также И.Н. Сухих во вступительной статье к четвертому тому антологии «А.П. Чехов: pro et contra» (2022), посвященному исследованиям 2000–2020 гг. Если И.Э. Васильева и А.Д. Степанов предложили попытку периодизации (в целом совпадающей с «естественным», календарным делением на десятилетия) чеховедения 1990-х–2010-х гг. и кратко описали каждый из трех выделенных периодов, И.Н. Сухих, не деля чеховедение XXI века на разные хронологические этапы, сосредоточивает свое внимание на «сквозных» проблемах современных исследований жизни и творчества А.П. Чехова. Среди этих проблем: неизбежная необходимость регулярного «обновления» чеховской биографии в связи с «текучестью» самого жанра, зависимости его от наличной социокультурной ситуации (об этом пойдет речь в параграфе о дискуссиях по поводу новейших жизнеописаний Чехова); потребность в продуктивном использовании компьютерных технологий (корпусного анализа и не только); необходимость в создании исторического комментария, описывающего чеховскую эпоху (по образцу комментария Ю.М. Лотмана к «Евгению Онегину»); потребность в развитии рефлексии чеховедения о самом себе (эту цель преследует данное диссертационное исследование) и др. [Сухих, 2022: 9–11]. В антологию включены статьи В.Б. Катаева, Р.Б. Ахметшина, М.О. Горячевой, О.М. Скибиной, Д.Т. Капустина, А.Д. Степанова, А.П. Кузичевой, Н.Ф. Ивановой, В.С. Зайцева, А.Д. Семкина, Э.Д. Орлова, Е.Н. Петуховой, М.Ч. Ларионовой, Р.Е. Лапушина, В.Я. Звизняцкого, А.С. Степановой, А.К. Жолковского, Е.Д. Толстой, О.В. Спачиль, П.Н. Долженкова, Л. Димитрова, В.И. Кашеева, Е.М. Гушанской, Ю.В. Доманского, Л.Е. Бушканец, М.М. Одесской, Н.В. Капустина, Н.В. Новиковой, И.А. Книгина, В.В. Гульченко, Е.И. Стрельцовой, А.С. Собенникова, С.А. Кибальника, С.Б. Евдокимовой, И.Н. Сухих, А.Г. Головачевой, А.В. Кубасова,

С.В. Тихомирова, М.А. Волчкевич, А.А. Гапоненкова, Г.В. Коваленко, В.И. Тюпы и И.Е. Гитович. Том разделен на три части, меньшая из которых посвящена биографии А.П. Чехова, а две более крупные – поэтике и литературному и социокультурному контексту (такое распределение вполне коррелирует с общей картиной новейшего чеховедения, представленной в статье И.Э. Васильевой и А.Д. Степанова [Васильева, Степанов, 2022]).

На наш взгляд, тенденции и противоречия современного чеховедения, отмеченные И.Э. Васильевой, А.Д. Степановым, И.Н. Сухих наиболее полно воплотились в исследованиях, представляющих собой (или заявленных как таковые) попытку реконструкции мировоззрения А.П. Чехова, определения его философской и/или религиозной мысли. Сфера поисков некоей «идейной платформы» А.П. Чехова включает в себя, как мы покажем далее, направления, весьма различные по конкретному объекту исследования: интерпретацию художественных сочинений А.П. Чехова, интерпретацию его писем и фактов его биографии, а также анализ его литературных (и шире – культурных) связей. Следующий параграф посвящен специфике изучения и представления религиозно-философской мысли А.П. Чехова в исследованиях 1990-х–2000-х гг.

2.1.1. Религиозно-философская мысль А.П. Чехова в исследованиях 1990-х-2000-х гг.

В советском чеховедении вопрос об отношении А.П. Чехова к тем или иным религиозно-философским идеям, конечно, обсуждался в связи с изучением «сферы идей» (как назвал главу в «Поэтике Чехова» А.П. Чудаков) в художественных сочинениях писателя: примерами служат и уже названная

выше глава в монографии А.П. Чудакова; и т.н. «гносеологическая концепция» прозы А.П. Чехова, представленная В.Б. Катаевым впервые в монографии «Проза Чехова: проблемы интерпретации»²⁹; до этого, например, классическая статья А.П. Скафтымова, где на материале повестей «Палата № 6» и «Моя жизнь» обсуждается отношение Чехова к толстовству³⁰ и др.³¹. Религиозно-философская мысль же самого А.П. Чехова, мирозерцание Чехова-человека почти не становилось самостоятельным предметом исследований советских чеховедов. Работы на эту тему появлялись в эмиграции, две наиболее известные из них – «Сердце смятенное» (Париж, 1934) М. Курдюмова (М.А. Каллаш) и «Чехов. Литературная биография» (Нью-Йорк, 1954) Б.К. Зайцева; однако, как отмечает А.С. Собенников, всё же и в эмиграции «не было написано по-настоящему значительных работ об отношении Чехова к религии и о его диалоге с религиозно-философскими традициями в русской литературе» [Собенников, 1997: 18]. М.А. Каллаш и Б.К. Зайцев, стремясь отыскать в А.П. Чехове религиозное чувство (свойственное им самим), обращают пристальное внимание на факты, могущие наличие этого чувства подтвердить, и игнорируют то, что этому противоречит. Неудивительно, что после 1991 года религиозно-философская мысль Чехова стала одной из наиболее популярных тем в чеховедении; в первые два постсоветских десятилетия на эту тему были опубликованы несколько монографий, один специальный сборник и еще один включивший

²⁹ См. об этом: *Степанов С.П.* Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 5. С. 130–137.

³⁰ *Скафтымов А.П.* О повестях Чехова «Палата № 6» и «Моя жизнь» // Нравственные искания русских писателей: статьи и исследования о русских классиках / вступ. ст. Е.И. Покусаева, А.А. Жук. М.: Художественная литература, 1972. С. 381–403.

³¹ См., например: *Линков В.Я.* Художественный мир прозы Чехова. М.: Изд-во МГУ, 1982. Об этом издании пойдет речь в данном параграфе.

эту тему, несколько важных статей: причем авторами работ выступили как сравнительно молодые исследователи, так и уже известные специалисты.

В 2008 году был опубликован сборник материалов по результатам международной научной конференции «Философия А.П. Чехова», прошедшей двумя годами ранее в Иркутске. Сборник можно рассматривать как попытку подведения итогов первым постсоветским опытам исследования мирозерцания А.П. Чехова и как попытку наметить перспективы и рамки для будущих исследований в этом направлении. В статье «Истинный мудрец» В.Б. Катаев пишет о невозможности вывести из «философских суждений, логических тезисов» отдельных персонажей художественных сочинений А.П. Чехова мировоззрение их автора – необходимо вместо этого искать «особую концептуальную основу его художественного мира. Не иллюстрацию философских положений при помощи картин и образов, а целостное воплощение мира в свете своего «представления жизни» (определение М. Горького – *А.Д.*) даёт нам писатель» [Катаев, 2008: 69–70]. Попытки вывести философию А.П. Чехова из реплик отдельных его персонажей и из слов повествователя действительно часто встречаются в работах 1990-х–2000-х гг., на что реагировал В.Б. Катаев и что мы покажем далее. Однако прежде необходимо поставить вопрос шире: можно ли вообще на основании анализа художественных произведений (а не писем, дневников, публицистики и т.д.) писателя (в данном случае – А.П. Чехова) делать выводы о его мировоззрении, в т.ч. религиозно-философской мысли?

Теория литературы разделяет, противопоставляет друг другу две сущности: в учебнике под редакцией Н.Д. Тамарченко они определяются как «образ автора» и «автор-творец» [Тамарченко et al, 2004: 242–247] (далее мы будем использовать эти термины), С.Н. Зенкин называет их соответственно «внутренним» («имплицитным», «фикциональным») и «внешним» автором [Зенкин, 2018: 86–94]; В.Е. Хализев выделяет «творца художественного произведения как *реальное лицо* с определенной судьбой, биографией,

комплексом индивидуальных черт» (то же, что «автор-творец» по Н.Д. Тмарченко и «внешний автор» по С.Н. Зенкину), «художника-творца присутствующего в его творении как целом, *имманентного* произведению» (то же, что «образ автора» у Н.Д. Тмарченко и «внутренний автор» у С.Н. Зенкина), а также «*образ автора*, локализованный в художественном тексте, т.е. изображение писателем, живописцем, скульптором, режиссером самого себя» [Хализев, 2004: 61–63]. Как пишет один из авторов учебника под редакцией Н.Д. Тмарченко, В.И. Тюпа, в недавно вышедшем авторском учебнике по теории литературы, «в силу вторичности художественного языка (по отношению к действительности – *А.Д.*) ни одно слово художественного текста не следует соотносить непосредственно с речью писателя. В литературных произведениях высказываются либо далекие от автора фигуры (персонажи), либо его заместители (повествователь, рассказчик, лирический субъект)» [Тюпа, 2024: 51]. В работах 1990-х–2000-х гг., заявленных как исследования религиозно-философской мысли А.П. Чехова, идеи, принадлежащие образу автора в рассказах, повестях и пьесах А.П. Чехова, нередко приписываются автору-творцу, т.е. самому А.П. Чехову как человеку, что приводит к ненадежным, недоказуемым суждениям о мировоззрении, идеях, «идеалах» писателя. Далее мы приведем наиболее характерные примеры такого ложного отождествления из конкретных работ.

Так, В.Я. Линков в монографии «Скептицизм и вера Чехова» (1995) пишет, что в повестях «Огни» и «Дуэль» «Чехов сказал о ценности скептицизма (отметим здесь, что автор монографии понимает скептицизм не как известное течение в античной философии, но более общо, что не оговаривается специально – *А.Д.*), о необходимости понимания каждым человеком возможности и даже неизбежности ошибок в суждениях о другом, о том, что «никто не знает настоящей правды»...» [Линков, 1995: 43]. Во-первых, слова одного из персонажей, фон Корена, здесь приписываются повествователю (едва ли фон Корена можно считать выразителем авторской

идеи в повести); во-вторых, в целом идея повести «Дуэль» (а до этого в монографии – идея повести «Огни») отождествляется с мыслью самого А.П. Чехова через характерную конструкцию: «Чехов сказал...» Неразличение образа автора и автора-творца проходит через всю монографию В.Я. Линкова: по мнению автора, если в «Огнях» и «Дуэли» «Чехов говорит о значении сомнения», то в «Скучной истории» и «Черном монахе» – «[Чехов говорит] о необходимости позитивных руководящих начал, придающих целостность человеческой жизни» [там же]; споря с Л. Шестовым, автор монографии утверждает, что в «Скучной истории» Чехов «делает первый шаг к преодолению действительно мрачных взглядов на жизнь, выраженных в произведениях раннего периода» [там же: 44]: не говоря о спорности общей оценки эмоционального тона ранних чеховских сочинений как «действительно мрачных», здесь снова имеет место отождествление этой оценки с мирозерцанием А.П. Чехова в целом. Еще один пример приписывания мыслей одного из персонажей автору: по мнению В.Я. Линкова, Чехов в «Скучной истории» «сказал, что без «общей идеи» жизнь человека безнадежно мучительна» [там же: 46]. Конечно, это мысли не А.П. Чехова, а Николая Степановича, героя повести, едва ли даже автобиографического. Сам же В.Я. Линков, когда пишет, что А.П. Чехов изображает действительность «с позиции героя, привнося в нее только тот смысл, который открывает сам герой» [Линков, 1995: 46], указывает на то, что выводы чеховских персонажей не тождественны даже идеям образа автора в произведении (не говоря уже об авторе-творце). Здесь же отметим наличие в монографии широких обобщений, которые автор не аргументирует, не подкрепляет фактами. Например, о Чехове и христианстве: по В.Я. Линкову, у А.П. Чехова было «христианское понимание проблемы человеческого достоинства, столь существенной в его творчестве»; Чехов считал, что «любой человек... причастен божественной сущности непосредственно, независимо от своих талантов, способностей, общественного положения и т.д.» [Линков, 1995: 68]; несмотря на то, что А.П. Чехов не был верующим, «воспринятые с

детства христианские этические ценности были ему глубоко органичны» [Линков, 1998: 68]. Эти утверждения требуют отдельного доказательства, что могло бы стать темой большой специальной работы.

И работа, как казалось, претендующая на то, чтобы дать ответы в том числе на эти вопросы, появилась – это монография А.С. Собенникова «Между «есть Бог» и «нет Бога»...»: (О религиозно-философских традициях в творчестве А.П. Чехова)» (1997). Несмотря на то, что подзаголовок монографии указывает на поэтику Чехова как предмет исследования, во введении А.С. Собенников формулирует две задачи: не только «выявить в массиве чеховских текстов такие, где антиномия Веры и Знания представлена наиболее ярко», но и «определить личное отношение Чехова к христианским ценностям» [Собенников, 1997: 4]. Вторая задача как будто предполагает анализ скорее писем (за отсутствием дневников) А.П. Чехова, нежели его художественных сочинений, но в монографии мы увидим главным образом анализ рассказов, повестей и пьес и попытки на основе этого анализа судить о мировоззрении автора, т.е. будет иметь место то же ложное отождествление образа автора в художественных сочинениях Чехова и А.П. Чехова как автора-творца. А.С. Собенников очень показательно формулирует далее свою основную задачу как стремление «произвести перекодировку образной системы... в метафизические категории» [Собенников, 1997: 36]. Такая «перекодировка», на наш взгляд, едва ли может считаться научным методом. Однако в другом месте автор монографии формулирует свою цель так: «определить место священного писания в художественной аксиологии писателя и выявить религиозные символы и библейские архетипы, т.е. обозначить те элементы культурного кода, которые связаны с христианством» [там же: 18]; А.С. Собенникова интересуют «особенности чеховских цитаций, чеховского диалога... а также чеховская манера высказываться, т.е. те стороны художественного мышления, которые восходят... к религиозному типу личности» [Собенников, 1997: 18–19]. И действительно, основное содержание

монографии (несмотря на заявленные во введении более широкие планы) – это исследование чеховских художественных сочинений, их поэтики, точнее – особенностей интертекстуальных связей произведений А.П. Чехова с Библией. Важно помнить, что выявляемые при этом особенности поэтики автора невозможно буквально, механически «перекодировать» в особенности его мирозерцания.

Еще одна монография, претендующая вроде бы на уточнение религиозно-философской мысли А.П. Чехова, – это работа П.Н. Долженкова «Чехов и позитивизм» (1998; 2-е издание – 2003; мы будем ссылаться на второе издание, почти не отличающееся от первого). П.Н. Долженков предлагает понимать позитивизм достаточно широко – как выражение «духа эпохи» [Долженков, 2003: 5]. Во введении автор монографии весьма кратко оговаривает, насколько А.П. Чехов был (мог быть) знаком с работами философов/ученых-позитивистов, насколько мог усвоить их идеи опосредованно, в связи с обучением на медицинском факультете Московского университета. Один из разделов монографии П.Н. Долженков завершает утверждением, что, вероятно, отношение А.П. Чехова «к человеческим знаниям о мире как предположительным формировалось под влиянием позитивизма» [там же: 44]: однако необходимые здесь подробные выписки из трудов позитивистов, доказывающие факт влияния, в работе не приводятся. В связи с этим П.Н. Долженков делает, на наш взгляд, одно из самых спорных утверждений в монографии: «...для решения вопроса о влиянии позитивизма на Чехова не обязательно искать конкретных философов и ученых, конкретные произведения, поскольку влиять мог и сам дух эпохи. <...> Опосредованное влияние философских систем на деятелей искусства более типично, чем прямое» [Долженков, 2003: 44]. Но тогда ни установить, ни опровергнуть, что влияние действительно имело место, невозможно.

В первую очередь автора монографии интересует поэтика А.П. Чехова, основной метод здесь – тот же, что и у В.Я. Линкова и А.С. Собенникова, то

есть анализ художественных произведений писателя с целью подтверждения тех или иных схождений или расхождений мировоззрения А.П. Чехова с, в данном случае, философией «первого позитивизма» (О. Конт, Дж. Милль, Г. Спенсер). Автор монографии считает, что, если идея, высказываемая в художественном произведении, повторяется писателем в письмах, ее можно считать идеей самого писателя (при условии «объективного анализа произведения») [там же: 11]. На наш взгляд, во-первых, едва ли возможно установить, какой анализ произведения может считаться «объективным» (на это указал и М. Финк в рецензии на первое издание монографии в третьем номере «Чеховского вестника»: «Методология, применяемая для того, чтобы установить, во что Чехов «действительно верил» (если не сама постановка вопроса об этом) может показаться проблематичной. <...> Кто из нас, если только он не ограничится чересчур формальным и описательным подходом, возьмет на себя смелость заявить, что провел вполне «объективный анализ» чеховских произведений?...» [Финк, 1998: 36]; во-вторых, даже повторение одной и той же (или близкой) идеи в художественном произведении и в нефикциональном тексте не позволяет считать два высказывания тождественными, т.к. они осуществляются в принципиально разных ситуациях.

Монографии А.С. Собенникова и П.Н. Долженкова предлагают самоценные наблюдения над особенностями поэтики А.П. Чехова, однако, в силу некорректной методологии (отождествления идей, высказываемых писателем в его художественных сочинениях (никогда не прямо, если речь идет о крупном художнике), и идей, формулируемых им в письмах (дневниках, публицистике и т.д.)), не могут претендовать на выявление мировоззрения, идейной платформы, религиозно-философской мысли А.П. Чехова.

Другая проблема интересующих нас исследований, кроме ложного отождествления образа автора в художественных сочинениях Чехова и А.П. Чехова как автора-творца, – игнорирование вопроса о самой

(не)возможности влияния той или иной идеи на А.П. Чехова. Наиболее характерный пример здесь – статья Т. Копылович «Мировоззрение Антона Павловича Чехова и философия Артура Шопенгауэра», опубликованная в сборнике «Чехов и Германия» под ред. В.Б. Катаева и Р.-Д. Клуге (1995), представленном в качестве сборника материалов по итогам II международной конференции «Молодые исследователи Чехова». Характерна формулировка исследовательницы: «Если философию Шопенгауэра мы назвали философией жизни (отметим, что «философией жизни» труды А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, А. Бергсона назвала не Т. Копылович – *А.Д.*), то творчество и взгляды Чехова уместно было бы назвать философией в жизни» [Копылович, 1995: 118]. Не говоря о неясности последней формулы, очевидно, что творчество писателя и его взгляды, хотя и осознаются автором статьи как разные сущности, в данном случае уравниваются. Но гораздо значительнее и показательнее другой недостаток статьи – нигде в этой работе не обсуждается и даже не упоминается вопрос о том, читал ли А.П. Чехов А. Шопенгауэра вообще и высказывался ли о философии А. Шопенгауэра в письмах. Т. Копылович утверждает, что А.П. Чехов «своим творчеством как бы иллюстрирует философию жизни Шопенгауэра (философию страдания)» [Копылович, 1995: 119]. Не говоря о том, что литературное творчество не может быть сведено к «иллюстрации» философских положений (если речь идет о писателе, а не о «пишущем философе»), это утверждение требует основательно доказанного факта влияния мыслителя на художника, что Т. Копылович в данном случае игнорирует. Желая проиллюстрировать близость идей А. Шопенгауэра идеям А.П. Чехова, автор статьи утверждает, что Чехова можно «с уверенностью назвать «собирателем» страданий. <...> Страданиями пронизаны все его повести и пьесы» [там же]. Во-первых, не все (и почему из рассмотрения исключаются рассказы?); во-вторых, страдание – далеко не единственное чувство, представленное в чеховских повестях и пьесах; в-третьих, даже если согласиться с этим утверждением, разве нельзя в таком случае сказать подобное о Ф.М. Достоевском, В.М. Гаршине?.. В

качестве примера «иллюстрирования» А.П. Чеховым идей А. Шопенгауэра Т. Копылович приводит только один фрагмент одной повести, «Три года», цитирует слова Лаптева: «Сделал глупость, теперь уже не поправишь. Надо философски относиться...» Т. Копылович комментирует: «Не имел ли в виду здесь Чехов шопенгауэровской философии страдания?» [там же]. Почему именно ее, а не, например, философии античных стоиков, с которой (как минимум с Марком Аврелием) А.П. Чехов точно был хорошо знаком?³² Очевидно, что слова персонажа не дают достаточных оснований для поисков конкретного «философского источника». Ближе к концу статьи автор пишет, что Чехов «заставляет своих героев страдать, но он и сам страдает вместе с ними», т.к. «всегда пишет с живой натуры, значит, живых людей из повседневной жизни» [Копылович, 1995: 121]. Не говоря о спорности последнего утверждения (уподобления А.П. Чехова художнику, «зарисовывающему» людей и окружающую действительность, «списывающему» с них), снова отметим некорректное отождествление образа автора в произведениях Чехова и А.П. Чехова как автора-творца этих произведений.

Недостаток фактической основы и аргументации виден и в статье Н.Е. Разумовой «Концепция и образы культуры у Чехова», напечатанной в иркутском сборнике «Философия А.П. Чехова» (2008). Н.Е. Разумова называет главным результатом путешествия А.П. Чехова на Сахалин открытие «позитивного смысла культуры» как «взаимно обусловленного и обоюдно необходимого диалога человека с миром», при этом, по ее мнению, образом, «наиболее полно выражающим это содержание» в очерках «Из Сибири» и книге «Остров Сахалин» становится «дорога, зримо реализующая в пространстве мира след человеческой активности» [Разумова, 2008: 149].

³² См.: Собенников А.С. А.П. Чехов и стоики // Философия А.П. Чехова: междунар. науч. конф. (Иркутск, 27 июня – 2 июля 2006 г.): материалы / под ред. А.С. Собенникова. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. С. 168–180.

Однако анализ текстов не представлен совсем; почему выделен именно образ дороги и в чем его функция, специфика в названных произведениях – не ясно. Никак не доказывается и итоговое суждение о том, что в очерках и книге о путешествии «была сформулирована основа того мировоззрения, которое... обуславливало далее всё зрелое творчество Чехова» [там же]. Поэтому, когда автор статьи пишет, что основа этого мировоззрения – «представление о соприродности человека окружающему миру, об их взаимной соотнесенности» [Разумова, 2008: 149–150], совершенно не ясно, на чем основываются все приведенные нами суждения автора. Вместо аргументации – еще одно общее суждение о характере соотношения человека и природы у Чехова, чье осмысление «будет развиваться и изменяться, определяя собой эволюцию чеховского творчества в последующие годы» [там же: 150]. Эта мысль тоже не конкретизируется и не аргументируется. Далее, как будто для прояснения чеховского отношения к культуре после путешествия на Сахалин, это отношение сопоставляется с «бахтинской этикой диалога и основанным на ней понятии культуры как «живого организма, сердцем которого является творчески формирующая деятельность человека»» (в конце цитата из М.М. Бахтина – *А.Д.*) [там же], однако это сопоставление автором статьи не обосновывается. В итоге автор противопоставляет чеховскую концепцию бахтинской: по её мнению, Чехов (в отличие от Бахтина) исходит из «данностей природно-материального мира, в который органично включается и мир артефактов»; они образуют «единую с человеком реальность, подлежащую художественному преобразованию (осмыслению)» [там же]. Не ясно, для чего было приведено сопоставление художественного мира Чехова с идеями Бахтина, если в итоге они друг другу противопоставляются. Для того, чтобы утверждать, что Чехова интересует «способность личности к непосредственному изменению мира даже в условиях его, казалось бы, предельной «окультуренности»» [там же: 151], если допустить, что это так (хотя это не доказывается автором статьи), не требуется сопоставлять Чехова с Бахтиным, чтобы потом одного другому противопоставить. Н.Е. Разумова

иллюстрирует свой вывод сравнением «Студента» с «Огнями»: в «Студенте», по ее мнению, «позиция Чехова оптимистична, она предусматривает плодотворное и инициативное сотрудничество человека с миром» [там же: 152]. Широкое обобщение делается на основе сопоставления лишь двух чеховских сочинений, другие не привлекаются. Еще одно слишком широкое обобщение Н.Е. Разумова делает по поводу «Вишневого сада»: «Духовное человеческое начало как закономерное и даже необходимое в общемировом процессе, не подчиняющее его себе, а создающее в единстве с природой культурное пространство, – такова позитивная основа чеховской онтологии, оформившейся в последний период и нашедшей наиболее полное воплощение в «Вишневом саде»» [Разумова, 2008: 158]. При этом достаточный для таких утверждений подробный анализ пьесы не представлен.

Еще одна работа, не имеющая, на наш взгляд, достаточно убедительного обоснования проводимому сопоставлению, – статья Р.С. Спивак «Чехов и экзистенциализм» из того же сборника. Автор начинает ее полемическим утверждением о том, что в истории чеховедения ее «поражает одна странность: в работах о Чехове есть блестящие интерпретации отдельных произведений писателя в духе экзистенциализма, но вне постановки вопроса об экзистенциализме Чехова» [Спивак, 2008: 193]. Вопрос и не может быть поставлен в такой форме, поскольку экзистенциализм – это конкретное философское (и/или литературное) направление, возникшее уже после смерти Чехова: говорить об «экзистенциализме Чехова» некорректно. Р.С. Спивак пишет о «явной типологической общности» творчества Чехова и «литературного направления европейского экзистенциализма» («абсурдность мира, его непрозрачность для разума и безучастность к человеку, исключительная ценность человеческой индивидуальности, глубокое отчуждение личности от общества, любого «другого» и себя самой» и т.д.) [Спивак, 2008: 193–194]. Во-первых, из этой формулировки следует, что речь в статье пойдет о связях творчества Чехова с экзистенциализмом именно как

литературным направлением, но не философским; автор не оговаривает, разделяет ли эти два явления или считает их чем-то единым или взаимопереходящим одно в другое. Во-вторых, утверждение о релевантности экзистенциалистских мотивов творчеству Чехова требует детального доказательства релевантности каждого из них; даже при поверхностном взгляде очевидно, что каждый такой случай потребует большого числа оговорок, уточнений, учета действительной творческой эволюции А.П. Чехова. В-третьих, не оговаривается трудность соотнесения идей, высказываемых в художественных произведениях Чехова, с идеями экзистенциализма в ситуации, когда не установлена типологическая близость мировоззрения А.П. Чехова как автора-творца этим идеям. Но главный вопрос: что даст (пусть даже успешное) соотнесение идей произведений Чехова с идеями произведений писателей-экзистенциалистов? Что нового это сопоставление может открыть в творчестве Чехова и каким образом? Например, Р.С. Спивак пишет о том, что мотив сизифова труда «займет видное место в творчестве Камю», но что этот мотив «намечен уже Чеховым» [Спивак, 2008: 195]. Но что из этого следует в отношении Чехова? Или автор статьи видит у Чехова «структуру гротеска, фиксирующую абсурдность, отсутствие упорядоченной структуры самой действительности, предваряющую стилевой гротеск Сартра и Камю» [там же: 199]. Опять же, даже если признать сходство, что нового оно сообщает о поэтике Чехова?

Можно в интересующих нас исследованиях встретить и просто весьма спорные утверждения и противоречия автора исследования самому себе. Например, Б. Оляшек в статье «Чехов и позитивизм: философия героев «малых дел»» из сборника «Философия А.П. Чехова» (2008) пишет, что в рассказах второй половины 1890-х гг. Чехов «уже меньше [чем раньше] иронизировал по поводу «малых дел» и стал мотивировать занятия героев идейными побуждениями...» [Оляшек, 2008: 125]; но сам же дальше приводит пример, противоречащий этому – Машу Должикову («Моя жизнь»), которая

«занялась строительством школы для крестьян и стала ее попечительницей из-за скуки, только потому, что новая роль казалась ей интересной. Она... руководствовалась, скорее, любопытством, чем какими-нибудь другими побуждениями» [Оляшек, 2008: 125]. Далее Б. Оляшек в качестве примера приводит Лиду Волчанинову («Дом с мезонином»), которая, по его мнению, на практике осуществила лозунг служения идее «малых дел» [там же: 126]. В данном случае не учитывается противоречивость образа Лидии и сложность авторской позиции в отношении ее. Другой спорный тезис: Б. Оляшек пишет, что представленное Чеховым в рассказах «восприятие русской действительности как такой, в которой нет логики, и ожидание разумной организующей идеи заставляет вспомнить принципы позитивистского прагматизма. Свободное от исторических иллюзий, поколение восьмидесятников жило в ожидании правового порядка как основы жизни, и именно такой порядок мыслился основой позитивистской модели мира» [Спивак, 2008: 130]. Но разве в рассказе «Человек в футляре», в образе Беликова, не осуждается в том числе возведенный в культ, доведенный до абсурда «правовой порядок»?

Примеры методологических ошибок и неточностей в интересующих нас исследованиях можно было бы продолжить, однако можно ли привести примеры работ, избегающих названных выше противоречий? Сначала заметим, что многим исследователям, интересующимся прежде всего поэтикой Чехова, в частности религиозно-философскими идеями в его художественных сочинениях (т.е. образом автора в рассказах, повестях и пьесах Чехова), удастся не отождествлять эти идеи и мировоззрение реального человека А.П. Чехова. В названном выше иркутском сборнике «Философия А.П. Чехова» 25 статей, из них мировоззрению самого А.П. Чехова посвящены только шесть (кроме цитировавшихся выше, статья А.С. Собенникова «А.П. Чехов и стоики» и работа В.Ф. Стениной «Субъективация времени в эпистолярной А.П. Чехова: морбуальный код»). Бо́льшая часть статей в

сборнике посвящена изучению идей как составляющих поэтики Чехова, без проекции на мировоззрение самого писателя³³.

Однако и среди исследований 1990-х–2000-х гг., посвященных религиозно-философской мысли А.П. Чехова, мировоззрению Чехова-человека, есть примеры удачных, методологически продуктивных работ. Например, статья Сибилле Гоффманн «Чехов и Фрейд. Психоаналитическая интерпретация мотива супружеской измены в рассказах Чехова», опубликованная в упомянутом выше сборнике «Чехов и Германия» (1995). Работа особенно ценна в методологическом плане: автор сразу отмечает то, что А.П. Чехов, по всей видимости, не был знаком с работами З. Фрейда (Фрейд ни разу не упоминается в письмах Чехова), и речь пойдет о перекличках, но не о влиянии (о типологических, но не о генетических связях); кроме того, С. Гоффманн четко разграничивает образ автора в художественных произведениях Чехова и А.П. Чехова как автора-творца: методика ее исследования опирается на «четкое разграничение биографии Чехова, с одной стороны, и его творчества, с другой. <...> Человек Антон Чехов не может быть пациентом в... исследовании. <...> ...методически было бы не безукоризненным интерпретировать произведения Чехова как психограмму автора, поскольку психоаналитический диалог с уже умершим писателем, подвергаемым анализу, провести уже невозможно, и надежные сведения о внутренней жизни автора получить уже тоже нельзя» [Гоффманн, 1995: 147]. И далее по поводу интересующего автора статьи мотива: «Вопрос о том, насколько в рассказах Чехова о супружеской измене отразилось его

³³ См., например: *Комаров С.А.* Линия Лопахин – Трофимов в комедии А.П. Чехова «Вишневый сад»: философские обертоны // *Философия А.П. Чехова: междунар. науч. конф.* (Иркутск, 27 июня – 2 июля 2006 г.): материалы / под ред. А.С. Собенникова. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. С. 107–113; *Кубасов А.В.* О статусе очеркового и научного дискурса в рассказе А.П. Чехова «Встреча» // Там же. С. 114–121; *Плеханова И.И.* Человек времени в прозе А. Чехова («Степь» и «Скучная история») // Там же. С. 132–145.

собственное глубокое неверие в возможность пожизненной моногамии и супружеской верности, остается открытым. В какой мере мотивы измены в его рассказах соответствуют его представлениям о браке и сексуальности, можно заключить лишь после углубленного изучения его писем и высказываний на эту тему. Но и на этом пути практически невозможно прийти к окончательному, конкретному результату» [Гоффманн, 1995: 155]. Как видим, С. Гоффманн четко осознает ненадежность, непродуктивность метода, который А.С. Собенников назвал «перекодировкой образной системы... в метафизические категории» и акцентированно отказывается от такого подхода, развернуто и убедительно аргументируя свое решение.

В том же сборнике «Чехов и Германия» есть и другая методологически корректная статья об отношении Чехова к идеям конкретного мыслителя – работа А.Б. Криницына «Проблема «вырождения» у Чехова и Макса Нордау». В отличие от Т. Копылович, А.Б. Криницын подробно пишет об истории публикаций М. Нордау в России и, ссылаясь на письма, о чтении и восприятии Нордау Чеховым. На фактическом материале, цитируя в подтверждение почти десятков чеховских писем, автор статьи убедительно показывает, что проблема вырождения заинтересовала Чехова «гораздо ранее 1893 года и независимо от его знакомства с творчеством Нордау» [Криницын, 1995: 169]. По мнению А.Б. Криницына, если Нордау «все индивидуальные особенности изображаемых им художников стремится представить, как болезненные симптомы», то Чехов – наоборот, «изображает больных лишь постольку, поскольку они являются характерами или постольку они картинны» [там же: 170]. В отличие от Нордау, у Чехова «нет однозначного отношения ни к декадентам, ни к «нервному веку» [там же: 174].

Как видим, при соблюдении корректной методологии исследователь взглядов А.П. Чехова в отношении тех или иных философских или религиозных систем оказывается весьма строго ограничен в материале (не столь многочисленном, как того хотелось бы), а сама проблема выявления

некоей целостной религиозно-философской мысли Чехова предстает едва ли решаемой. Однако отказ от корректной методологии, от разумного самоограничения и принципов научности, приводит к подмене понятий: анализ поэтики рассказов, повестей и пьес Чехова отождествляется с анализом нефикциональных чеховских текстов, а последние, как и факты действительной биографии писателя, нередко игнорируются ради эффектного (и нужного пишущему) сопоставления мировоззрения А.П. Чехова с той или иной философской системой, будь то экзистенциализм, идеи М.М. Бахтина или философия Шопенгауэра.

С одной стороны, конкретное содержание, «сухой остаток» исследований религиозно-философской мысли А.П. Чехова, созданных в 1990-е–2000-е гг., предстает достаточно скромным, интересующие нас исследования вынуждают в большей степени говорить о проблемах методологии; с другой стороны, очевидно, что сама проблема уточнения чеховского мировоззрения, его отношения к тем или иным философским или религиозным системам, занимает не последнее по значимости место в современном чеховедении и притягивает к себе исследователей как биографии, так и поэтики и литературных связей писателя. Это подтверждается и продолжившейся разработкой этой темы в 2010-е гг.³⁴

Приведенный выше анализ также показывает, что к отмеченным И.Э. Васильевой, А.Д. Степановым и И.Н. Сухих особенностям современного чеховедения необходимо добавить общее для современного литературоведения расхождение исследователей не просто в методах и подходах, но в понимании основополагающих литературоведческих категорий, таких как «автор», «авторская позиция», «идея художественного

³⁴ См., например: Философия Чехова: Материалы Международной научной конференции, Иркутск, 2-6 июля 2011 г. Иркутск: ИГУ, 2011; *Одесская М.М.* Чехов и проблема идеала. М.: РГГУ, 2011; *Звизняцкий В.Я.* Аксиография Чехова: Система ценностей «чеховского интеллигента» в жизни и творчестве писателя, в современном мире и в школьном изучении: пособие для учителя. Винница: Нова книга, 2012.

произведения и т.д. Это расхождение, с одной стороны, способствует «плюрализму мнений», с другой – осложняет коммуникацию между исследователями, без которой научная дисциплина не может существовать в качестве таковой.

2.2. Полемики и дискуссии в чеховедении 1990-х–2010-х гг. на страницах «Чеховского вестника» и других изданий

Помимо расхождений в теоретических и методологических установках исследователей, современное чеховедение, как и в предшествующие этапы, имеет внутри себя полемики, дискуссии по различным частным вопросам. В данном параграфе речь пойдет о четырех проблемах, часть из которых уже обсуждалась в чеховедении предшествующих этапов (дискуссия о принципах описания жизни А.П. Чехова; вопрос о преподавании творчества Чехова в школах и вузах); часть же можно считать в чеховедении сравнительно новыми (дискуссия об «усталости» зрителя от постановок чеховских пьес; проблемы изучения интертекста в художественных сочинениях писателя). Однако и темы, прежде поднимавшиеся чеховедами, в новой, постсоветской, социокультурной ситуации усложняются и требуют переосмысления.

2.2.1. Дискуссия о новейших жизнеописаниях А.П. Чехова на страницах информационно-библиографического издания «Чеховский вестник» (1990-е–2010-е гг.)

Писательская биография — один из наиболее подвижных, «текучих» литературоведческих жанров, поскольку каждое поколение задает свои специфические вопросы о жизни писателя, соотнося ее с тем особым социокультурным контекстом, в котором существует само. С развитием литературоведения меняется и понимание задач биографии писателя как жанра. Рубеж XX-XXI вв. как новая социокультурная эпоха, особенно в России, породил новые жизнеописания А.П. Чехова, как на родине писателя, так и за рубежом. Биографии, написанные Д. Рейфилдом [Rayfield, 1997; Рейфилд, 2005] и А.П. Кузичевой [Кузичева, 2010], русский перевод книги А. Труайя [Труайя,

2004], четыре тома Летописи жизни и творчества А.П. Чехова (2000, 2004, 2009, 2016) и еще десятки сочинений, так или иначе касающихся биографии Чехова, широко обсуждались на страницах информационно-библиографического издания «Чеховский вестник» – в статьях В.Б. Катаева, И.Е. Гитович, Л.Е. Бушканец, Р.Б. Ахметшина и др. Анализ этих материалов позволяет выделить основные темы дискуссии о новейших жизнеописаниях А.П. Чехова и хотя бы кратко охарактеризовать содержание каждой из этих тем.

Ядро дискуссии составляют две темы: во-первых, трудности в работе над жизнеописанием Чехова; во-вторых, задачи писательской биографии как жанра. Опишем содержание каждой из этих ключевых тем.

Среди проблем, с которыми неизбежно сталкивается любой биограф любого писателя давно ушедшей эпохи, можно выделить следующие: 1) неизбежная субъективность пишущего, проявляющаяся в отборе фактов (в т.ч. в ответе на вопрос, какие события из жизни считать фактом биографии; как замечала И.Е. Гитович, «жизнь и жизнеописание не равны» [Гитович, 2005: 32], не вся жизнь может и должна войти в биографию) и в разной их интерпретации; 2) культурная (в т.ч. «языковая») дистанция между пишущим сегодня о писателе другой эпохи и самой этой эпохой; если биограф – иностранец, дистанция еще увеличивается и риск аберрации фактов возрастает (что, конечно, не означает, что зарубежный исследователь не способен написать биографию писателя качественно); 3) баланс между включением в текст документов (писем, мемуаров и т.д.) и авторским повествованием биографа; проблема адекватного прочтения документа (о ней далее речь пойдет более подробно); трудность привлечения мемуарных текстов в силу их субъективности, а иногда и преднамеренных искажений мемуариста; 4) «этический вопрос»: баланс между научной объективностью и в то же время ответственностью биографа перед «своим» автором, без которой качественная работа едва ли возможна; 5) недостаток фактов (о наименее известных аспектах чеховской жизни речь пойдет далее); 6) выбор метода и приемов биографического повествования и их адекватность

жизнеописанию конкретного писателя. В зависимости от того, как биограф отвечает на все эти вопросы, формируется специфика каждой конкретной биографии с ее достоинствами и изъянами.

Один из наиболее дискуссионных и значимых вопросов – вопрос о том, в какой мере необходимо знакомить читателя с жизнью окружения писателя (семьи, друзей и т.д.). Спор на эту тему возник и во время обсуждения выхода первого тома Летописи жизни и творчества А.П. Чехова (2000). Стенограмма дискуссии была подготовлена И.Е. Гитович и опубликована в № 8 «Чеховского вестника» (2001) [Гитович, 2001a]. Составитель тома, Л.Д. Опульская, говорила о том, что задачей при работе над изданием было «показать жизнь и труды Антона Павловича, а не жизнь его окружения, каково бы оно ни было – литературное или семейное» [Гитович, 2001a: 9]; А.П. Чудаков же настаивал на необходимости изучения чеховского окружения, писем отца А.П. Чехова Павла Егоровича и старших братьев Александра и Николая, важных «для понимания генезиса чеховского стиля» [Гитович, 2001a: 12]; соглашалась с А.П. Чудаковым А.П. Кузичева (будущий составитель 4 тома летописи жизни и творчества А.П. Чехова (2016)), утверждавшая, что «многое о самом Чехове выясняется только тогда, когда понимаешь, кем он был реально окружен в семье, какими были эти персонажи» [там же: 23] и призывавшая разрушать «легенды о семье Чехова» [там же: 20]; А.П. Чудакова и А.П. Кузичеву поддержала И.Е. Гитович, сказавшая, что окружение писателя – «это не фон, не статисты. Это жизнь, в которой и осуществляется биография» [там же: 27–28]. Спустя три года после этой дискуссии А.П. Кузичева издаст книгу, посвященную членам семьи А.П. Чехова [Кузичева, 2004]; в написанной ей позднее биографии А.П. Чехова [Кузичева, 2010] отношения писателя с его окружением также займут важнейшее место.

Другая значимая подтема, связанная с вопросом о задачах писательской биографии, – междисциплинарность этого жанра. И.Е. Гитович писала, что биографическая книга «должна давать»: 1) «необходимые представления о

жизни героя», 2) [необходимые представления о] «времени-пространстве, в котором она [жизнь героя] протекала», 3) «возможность личного сопереживания» [Гитович, 2005: 21]. Чтобы удовлетворить второму требованию, биограф должен обращаться к самым разным областям, что и происходит в лучших образцах новейших жизнеописаний А.П. Чехова: современное чеховедение «заглядывает в области не только филологии, но и истории, психологии и ряд других, включая медицину» [Кормилов, 2008: 6]; писательская биография как жанр «оказывается на перекрестке литературных, идеологических, литературоведческих, психологических поисков» [Бушканец, 2007: 134].

Говоря о трансформации писательской биографии как жанра с 1980-х по 2000-е гг., Л.Е. Бушканец охарактеризовала эту трансформацию как переход от «справочно-вспомогательного издания» к «разновидности научной биографии в фактах и документах» [Бушканец, 2010: 8], при этом биография становится и книгой для чтения, адресатом которой оказывается не только узкий специалист, но и «широкий читатель».

Среди других наиболее важных тем дискуссии о новейших жизнеописаниях А.П. Чехова: содержание и степень изученности чеховских архивов и особенности работы с ними; интерес зарубежных исследователей к жизни и творчеству Чехова, общее и различное в методах; вопрос о соотношении биографии и поэтики Чехова; вопрос о т.н. «антисемитизме» Чехова; образ и значение Чехова в общественном сознании. Опишем содержание каждой из этих значимых тем.

Важное место занимает вопрос о значении архивных разысканий: являются ли они сами по себе основой для дальнейших открытий в биографии А.П. Чехова [Гитович, 2004: 40] или в большей степени зависят от отбора и интерпретации фактов исследователем [Катаев, 1997: 7], [Гитович, 2005: 22]. Работа с документами требует от ученого не просто высокой филологической квалификации, но и специфических навыков, присущих не всем

литературоведам [Гитович, 2005: 24–26]. При наличии большого числа неопубликованных сведений, связанных с жизнью и творчеством Чехова, публикация всего, что связано с писателем, невозможна, поскольку «строгих границ, отделяющих тут чеховское от нечеховского, нет. Контекст... практически безграничен» [Гитович, 2005: 31]. Ученые-чеховеды не раз сетовали на низкий интерес исследователей (особенно молодых) к архивным документам; наиболее последовательно об этом «досадном неинтересе современных чеховедов к серьезной работе в архивах» [Гитович, 2016: 15] писала И.Е. Гитович.

В 1990-е–2010-е гг. исследователи не раз отмечали высокий интерес к Чехову во всем мире. Кроме отечественных чеховедов, замечавших, что «чеховистика давно является отраслью мирового литературоведения» [Катаев, 1997: 6] (о чем свидетельствует и, например, публикация 100 тома «Литературного наследства»: «Чехов и мировая литература»), об этом на страницах «Чеховского вестника» писали и зарубежные исследователи: Х. Питчер замечал в связи с изданием в 2004 году писем А.П. Чехова на английском языке под редакцией Р. Бартлетт [Bartlett, 2004], что это уже десятое англоязычное издание писем Чехова; тот же Х. Питчер в той же статье 2004 года и затем Г. МакВэй в 2008 году называли три «авторитетные англоязычные биографии Чехова» – работы Э. Симмонса [Simmons, 1962], Р. Хингли [Hingley, 1976] и Д. Рейфилда [Rayfield, 1997] [Питчер, 2004: 41; МакВэй, 2008: 48]. Биографии А.П. Чехова, написанные зарубежными исследователями, представляют интерес уже тем, что дают взгляд на русского писателя «со стороны», «версию судьбы русского классика, увиденной через призму другого культурного языка» [Гитович, 2005: 21]; однако, как отмечала И.Е. Гитович, переведенные на русский язык, написанные за рубежом биографии «отныне встают в ряд российских жизнеописаний Чехова» и широким читателем воспринимаются как «просто последние биографии Чехова» [там же], без поправки на иной культурный код биографа.

Современные чеховеды практически единодушны в том, что сколько-нибудь полное понимание особенностей поэтики Чехова невозможно без глубокого знания и понимания биографии писателя [Бушканец, 2007: 128], [Кормилов, 2008: 8–9], в т.ч. влияния медицинского образования на творчество [Гитович, 2016: 8]. При этом, как отмечала Л.Е. Бушканец, в повествовании о жизни писателя бытовые подробности не должны заслонять творческую биографию: соблюдение этого баланса является дополнительным вызовом для биографа [Бушканец, 2012а: 13–14].

В 2001 году в ходе обсуждения публикации первого тома Летописи жизни и творчества А.П. Чехова И.Е. Гитович заметила, что публичная постановка вопроса о возможном бытовом антисемитизме А.П. Чехова «еще недавно [в позднем СССР] была невозможна – его [этого вопроса] как бы не существовало [в публичном пространстве]» [Гитович, 2001b: 37]. В 1990-е–2010-е гг. эта тема не раз становилась самостоятельным предметом исследования [Толстая, 1994; Яковлев, 2000; Уральский, 2020], что стимулировало и размышления рецензентов «Чеховского вестника» на эту тему. Та же И.Е. Гитович указывала на разницу в значениях слов «антисемитизм» и «антисемит» для современников Чехова и для сегодняшнего читателя [Гитович, 2001b: 41]; а Б.С. Черный, пытаясь подытожить обсуждение этой темы, писал, что Чехов «не был антисемитом, не был он и филосемитом. Это был интеллектual, способный подняться над формировавшей его средой...» [Черный, 2020: 22].

В 2000-е–2010-е годы ученые-чеховеды не раз отмечали недостаточное знание биографии А.П. Чехова не только «широким читателем», но и специалистами [Гитович, 2004: 37–38], [Бушканец, 2007: 128]. Е.Ю. Зубарева писала о «Чехове «школьном», хрестоматийном и глянцевоm, упрощенном и искажившимся...» [Зубарева, 2011: 71]. Л.Е. Бушканец указывала на недостаток специалистов именно по биографии Чехова [Бушканец, 2007: 128], хотя именно работа над жизнеописанием писателя, а не поэтологическое исследование, как замечала Л.Е. Бушканец позже, «в наше время (в отличие от 1970-х–1980-х гг.,

когда наиболее известными чеховедами были исследователи чеховской поэтики – А.П. Чудаков, В.Б. Катаев, Э.А. Полоцкая и др.) открывает литературоведу путь к известности» [Бушканец, 2012а: 6], поскольку именно биография в первую очередь интересует «широкого» и даже «массового» читателя.

Среди других значимых для дискуссии тем: не решенные до сих пор проблемы биографии Чехова; советские жизнеописания Чехова; поиск прототипов чеховских персонажей. Опишем содержание каждой из этих тем.

Написание претендующей на полноту биографии А.П. Чехова осложняется недостатком сведений о детстве и юности писателя, без которых многое в зрелом Чехове и в его творчестве обречено оставаться до конца не понятным [Горячева, 2004: 24], [Гитович, 2013: 18–19], [Гитович, 2016: 6]. В ситуации отсутствия дневников остается лишь предполагать причины некоторых особенностей поведения, мышления Чехова – например, его кажущегося едва ли не равнодушным отношения к своему заболеванию [Долженков, 2019: 38–40].

Обилие новых русскоязычных жизнеописаний А.П. Чехова в 1990-е–2010-е гг. может свидетельствовать о том, что прежние, советские, биографии (работы Ю.В. Соболева, А.Б. Дермана, А.И. Роскина, Г.П. Бердникова и др.) не отвечают запросам современного русскоязычного читателя, несмотря на то что эти биографии, по замечанию И.Е. Гитович, «документированы не менее», чем, например, книга Д. Рейфилда [Гитович, 2005: 30]. Однако «глубокое и серьезное обсуждение достоинств и недостатков всех существующих биографий и их сопоставительный анализ» [Бушканец, 2007: 138], к которому призывала Л.Е. Бушканец, на данный момент проведен лишь частично. В.С. Зайцев проанализировал биографии Чехова, созданные Ю.В. Соболевым, А.Б. Дерманом, А.И. Роскиным, В.В. Ермиловым [Зайцев, 2022]. Позднесоветские биографии Чехова (например, работы Г.П. Бердникова, А.П. Чудакова) остаются за хронологическими рамками исследования. И.Н. Сухих также рассмотрел биографии Чехова советского (в т.ч. позднесоветского) периода, однако жанр обзорной статьи и отсутствие

специального интереса именно к вопросам биографии писателя не позволили автору провести достаточно подробный анализ [Сухих, 2010; Сухих, 2016]. А.Д. Степанов достаточно подробно для жанра статьи проанализировал работы В.В. Ермилова и отчасти Г.П. Бердникова, однако, и данная статья является лишь кратким обзором проблемы [Степанов, 2021а].

Среди современных чеховедов нет единства в вопросе о том, насколько целесообразны и перспективны попытки установить прототипы тех или иных персонажей чеховских произведений. Например, В.Б. Катаев, полемизируя с Д. Рейфилдом, высказавшим в биографии свои версии о прототипах, замечал, что Чехов «никогда и никого не копировал буквально» [Катаев, 1997: 11]; но А.П. Кузичева чуть позднее говорила о том, что письма А.П. Чехова и переписка членов семьи и знакомых друг с другом позволяют выносить вполне обоснованные суждения о том, кто из чеховского окружения «вошел» в то или иное его произведение [Гитович, 2001а: 20].

Дискуссия о новейших жизнеописаниях А.П. Чехова, шедшая на страницах информационно-библиографического издания «Чеховский вестник» в 1990-е–2010-е гг. (и продолжающаяся до сих пор, как продолжают публикации научных и популярных работ, касающихся биографии Чехова) включает в себя значимые для специалистов и не только вопросы и суждения, касающиеся как реальной практики работы над жизнеописанием Чехова (а также нашего знания и понимания жизни и творчества А.П. Чехова в целом), так и таких общетеоретических вопросов, как задачи и эволюция писательской биографии как жанра. Содержание дискуссии, будучи осмыслено и учтено, может быть полезно как будущим биографам А.П. Чехова, так и «рядовым» читателям чеховских жизнеописаний.

2.2.2. А.П. Чехов в школьном и вузовском преподавании 2000-х–2010-х гг.: дискуссия в «Чеховском вестнике»

В 1990-е гг., в связи с политическими и социокультурными изменениями, перед отечественными литературоведами и педагогами встала задача корректировки представления жизни и творчества А.П. Чехова (как и всей истории русской литературы) в учебной литературе для студентов и школьников и в методической литературе для преподавателей. Связано это было не только с отказом от прежних идеологем, но и с необходимостью учесть значительнейшие достижения отечественного чеховедения в 1970-е–1980-е гг. (издание ПССП, исследования З.С. Паперного, Э.А. Полоцкой, А.П. Чудакова, В.Б. Катаева, И.Н. Сухих и др.). На рубеже 1990-х–2000-х гг. появилось сразу несколько новых вузовских и школьных учебников по истории русской литературы, конечно, включавших и раздел/главу о Чехове, а также несколько пособий, посвященных преподаванию Чехова в школе.

В 2001 году издательством МГУ был опубликован учебник по истории русской литературы 1870-х–1890-х гг. под редакцией В.Н. Аношкиной, Л.Д. Громовой и В.Б. Катаева, главу о Чехове для него написал В.Б. Катаев (кое-что об этом тексте было сказано в первой главе данного диссертационного исследования в параграфе о позднесоветском чеховедении). Акцент в главе сделан на мировом значении и мировом признании чеховского творчества («понять Чехова» значит «прежде всего объяснить, благодаря чему его творчество приобрело всемирное и все возрастающее признание» [Катаев, 2001: 551]), его «универсализме» [там же]. Как мы отмечали ранее, В.Б. Катаев приводит основополагающую для исследователя Чехова литературу, а также впервые в учебном пособии обозначает специфику советского чеховедения, выделяет некоторые лакуны в чеховедении, упоминает зарубежные школы чеховистики [там же]. Таким образом, постсоветский студент впервые получил, во-первых, краткий обзор истории становления и развития чеховедения от

зарождения в конце XIX в. до конца XX в., а во-вторых, представление о новейших исследованиях и современном состоянии науки о жизни и творчества А.П. Чехова. При анализе ранних юмористических рассказов В.Б. Катаев, как кажется, склоняется к характерной для советского периода социологизирующей интерпретации и пишет, например, что рассказы «Унтер Пришибеев» и «Хамелеон» могут служить «образцами социальной сатиры времен Александра III» [Катаев, 2001: 566–567], однако, далее выходит за рамки узкосоциологического истолкования, отмечая, что в «Смерти чиновника», «Хамелеоне», «Унтере Пришибееве» автор «рассматривает очередную разновидность стереотипа, шаблона мышления и поведения» [там же: 567]. В.Б. Катаев опирается на собственную «гносеологическую» концепцию, предложенную впервые еще в «Прозе Чехова: проблемы интерпретации» (1979), когда пишет, что «ложность представлений, которые кажутся их носителям абсолютной правдой, будет показывать Чехов в большинстве своих произведений» [там же] и что «пестрота мира в ранних чеховских произведениях – это понятая и запечатленная писателем пестрота различных видов осознания мира и ориентации в нем» [там же: 568]. Социологизирующей можно считать и трактовку В.Б. Катаевым пьесы «Иванов», в которой, как считает автор главы, Чехов «откликается на ситуацию, прямо подсказанную эпохой 80-х годов. <...> Как герой его пьесы, считал Чехов, все русское интеллигентное общество от «возбуждения» двух предшествующих десятилетий пришло в 80-е годы к «утомлению», утрате прежних верований» [там же: 578]. Так же узкосоциологически интерпретируется «Человек в футляре», в котором, по мнению автора главы, писатель дает «краткую, точную, сатирическую, порой гротескную характеристику жизни всей русской интеллигенции и вообще России в только что закончившееся царствование Александра III» [Катаев, 2001: 587]. Отчасти социологизирование характерно и для интерпретации В.Б. Катаевым «Вишневого сада», в котором, по мнению исследователя, драматург «зафиксировал то состояние русского общества, когда от всеобщего разъединения, слушания только самих себя до окончательного распада и

всеобщей вражды оставался лишь один шаг» [Катаев, 2001: 611], т.е. главной идеей пьесы автор главы считает предощущение, ожидание социальных катаклизмов. Интересно подкрепляющее важную для В.Б. Катаева концепцию Чехова как автора всемирного сопоставление «Скучной истории» с «Фаустом»: «ученый, достигший вершин своей науки, разочарован в прожитой жизни» [там же: 581]; «духовные искания своего современника Чехов ставил в ряд духовных исканий человечества» [там же]. Спорным представляется решение автора главы (и редактора учебника) включить в список рекомендуемой литературы биографию Чехова, написанную Д. Рейфилдом [Rayfield, 1997], о недостатках которой писали и сам В.Б. Катаев [Катаев, 1997], и другие исследователи [Васильева, Степанов, 2022], о чем мы уже говорили ранее. В целом В.Б. Катаеву удалось представить жизнь и творчество А.П. Чехова на языке, адекватном новой социокультурной ситуации, несмотря на некоторое тяготение в интерпретации чеховского творчества к характерному для советского чеховедения социологизированию.

В том же 2001 году был издан учебник для вузов по истории русской литературы XI–XIX вв. под редакцией В.И. Коровина и Н.И. Якушина, адресованный студентам негуманитарных специальностей; главу о Чехове для него написал П.Н. Долженков. Анализ произведений Чехова в этой главе иногда подменяется их пересказом: так происходит со «Скучной историей», «Палатой №6», «Случаем из практики». На наш взгляд, когда автор главы пишет, что в художественном мире Чехова «счастье и радость кратковременны, а чаще всего они – несбыточная мечта. Сумеречные настроения, томление в оковах жизни, непрерывное тихое страдание – это и есть едва ли не сама суть жизни»; что у Чехова «серость, пошлость, грубость, враждебность, нелепость – неизменные атрибуты жизни, изначальные ее характеристики. <...> такова жизнь» [Долженков, 2001: 554], он лишь воспроизводит наиболее общие места скептически настроенной по отношению к Чехову прижизненной критики, о чем шла речь в первом параграфе первой главы данного диссертационного

исследования. В действительности художественный мир Чехова более разнообразен и сложен, сам П.Н. Долженков отмечает далее, что «даже в самых невеселых произведениях писателя всегда есть хотя бы слабый луч надежды на то, что возможна иная жизнь, и мечта о ней. Как бы ни была тяжела жизнь, но она все-таки не состоит только из пошлости, скуки, страданий и зла» [Долженков, 2001: 554]. К сожалению, издание не снабжено ссылками на упоминаемую и цитируемую литературу, и студент, прочтя, что «следует согласиться с мнением Л.Я. Гинзбург о том, что писатель воплощал в них [своих произведениях] сознание и мироощущение своей эпохи» [там же: 555], не знает, где искать у Л.Я. Гинзбург эту мысль. Автор главы ссылается на концепцию своего учителя В.Б. Катаева, отмечая важнейшую в творчестве Чехова «гносеологическую проблематику» [там же: 557]. Необходимо отметить иногда встречающееся в главе ложное отождествление мировоззрения А.П. Чехова-человека и идеи в художественном мире Чехова-писателя (об этом, в т.ч. на примерах из монографии П.Н. Долженкова «Чехов и позитивизм» (1998), шла речь в §2.1.1), например: «Свобода, справедливость, объективность, скептицизм по отношению ко всем существующим в его время «общим идеям» и поиски «настоящей правды», неведомой людям, — вот краеугольные камни мировоззрения и творчества Чехова» [там же: 560]. Интерпретируя рассказ «Человек в футляре», П.Н. Долженков ведет скрытую полемику с В.Б. Катаевым (и с официальными советскими интерпретациями этого произведения): автор главы соглашается с тем, что в формировании «футлярного человека» «большую роль сыграла эпоха реакции», но настаивает, что этот образ «гораздо шире, нежели отражение реакции, которая к моменту написания рассказа была уже позади» [Долженков, 2001: 564]. Ключевая тема этого рассказа, по мнению исследователя, — страх перед жизнью, который «часто бессознательный, является одной из важнейших движущих сил поведения и ориентации человека в мире в прозе Чехова» [Долженков, 2001: 566]. Взамен узкосоциологическому истолкованию П.Н. Долженков делает акцент на интересе А.П. Чехова к тому, как люди (персонажи) мыслят и поступают в связи с теми или иными

переживаниями. Наиболее подробно автор главы анализирует чеховскую драматургию, предлагая как весьма интересные и оригинальные наблюдения (например, о символизме «Дяде Вани»: «Ситуация «жизнь, уходящая неизвестно на что», весь ужас которой заключается в том, что все лучшее в нас, все жизни человеческие уходят неизвестно на что, в зияющую пустоту по имени профессор Серебряков, – универсальная ситуация пьесы, и Серебряков начинает восприниматься как фигура символическая, как символ неведомого человеку мира» [там же: 579–580]), так и те, согласиться с которыми трудно либо в силу отсутствия примеров из текста (например, утверждение, что в «Трёх сёстрах», «создавая образ жизни-страдания, Чехов в неявном виде использует даже образы дантовского ада» [там же: 581]), либо в силу противоречия их известному о чеховской поэтике (к примеру, утверждение, что в тех же «Трёх сёстрах» драматург «утверждает жизненную позицию своих героинь как единственно достойную человека в жизни-страдании. Ее можно охарактеризовать как мужественный стоицизм» [там же]; сам же П.Н. Долженков далее добавляет, что у Чехова «никогда не бывает однозначности» [там же]). Полемичным по отношению к анализу В.Б. Катаева и к советскому чеховедению в целом можно считать и интерпретацию П.Н. Долженковым «Вишневого сада», содержание которого, как отмечает автор главы, нельзя сводить только к «неумолимому историческому процессу развития капитализма в России», как иногда делается [там же: 582]. Как замечает исследователь, ко времени создания пьесы «в социальном отношении комедия... была не очень-то актуальной, не была она и новостью для литературы» [там же]. Однако автор главы не предлагает достаточно внятной и развернутой иной интерпретации пьесы. Исследователь утверждает, что в «Вишневом саде» представлены «легкомысленные, растерянные, плохо отдающие себе отчет в том, что происходит, и в том, что они делают, похожие на детей люди», которые «изображены на фоне громадного мира и неумолимого, всепожирающего времени» и «претендуют на то, чтобы быть хозяевами этого мира, переделывать его согласно своим представлениям» [Долженков, 2001: 582]. Разве Раневская и Гаев «претендуют на то, чтобы быть

хозяевами этого мира, переделывать его согласно своим представлениям»? Несмотря на отдельные спорные положения, глава о Чехове, написанная П.Н. Долженковым, еще в большей степени, нежели работа В.Б. Катаева, предлагает новый, отличающийся от характерного для советского периода, взгляд на жизнь и творчество А.П. Чехова.

В 2003 году был опубликован учебник по истории русской литературы XIX века для 10 классов гуманитарного профиля с главой о Чехове, подготовленной Р.Б. Ахметшиным. Важная особенность, отличающая этот учебник от многих других, состоит в том, что вопросы для размышления, предлагаемые в конце каждого параграфа, предполагают не пересказ (обобщение) только что прочитанного, как это принято в такого рода изданиях, а действительно размышление: прямых ответов на эти вопросы в тексте главы нет. Некоторые вопросы весьма сложны, предполагают высокий уровень филологической подготовки и просто высокий культурный уровень школьника, например: «В чем, по вашему мнению, проявляется основное достоинство короткого рассказа? Какие изобразительные возможности открывает стремление к лаконизму?» [Ахметшин, 2003: 401]; «Как отношение к памяти позволяет нам распределить образы героев в системе персонажей [в «Чайке»]? [там же: 413]; «Представьте себе, что рассказ «Спать хочется» написан на основе реальных событий. Как можно охарактеризовать мастерство Чехова-психолога? Насколько удачно, по вашему мнению, проникновение в сознание девочки Варьки?» [там же: 401]. В изложении биографии Чехова встречаются некоторые неточности: автор главы пишет, что первые признаки чахотки появились в 1888 году [там же: 413], однако первое кровохарканье произошло четырьмя годами ранее, о чем Чехов писал в письмах в декабре 1884-го (Н.А. Лейкину от 10 декабря³⁵, П.А. Сергеенко от 17 декабря³⁶); о семье Чеховых: «...пятеро детей, а надеждой, утешением родителям

³⁵ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах (М.: Наука, 1974—1983). Письма в 12 т.: Т. 1. С. 136.

³⁶ Там же. С. 137.

всегда был только Антон» [там же: 402] – детей в семье было шестеро (Александр, Николай, Антон, Иван, Мария, Михаил). Как и в главе, написанной П.Н. Долженковым, в тексте Р.Б. Ахметшина некоторые произведения А.П. Чехова лишь пересказываются («Смерть чиновника», «Толстый и тонкий», «Злоумышленник», рассказы «маленькой трилогии») или упоминаются («Хамелеон», «Унтер Пришибеев»). В параграфе «Формирование стиля» автор высказывает некоторые общие суждения о стиле Чехова, но практически не подкрепляет их конкретными примерами, из-за чего они могут остаться для школьника «абстракциями» («импрессионизм», «натурализм» Чехова и т.д.) [там же: 424–428]. Не вполне ясно, почему, по мнению автора главы, рассказ «Студент» может быть понят как «свидетельство полного равнодушия автора к изображаемым героям и идеям, хотя автор сам упоминал его в качестве доказательства своего глубокого интереса к изображаемому, интереса к жизни и т.д.» [там же: 429]. Если П.Н. Долженков считал главной темой «маленькой трилогии» – страх человека перед жизнью, то Р.Б. Ахметшин, тоже уходя от узкосоциологической трактовки, называет «лейтмотивом «маленькой трилогии»» «ощущение загубленной жизни» [там же: 436]. Однако частично к социологизированию тяготеет интерпретация автором главы «Палаты № 6», в которой, по его мнению, автор «ставит проблему социального устройства и показывает, что общество, халатно относящееся к больным людям, действительно порочно – оно разлагается» [Ахметшин, 2003: 443]. Это так, но нам представляется более значимой философская («гносеологическая») проблематика повести. Как и В.Б. Катаев, Р.Б. Ахметшин подчеркивает укорененность чеховского наследия в мировой культуре, говоря о влиянии чеховского способа изображения сумасшествия на модернистское «изображение абсурда «нормальной» человеческой жизни (Кафка, Беккет и др.)» [Ахметшин, 2003: 446]; отдельный параграф также посвящен «Чехову и «новой драме»» (Г. Ибсен, А. Стриндберг, Б. Брехт). На наш взгляд, когда автор главы пишет о скептицизме Чехова («Доктор Чехов знал, что болезнь подтачивает физические и психические силы человека и лечение ее требует изоляции. Продолжительные

недуги и боли лишают человека свободы и поэтому являются несправедливостью природы. Однако данное противоречие является неразрешимым и становится одним из оснований чеховского скептицизма» [там же: 447]), имеет место то же, что иногда у П.Н. Долженкова, неразличение личности (мировоззрения) автора с возможной идеей конкретного художественного произведения. Представляется спорным обращение автора главы, не являющегося медиком, к медицинской терминологии при анализе образа Лиды Волчаниновой («Дом с мезонином»), которая, «видимо, своей социальной активностью... компенсирует некое расстройство невротического происхождения...» [там же: 449]. Как и П.Н. Долженков, наиболее подробно и всесторонне Р.Б. Ахметшин анализирует чеховскую драматургию («Чайка», «Три сестры», «Вишневый сад»). Что касается анализа «Трех сестер», спорным нам представляется лишь утверждение, что в этой пьесе «добиваются цели только Наташа и Солёный» [там же: 483]: Солёный не получает и не может получить любовь Ирины, которая, видимо, была ему нужна. Относительно «Вишневого сада» мы не можем согласиться с утверждением автора главы, что «утрата ощущения реальности... делает героев сознающими, они извлекают из этого более или менее последовательные выводы» [там же: 490]. Всё, что делают действующие лица в финале комедии, на наш взгляд, является скорее реагированием на новые обстоятельства, чем сознательным, активным действием, поступком. После текста главы предложены темы рефератов, для каждой расписаны цель и рекомендуемый план и предложен небольшой список литературы. Завершает главу обширный (из 21 пункта) список рекомендуемой литературы, при этом каждая позиция снабжена авторской аннотацией. Текст, написанный Р.Б. Ахметшиным, предлагает школьникам действительно глубокое погружение в биографию и творчество А.П. Чехова, но и требует от тех уже обладать высоким уровнем культуры и интереса к литературе (и не только к ней).

На работы В.Б. Катаева, П.Н. Долженкова и Р.Б. Ахметшина откликнулась рецензией в «Чеховском вестнике» (2003, № 12), озаглавленной как

«Размышления провинциального педагога на полях столичных учебников», О.М. Скибина. Как и оговаривает автор статьи, этот текст действительно представляет собой не рецензию в строгом смысле (с подробным анализом достоинств и недостатков рецензируемых изданий), но именно размышление по поводу них. О.М. Скибина фиксирует отличие ситуации начала 2000-х гг. от ситуации 1990-х гг.: «Если десять лет назад перед нами стояла проблема: где взять новый учебник, то теперь мы в таком же раздумии: какой предпочесть?» [Скибина, 2003: 12]. Однако автора статьи, в первую очередь университетского преподавателя, интересуют не только учебные и методические пособия, но и – шире – практика преподавания творчества Чехова в вузе и в школе. Пытаясь ответить на вопрос «почему студенты не любят Чехова», О.М. Скибина отмечает, что Чехова «всю жизнь изучают на бегу» (имеется в виду нехватка академических часов и расположение темы «жизнь и творчество А.П. Чехова» в конце программы 10 класса/курса истории русской литературы 3-й трети/второй половины XIX века), из-за чего он остается «вроде бы классиком, но каким-то не совсем настоящим, под-конец семестровым» [там же: 13]; а в учебниках мы сталкиваемся с многочисленными штампами, клише: «...поиски давно искомой и обретенной формулы завершаются цитированием общеизвестного, а потому и правильного» [там же]. Затем автор статьи переходит к проблеме репрезентации жизни и творчества А.П. Чехова в учебной литературе и замечает, что наиболее острой проблемой для пишущих «остается проблема языка и методологии: как описать уже неоднократно описанное?...» [Скибина, 2003: 14]. О.М. Скибина отмечает устаревший язык учебников прежней эпохи, в которых Чехов «или маленький Толстой, или, напротив, великий и могучий – своего рода начальство, вот только рассказы писал небольшие. А все потому, что формулу придумал: «Краткость - сестра таланта»» [там же]. Автор статьи приводит из «неплохого, в общем, учебника В.И. Кулешова³⁷» цитаты, которые, как она отмечает,

³⁷ Кулешов В.И. История русской литературы XIX века: Учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 1997.

«коррозированы языковыми штампами, которые... не дают возможности увидеть и почувствовать Чехова» [там же]. Формулировки, приводимые автором статьи, косноязычны или наивны, и потому смешны: ««Чехов отдал дань развлекательной литературе»; «Какою же мыслью руководствовался Чехов, решив посетить Сахалин?»; «Отыскиваемая Чеховым общая идея вела к народу»; «Чехов решительно выступил против народнического преклонения перед мужиком»; «В Чайке много любви, т.е. показано, как заполонило это могучее чувство всех героев»; «Чехов не дожил до появления романа Горького «Мать»» и т.п.» [там же]. Другая проблема, которую поднимает О.М. Скибина – проблема доступности хороших учебников в провинциальных школах, вузах и библиотеках: так, хороший, по мнению автора статьи, учебник Н.Н. Скатова, раздел о Чехове в котором написан Г.А. Бялым (для второго издания переработан В.М. Марковичем), изданный «в смутное время» рубежа 1980-х–1990-х гг. «просто не дошел, по крайней мере, до провинции» [там же: 14–15]. Учебник, для которого главу о Чехове написал П.Н. Долженков, О.М. Скибина в целом оценивает высоко, однако отмечает, что, вероятно, в силу неясности адресата учебника, автор главы пошел по пути упрощения материала, «по проторенному пути пересказа чеховских произведений скучным языком, полным тех же стилистических штампов, что и у его предшественников» [Скибина, 2003: 15]. В основном критикуется стиль, в котором написана глава. Говоря о главе, написанной В.Б. Катаевым, О.М. Скибина особо отмечает полноту характеристики «периода многописания» (1884-1888), который в «старых учебниках» «либо не освещался, либо упоминался вскользь... и, в представлении студентов, Чехов «осколочный», написав «Степь», сразу становился Чеховым «области серьеза»» [Скибина, 2003: 17–18]. Также О.М. Скибина отмечает внимание В.Б. Катаева к сложной, но важной связи литературного творчества А.П. Чехова с его медицинским образованием и практикой [там же: 18]. Отмечает автор статьи и «столь малый тираж» и этого учебника, который «вновь не дойдет до провинциальных филологов и нефилологов» [там же]. Высоко оценивает О.М. Скибина главу, написанную Р.Б. Ахметшиным, отмечая лишь

«мелкие стилистические недочеты, относящиеся в большей степени к редакторской правке» и вновь сожалеет о труднодоступности новых учебников в силу небольшого тиража [там же: 19–20].

Как видим, в начале 2000-х гг. проблема создания такого описания жизни и творчества А.П. Чехова, которое было бы адекватно новому времени, в учебной литературе отчасти была решена – новые учебники, разного качества, появились, однако само их появление не могло радикально изменить практику преподавания.

В 2006 году коллективными усилиями ученых-чеховедов была организована первая (затем она станет проводиться регулярно) Летняя школа «Читаем Чехова» для учителей литературы. Занятия для 18 преподавателей городских и сельских школ провели чеховеды Р.Б. Ахметшин, Л.Е. Бушканец, Ю.В. Доманский, О.М. Скибина, а также известный московский педагог Л.И. Соболев. В статье в «Чеховском вестнике» (2006, № 19) И.Е. Гитович подробно описала этот первый опыт. Она начинает статью с утверждения, что к концу 20-го – началу 21-го вв. А.П. Чехов «выпал из круга активного чтения. Впрочем, не только он, но и вся русская классика XIX века» [Гитович, 2006: 117]. Как видим, частная тема – преподавание Чехова в школе – связывается здесь с более широкой темой существования классической русской литературы в общественном сознании современной России. Другая волнующая И.Е. Гитович тема – связь между научным (академическим) чеховедением и школьным: исследовательница задается вопросом, нужны ли школе – «и доходят ли до нее – те филологические истины, которые мы [ученые-чеховеды] по крупицам в меру сил своих добываем, или суждено нам оставаться чем-то вроде средневекового ордена?» [Гитович, 2006: 119]. Перед началом Летней школы учителей попросили заполнить ознакомительную анонимную анкету с вопросами, касающимися преподавания Чехова в школе. Как отмечает И.Е. Гитович, ответы были «выдержаны в стилистике клише учебных и методических пособий сорока-тридцатилетней давности» [там же: 120]. Это привело исследовательницу к

выводу о том, что учителей и учеников, «как правило, разделяет язык, который составляют имеющиеся у тех и других понятия и представления. Он [язык] у них [учителей и учеников] разный» [там же: 122]. Разным оказался и язык школьных учителей и ученых-чеховедов: как пишет автор статьи, учителя ждали «методических образцов, которые можно без особых усилий перенести в свой класс», чеховеды рассчитывали на «готовность слушателей к профессиональному диалогу и хотя бы некоторую общность профессионального языка» [там же: 126]. Ожидания сторон поначалу не оправдались. Тем не менее Летняя школа была проведена, а после нее И.Е. Гитович собрала и представила в статье обратную связь от лекторов (жаль, что не была собрана и представлена обратная связь от участников-педагогов). Лейтмотивы этих отзывов, если их обобщить, таковы: 1) ситуация с преподаванием творчества Чехова (и шире – литературы) в школе напрямую связано с «культурным состоянием», культурным уровнем общества, и решение частной проблемы возможно лишь при решении проблемы общей; 2) между научным чеховедением и изучением жизни и творчества Чехова в школе существует значительный разрыв, сокращение которого, опять же, возможно только в случае повышения общего уровня школьного образования, а также усиления в обществе запроса на научную картину мира (в т.ч. литературы).

В 2015 году была проведена уже пятая Летняя школа «Читаем Чехова», в том же году в «Чеховском вестнике» (№ 31) была опубликована статья о ней Л.Е. Бушканец. Многие тезисы статьи повторяют то, что уже высказывалось ранее О.М. Скибиной и И.Е. Гитович: нехватка времени на изучение творчества А.П. Чехова, распространенность среди учителей штампов и даже мифов о писателе. Любопытно замечание автора статьи о том, что творчество Чехова, «кажется, не соответствует задачам школьного литературного образования, которое неизбежно строится на нормативных нравственных и эстетических представлениях, нуждается в удобных для слова учителя, для сочинений и экзаменов формулировках» [Бушканец, 2015: 92]. (Имеется в виду отсутствие в

чеховских произведениях явной дидактики и явно выраженной авторской оценки описанного). Вновь возникает и тема разрыва между академическим и школьным чеховедением: литературоведение «резко ушло вперед от того, каким оно было в своем массовом варианте еще несколько десятилетий назад», чеховедение «стало кардинально разрушать слащавые или социологизированные, упрощенные представления о писателе. А «ермиловщина» возрождается сама по себе в школе, как феникс из пепла!» [там же: 93]. Заканчивается статья призывом: «...как литературоведение не должно существовать без школы – иначе наши открытия нужны только нам самим – так и школьный предмет не должен развиваться без движения современной мысли о литературе, без свежих открытий, наконец» [там же: 95].

В 2018 году в последнем сборнике статей И.Е. Гитович «Итог как новые проблемы. Статьи и рецензии разных лет об А.П. Чехове, его времени, окружении и чеховедении» была опубликована ее статья «О проблемах чтения и «школьной литературе»», ставшая итоговым высказыванием исследовательницы на эту тему. И.Е. Гитович начинает с утверждения, уже высказывавшегося ранее и ей, и другими участниками дискуссии, о том, что «школьный Чехов, как и школьный Пушкин и школьный Булгаков, – это лишь часть общего вопроса о том, что должно делать в школе с литературой» [Гитович, 2018: 359]. На наш взгляд, это можно считать промежуточным итогом дискуссии о Чехове в постсоветской школе и постсоветских вузах. Снова подчеркивается важнейшая роль языкового (культурного) фактора в этой проблеме: современный ребенок «с младенчества вброшен в *принципиально другой язык*, чем тот, который был привычен для старших. <...> к чтению классики сегодняшний школьник приходит с совершенно *другим* чувственным опытом, чем прежде... с опытом других игр, с *другим* словарем... <...> между ним [сегодняшним школьником] и классикой, которую он должен изучать в школе, стоит главная преграда – *разность языков*. <...> Вот с чего надо начинать любой разговор о судьбе школьной литературы. О том, как эту разность языков пытаться преодолеть,

необходимо всерьез думать каждому учителю. Вряд ли тут способны помочь методические пособия, на которые его ориентируют» [Гитович, 2018: 362–363]. Как кажется, в конце 2010-х гг. эта проблема стала ощущаться как еще более острая, чем в начале и середине 2000-х. Широкое распространение интернета в конце 2000-х – 2010-е гг. усилило межпоколенческий культурный (в частности языковой) разрыв. Мгновенная доступность практически любой информации и унификация образовательных программ (введение ФГОС и единых рабочих программ по литературе) привели к тому, что «живя как будто бы в свободном мире, сегодняшний среднестатистический школьник за школьные годы не только не успевает дорасти до *своих* вопросов, но отучается вообще их задавать. Зато школа и окружающая жизнь приучают его к *чужим* ответам на *чужие* вопросы» [Гитович, 2018: 362]. Вновь высказывается суждение, что «учителю-словеснику прежде всего нужно честно отрефлексировать собственный читательский опыт и грамотно задействовать эту рефлекссию в личных методических стратегиях», поскольку проблема школьной литературы – это «проблема не только ученика, не желающего ее изучать, но и учителя, забывшего или тоже не знающего, как ее читать» [там же: 364]. И вновь звучит уже имевший место ранее вывод о том, что ситуация лишь тогда «изменится, когда поднимется общая культура общества» [Гитович, 2018: 370]. Возможный путь выхода (хотя бы частичного) из кризиса И.Е. Гитович видит в преподавании русского языка и литературы не изолированно друг от друга, как два самостоятельных предмета, а в рамках единого курса русской словесности.

Начавшаяся в «Чеховском вестнике» в начале 2000-х гг. активная дискуссия о проблеме преподавания творчества А.П. Чехова в постсоветской школе и постсоветских вузах показывает, что с изменением социокультурной ситуации с рубежа 1990-х–2000-х по конец 2010-х гг. менялись и те вызовы, на которые пыталось ответить в том числе сообщество ученых-чеховедов. В начале 2000-х гг. появление новых учебников (не во всем совершенных, но всё же в целом выполнявших задачу создания адекватного времени представления жизни и

творчества А.П. Чехова) в то же время сопровождалось проблемой их труднодоступности, особенно в провинции; широкое распространение интернета к концу 2000-х – началу 2010-х гг. отчасти решило эту проблему, однако создало новую: на смену недоступности качественной информации в качестве главной проблемы пришло снижение уровня культуры чтения и критического мышления у школьников/студентов и, зачастую, у учителей/преподавателей. Снижение общего культурного уровня приводит к усилению разрыва между академическим литературоведением и школьной практикой и усилением межпоколенческого культурного разрыва, попытки ученых-чеховедов влиять на школьное изучение Чехова и вообще русской литературы сталкиваются с проблемой непопулярности, невостребованности научного гуманитарного знания в обществе.

2.2.3. Эссе Дж. Фридмана «Back Off Chekhov!»: контекст публикации русскоязычного перевода и его рецепции.

В 2001 году в 1 номере 10 тома Бюллетеня Североамериканского Чеховского общества (North American Chekhov Society Bulletin, Vol. X, No. 1 (Winter 2001–02): 2–6) было опубликовано эссе американского театрального критика Дж. Фридмана, жившего тогда в Москве и писавшего преимущественно о российской театральной жизни. Эссе называлось “Back Off Chekhov!”. В № 11 информационно-библиографического издания «Чеховский вестник» был опубликован выполненный Татьяной Аленкиной русский перевод текста Дж. Фридмана под заглавием «Довольно Чехова!».

В эссе можно выделить два основных тезиса. Во-первых, из-за обилия постановок чеховских пьес почти все значимые спектакли последних лет «на одно лицо» и вызывают у критика лишь скуку [Фридман, 2002: 36] (здесь и далее цитируем русский перевод, который, в целом, точен; о двух особых

обстоятельствах, связанных с переводом, мы скажем дальше – А.Д.). По Дж. Фридману, Чехов «перестал быть драматургом, а вместо этого стал чем-то вроде «лакмусовой бумажки»», к чьим пьесам обращаются лишь для «удовлетворения личных амбиций и в качестве соблюдения своего рода ритуала» [там же: 40]. Во-вторых, сами чеховские тексты с точки зрения современного восприятия (с учетом последующей драматургии) уже не так хороши, как казалось когда-то, «фруктовый плод чеховских пьес уже отдал практически весь сок, который он мог дать» [там же: 37]. Критик задается вопросом, «а действительно ли Чехов заслуживает того внимания, которое мы ему уделяем, или мы загнаны в порочный круг обожествления писателя, которого мы всегда обожествляли, потому что мы уверены в том, что мы должны ему поклоняться?!» [там же: 41]. По Дж. Фридману, драматургия Чехова, возможно, устарела и не соответствует потребностям современного зрителя.

Эти тезисы, особенно второй, оказались «чувствительными» для российского театрального сообщества и заинтересовали представителей академического чеховедения. В №№ 11–12 «Чеховского вестника» был представлен заочный «круглый стол», посвященный обсуждению эссе. Участие в дискуссии приняли постоянные авторы «Чеховского вестника»: Т.К. Шах-Азизова (рассказывает о новых постановках и настаивает, что пьесы Чехова «ставят просто потому, что иначе не могут» [Шах-Азизова, 2002: 46]); В.Б. Катаев (тоже не всегда доволен постановками чеховских пьес, напоминает о влиянии коммерческих соображений на режиссеров; видит причину упадка режиссуры чеховских спектаклей не в исчерпанности материала, а в недостатке художественных средств для раскрытия первоисточника); режиссер В. Гульченко (считает, что Дж. Фридман «совершенно справедливо восстал... против унылых постановок чеховских пьес» [Гульченко, 2002: 54], но что вина лежит не на самом драматурге; Дж. Фридман, по мнению В. Гульченко, слишком мало внимания уделяет поэтике чеховских пьес, судит о них лишь по отдельным деталям и вырванным из контекста отдельным репликам); режиссер

М. Розовский (эмоционально спорит с критикой в адрес Чехова, определяет эссе Дж. Фридмана как «свидетельство слепоты и глухоты зрителя, у которого зарябило и застучало в глазах и ушах» [Розовский, 2002: 52]; отстаивает необходимость новых постановок чеховских пьес, считая, что эссе Дж. Фридмана «целенаправленно бьет по театру» и потому является «античеховским» [там же: 53–54]); И.Е. Гитович (не считает эссе провокативным, сочувствует сомнениям Дж. Фридмана, тоже говорит о скуке от постановок Чехова последних лет; считает саму постановку вопроса об актуальности Чехова для современного зрителя и читателя вполне легитимной, а размышление над этим вопросом – необходимым). Также откликнулись театральный режиссер Б. Гранатов (говорит о важности постановок чеховских пьес в провинции, для неискушенного зрителя; объясняет тягу режиссеров к Чехову, на собственном примере, личной, внутренней потребностью) и студенты МГУ, участники чеховского семинара В.Б. Катаева – Л. Азарина (согласна с тем, что приостановка или сокращение количества постановок Чехова может способствовать лучшему восприятию чеховской драматургии в будущем; считает, что по-настоящему оценить чеховские пьесы можно лишь при чтении), Э. Орлов (впоследствии тоже постоянный автор «Чеховского вестника»; не согласен с тем, что проблема чеховских спектаклей – в самих пьесах: «...вопрос поставлен неверно. Довольно дилетантизма (но не Чехова!) в искусстве» [Азарина, Орлов, Ушакова, 2002: 61]; видит выход в лучшем знакомстве режиссера и зрителя с эпохой, историческим и бытовым контекстом; против адаптаций, поскольку они дадут представления уже о другой эпохе, не имеющей прямого отношения к первоисточнику) и Е. Ушакова (считает ключевым для Дж. Фридмана тезис о необходимости сокращений и адаптаций чеховских пьес, выступает против этого, полагая, что непрофессиональный зритель, в отличие от театрального критика, уставшего от рутины и желающего радикальных новшеств, в этом не нуждается).

Подробный пересказ русского перевода эссе Дж. Фридмана и «круглого стола» в «Чеховском вестнике» представляет собой статья Н.В. Гавриловой «Эссе Д. Фридмана или о пьесах А.П. Чехова в современном театре», опубликованная в журнале «Litera» [Гаврилова, 2018]. Н.В. Гаврилова сама вступает в полемику, отстаивая позицию тех, у кого текст Дж. Фридмана вызвал антипатию. Мы считаем необходимым не высказаться о правоте или неправоте Дж. Фридмана или его оппонентов, но попытаться ответить на вопросы: почему текст критика вызвал такое количество, подчас весьма эмоциональных, откликов; было ли в нем или в контексте его публикации что-то действительно провокативное; какие последствия имели это эссе и полемика вокруг него для постановок чеховских пьес и для новейшего чеховедения.

В первую очередь необходимо прояснить контекст публикации перевода Т. Аленькиной в «Чеховском вестнике». Дж. Фридман как минимум дважды высказался по поводу публикации этого текста и по поводу всего, что последовало за ней. 16 ноября 2009 года была напечатана его статья “Turning Our Backs on Anton Chekhov”; в 2017 году на персональном сайте журналиста (<https://johnfreedmanarchive.wordpress.com/>) этот текст был опубликован с небольшим предисловием, в котором критик пишет о том, как долгие годы, не зная того, вел войну с «чеховской полицией» (‘Chekhov police’; перевод материалов с сайта Фридмана здесь и далее наш – А.Д.) [Freedman, 2017]. Эссе “Back Off Chekhov!”, по оценке Дж. Фридмана, почти сделало его «врагом номер один для российских чеховедов» [там же]. В статье 2009 года критик сообщает, что написал эссе по просьбе редактора Бюллетеня Североамериканского Чеховского общества Ральфа Линдхайма. Эссе задумывалось как полемичное (‘polemical’) и смешное (‘humorous’), для чего и было выбрано название “Back Off Chekhov!”, которое, не прибегая к обценной лексике, можно перевести как «Отвалите от Чехова!». То есть смысл заглавия не в том, что Чехов больше не нужен (как в русском варианте «Довольно Чехова!»), а в том, чтобы его перестали использовать как «лакмусовую бумажку» [Freedman, 2017].

Журналист сообщает, что он не знал о том, что в России появился перевод его эссе (предназначавшегося в первую очередь для читателей из США); если верить критику, то ни к нему, ни к Ральфу Линдхайму не обратились с просьбой о публикации перевода [там же]. Дж. Фридман стал «нерукопожатным» среди части чеховедов: журналист приводит короткий и не слишком дружелюбный обмен репликами с, по его словам, годами не разговаривавшей с ним Т.К. Шах-Азизовой, инициатором «круглого стола» в «Чеховском вестнике» [там же].

5 октября 2018 года Дж. Фридман опубликовал на своем персональном сайте оригинальный текст эссе, сопроводив публикацию еще одним небольшим предисловием. В предваряющем эссе тексте автор отмечает, что добавить к сказанному 17 годами ранее ему нечего, эссе журналист называет «одним из своих ключевых высказываний на тему искусства, театра и Чехова» [Freedman, 2018]. Вместе с тем задачей эссе, по Дж. Фридману, было «позабавить, развлечь» ('to amuse') читателя «и ничего более» [там же]. Объектом критики должны были стать неудачные и чересчур многочисленные постановки пьес Чехова. Название, сообщает критик, должно было отсылать англоязычного читателя к известному лозунгу А.В. Луначарского «Назад к Островскому!», иронично этот лозунг переосмысляя в связи с чеховскими пьесами (Луначарский призывал драматургов и театральных режиссеров учиться у классика (А.Н. Островского), Дж. Фридман, напротив, просит от классика (А.П. Чехова) «отстать»). Автор вновь рассказывает, что не знал о появлении перевода своего эссе на русский язык. Текст, предполагавшийся к публикации в совсем ином контексте, написанный для иного читателя, попав, без ведома автора и без возможности для автора что-либо в тексте изменить, в пространство внимания российских деятелей театра и литературоведов, спровоцировал оживленную дискуссию и получил репутацию «скандального». Но было ли в самом тексте достаточно «материала» для скандала? Было ли эссе действительно провокативным?

Поместим эссе Дж. Фридмана в культурно-театральный контекст того времени, для чего обратимся к рецензиям других авторов на упомянутые

Дж. Фридманом постановки: это «Дядя Ваня» П. Штайна («Театро ди Рома» и «Театро стабиле ди Парма», 1996), «Иванов» Дж. Кента (театр «Алмейда», 1997), «Иванов» П. Лебла (театр «На Забрадли», 1998), «Чайка» Л. Бонди («Бургтеатр» и «Академиетеатр», 2000-2001), «Чайка» Л. Додина (Малый драматический театр – Театр Европы, 2001), «Чайка» А. Жолдака (Государственный театр наций, 2001). Рецензии публиковались в таких изданиях, как «Независимая газета», «Коммерсантъ», «Культура», «Известия» и др. Также рецензии на большую часть этих постановок выходили и в «Чеховском вестнике». Рассмотрим эти тексты на предмет наличия в них тезисов либо созвучных мыслям Дж. Фридмана, либо противоположных им.

Среди газетных рецензий преобладают те, в которых автор оценивает постановку в целом положительно: это, например, статьи Р. Должанского «Английский пациент сыграл русского самоубийцу» (об «Иванове» Дж. Кента; «Коммерсантъ», 30.04.1997, № 63 (1245)), «Уставшая «Чайка» ожила в Вене» (о «Чайке» Л. Бонди; «Коммерсантъ», 08.07.2000, № 123 (2008)) и «Лев Додин выпустил «Чайку» в Москве» («Коммерсантъ», 15.06.2001, № 102 (2232)); отзыв А. Шалашовой «А вас, Бонди, я попрошу остаться...» (о «Чайке» Л. Бонди; «Независимая газета», 30.06.2001); отклик Ю. Яковлевой ««Чайка» на колесах» (о «Чайке» Л. Додина; «Коммерсантъ», 18.09.2001, №169 (2299)). Кажется, что численный перевес благосклонных рецензий над критическими говорит в пользу провокативности эссе Дж. Фридмана на общем фоне; однако, даже в положительных откликах обнаруживаются тезисы, созвучные положениям американского журналиста. Так, Р. Должанский в рецензии на «Чайку» Л. Бонди применяет к пьесе термин из технических наук – «усталость металла»: «...внешне с изделием ничего не происходит, а внутренняя структура постепенно становится хрупкой»; как считает автор рецензии, «Чайка», «во всяком случае для русского театрального сознания, – уставший текст» [Должанский, 2000]. Ю. Яковлева в своей, в целом положительной, рецензии на «Чайку» Л. Додина определяет «Чайку» как пьесу, «на смерть заигранную»

[Яковлева, 2001]. В статье тоже о «Чайке» Л. Додина Р. Должанский упоминает «заразные банальности чеховского театра» [Должанский, 2001]. Как видим, приведенные суждения Р. Должанского и Ю. Яковлевой близки положениям Дж. Фридмана.

Ближе всего к «Back Off Chekhov!» рецензия А. Филиппова на «Чайку» Л. Бонди: по мнению рецензента, режиссер «изобретательно и тонко придумал спектакль: тот был отлично сочинен – и все же не ожил... <...> "Чайка" скучна...» [Филиппов, 2001]. Филиппов пишет о том, как часто в это время ставится «Чайка» и, как и его американский коллега, замечает, что постановка этого текста «в чем-то сродни ритуалу: интеллигентные люди знают реплики наизусть, история театра предлагает огромный выбор интерпретаций, мотивировок и постановочных ходов» [Филиппов, 2001]. Как и Дж. Фридман, А. Филиппов призывает режиссеров «взламывать традицию, предлагая что-то совершенно новое» [там же], и, как и Фридман, выделяет с этой точки зрения постановку А. Жолдака.

Как видим, на фоне театральных откликов, публиковавшихся в газетах, эссе Дж. Фридмана перестает казаться таким уж провокативным и даже слишком оригинальным: схожие фридмановские мысли по поводу тех же постановок звучали в прессе тех лет, американский журналист не был одинок в своих сомнениях.

Почему же именно эссе Дж. Фридмана (точнее, его русский перевод) вызвало столь сильную реакцию в рамках «круглого стола» в «Чеховском вестнике»? Ответить на этот вопрос поможет анализ рецензий на те же спектакли, помещавшихся в «Театральной панораме» информационно-библиографического издания.

Т.К. Шах-Азизова в статье «Концы и начала: К столетию «Чайки»» (1997, № 1) определяет 1990-е годы как «время «Чаяк»» [Шах-Азизова, 1997: 31], а затем высказывает мысли, во многом созвучные тезисам Дж. Фридмана:

театровед пишет о том, что режиссура XX века к концу столетия «стала проявлять признаки то ли усталости, то ли изжитости в своих прежних формах и правах, то ли перехода в новое неведомое новое качество»; среди причин этого Т.К. Шах-Азизова называет «уход мощных лидеров», «повальный дилетантизм», «то, что сильные молодые умы предпочитают театру иные сферы»; однако, по мнению театроведа, «дело... в чем-то еще. В чем – пока непонятно...» [там же: 32]. Как видим, и Т.К. Шах-Азизова говорит о кризисе – кризисе не только чеховских постановок, но театральной режиссуры вообще. В этом они с американским журналистом сходятся.

Что касается помещенных в «Чеховском вестнике» рецензий на конкретные спектакли (Т.К. Шах-Азизова упоминает «Чайку» Петера Лебла, о которой отзывается нейтрально или сдержанно-положительно), среди которых отклик В. Гульченко на «Иванова» в постановке Дж. Кента (1997, № 1), его же отзыв на «Дядю Ваню» П. Штайна (1997, № 1) и его же отклик на «Чайку» Л. Бонди (2001, № 9), рецензия Т.К. Шах-Азизовой на «Иванова» в постановке П. Лебла (1998, № 3) и отзыв Н. Исмаиловой на «Чайку» Л. Додина (2001, №9), все эти рецензии объединяет общее свойство, которое и подводит нас к объяснению того, почему эссе Дж. Фридмана было принято в «Чеховском вестнике» именно так, а не иначе. Если в рецензиях, печатавшихся в «Коммерсанте», «Независимой газете», «Культуре» и т.д. всегда или почти всегда присутствует субъективная оценка критиком спектакля, о котором он или она пишет (положительная, отрицательная или смешанная), то в текстах, помещенных в «Театральной панораме» «Чеховского вестника», субъективная оценка спектакля в целом отсутствует: авторы делятся своими наблюдениями, выделяют те или иные аспекты постановки, но избегают выражения личного отношения к спектаклю. Можно сказать иначе: отношение рецензентов «Чеховского вестника» к рецензируемым постановкам всегда нейтральное или сдержанно-положительное: критических замечаний ни в одной из приведенных выше статей мы не обнаруживаем.

Театральные рецензии тех же лет, печатавшиеся в специализированном журнале «Театр», близки к тому, что мы видим в «Чеховском вестнике»: в них хотя и в большей степени выражено личное отношение пишущего о постановке, преобладает всё же «объективное» перечисление различных особенностей спектакля.³⁸ Возможно, дело в том, что «Театр» и особенно «Чеховский вестник» осознавались их издателями и редакторами как издания, рассчитанные на людей, уже увлеченных театром, искусством, культурой (в случае с «Чеховским вестником» – в первую очередь на ученых-литературоведов), то есть на людей, убедить которых в необходимости посмотреть тот или иной спектакль можно, рассказав об особых деталях, нюансах постановки; театральные рецензии в «Коммерсанте» или «Независимой газете» рассчитаны на неспециалиста, который доверяет изданию в целом и хочет узнать от обозревателя, «хороший спектакль или нет», «идти или не идти».

“Back Off Chekhov!” наиболее ярко выразило то недовольство постановками чеховских пьес, ту усталость от самого факта бесчисленности, регулярности этих постановок, которая иногда звучала и в газетах того времени. Мы думаем, что именно отчетливость, выраженность фридмановского неприятия тогдашних спектаклей по пьесам Чехова и в целом факта многочисленности и «ритуальности» этих постановок вызвали, в свою очередь, неприятие со стороны театрального сообщества. Среди рецензентов «Чеховского вестника» не принято было в отзыве на спектакль отчетливо выражать свое личное, субъективное отношение к постановке; в основе же текста Дж. Фридмана – его личная скука от увиденного и попытки путем анализа определить причины скуки. Таким образом, эта полемика, на наш взгляд, в своей основе «стилистическая», «жанровая». Она заставляет задуматься о том, каково место субъективного, личного отношения в театральной (и другой) критике; или,

³⁸ См., например: *Должанский Р.* Дуэль на чеховском поле // *Театр.* 2001, № 1. С. 98–100; *Соловьева И.* Анадиемена. «Дама с собачкой» по А.П. Чехову. МТЮЗ // *Театр.* 2002, № 1. С. 6–9.

иначе, должны ли театральные (и иные) рецензии быть аналитическими, «бесстрастными», излагать «суть дела» или же их задача – делиться с читателем определенной оценкой, взглядом. Чеховедение как отрасль литературоведения и театроведения, будучи наукой, стремится к объективности, однако не может игнорировать и субъективные формы высказывания о своем объекте (такие, как критическое эссе) и в то же время, осмысляя эти высказывания, должно оставаться наукой и учитывать контекст и жанр данного высказывания.

Повлияло ли эссе Джона Фридмана на театральную судьбу чеховских пьес? Вслед за особой популярностью «Чайки» в 1990-е гг. последовала волна постановок другой чеховской пьесы, «Дяди Вани», в следующем десятилетии: постановки Л. Додина (Малый драматический театр — Театр Европы, 2003), М. Карбаускиса (Театр-студия под руководством О. Табакова, 2004), Ю. Погребничко (Театр «Около дома Станиславского», 2005), Р. Туминаса (Театр им. Евг. Вахтангова, 2009), А. Кончаловского (Театр имени Моссовета, 2009) и др. В этом смысле, если эссе и было «провокативным», провокация не удалась. Тем не менее журналисту удалось побудить театральное и академическое сообщества к дискуссии, в ходе которой были высказаны оригинальные суждения о специфике чеховской драматургии, о природе чеховского творчества, стимулировавшие развитие чеховедения на рубеже XX-XXI вв.

2.2.4. Проблематизация интертекстуальных исследований Чехова на страницах информационно-библиографического издания «Чеховский вестник» (1990-е–2010-е гг.)

Интертекстуальные исследования – неотъемлемая часть современной науки о литературе. Это справедливо и для новейшего чеховедения как части литературоведения. Однако при всей популярности интертекстуальных штудий, методологическая и теоретическая база таких исследований остается не проясненной до конца, подчас предстает весьма произвольной, на что указывал,

например, М.Л. Гаспаров [Гаспаров, 2002: 3] и что отмечают современные теоретики интертекстуальности [Фатеева, 2000: 4, 16; Ревзина, 2001: 60; Culler, 2002: 109; Колькольцева, Москвин et al, 2015: 5, 17, 280]. В связи с этим исследователи творчества А.П. Чехова не только занимаются конкретными интертекстуальными сопоставлениями («Чехов и Пушкин», «Чехов и Островский», «Чехов и Библия» и т.д.), но и включаются в «общелитературоведческую» дискуссию о теоретических основаниях и методологии подобных штудий.

Теоретические и методологические аспекты интертекстуальных исследований занимают важное место в нескольких статьях одного из ведущих современных чеховедов – А.Д. Степанова. Наиболее значимой с интересующей нас точки зрения работой является статья «Чехов и Баранцевич: к вопросу о критериях интертекста» [Степанов, 2019]. Автор размышляет о сложности определения критериев интертекста, приводящей к «возможности исследовательского произвола — «вчитывания» одного текста в другой» [там же: 97]. Как отмечает исследователь, «в условиях кризиса интерпретации, когда не существует ни авторитетной идеологии, ни господствующей научной школы... толкование уступает место созданию бесконечных списков параллельных мест между самыми разнородными произведениями», что приводит к «парадоксальной ситуации»: «...ни одна статья не обходится без интертекстуальных параллелей, однако не существует общепринятого представления о границах «истинной» интертекстуальности и произвольного «вчитывания»» [Степанов, 2019: 97]. В связи с этим А.Д. Степанов предпринимает собственную попытку выделить «ряд необходимых и достаточных для интертекстуального анализа условий»: это критерии как ««внешние», биографические и историко-литературные», так и «внутренние» [там же: 98–100]. Опираясь на сформулированные критерии, исследователь убедительно устанавливает интертекстуальную связь между рассказом К.С. Баранцевича, старшего чеховского современника, «Котел» (1888) и

рассказом А.П. Чехова «Супруга» (1895): кроме «внешних» факторов, на «внутреннем» уровне «сходству основных актантов и предикатов аккомпанирует множество совпадающих деталей — обстоятельств места и времени, атрибутов, характеристик и «случайных» подробностей. <...> Второстепенные персонажи совпадают и по функциям в сюжете, и по личным качествам» [там же: 101–102]. Подводя итог своим размышлениям, А.Д. Степанов отмечает, что «многие чеховские тексты можно рассматривать как диалог с его современниками — совершенно забытыми ныне авторами... Однако при осуществлении этой работы важно, во-первых, указывать на фактические доказательства знакомства писателя с теми или иными текстами, а не расширять бесконечно условную книжную полку того, что «мог знать Чехов», и не вчитывать в его тексты выдуманные «архетипы» и «вечные образы», а во-вторых, важно иметь четкие «внутренние» критерии и маркеры, позволяющие говорить об интертекстуальности» [там же: 103]. Таким образом, статья, посвященная вроде бы довольно частной проблеме – интертекстуальным связям одного чеховского рассказа с одним рассказом его мало сейчас известного современника, включается в важнейшую «общелитературоведческую» теоретико-методологическую дискуссию.

Как суждения теоретико-методологического характера, так и оценки конкретных интертекстуальных исследований («Чехов и...») широко представлены в публикациях информационно-библиографического издания «Чеховский вестник».

Развернутые соображения теоретико-методологического характера содержатся в рецензии В.С. Зайцева на сборник статей С.А. Кибальника «Чехов и русская классика: проблемы интертекста» (2015). Рецензент характеризует книгу как «образец... широкого подхода к проблеме интертекста», при котором признаками интертекстуальности признаются не только «явные отсылки и крупные текстовые вкрапления», но и «вставки любого объема и характера», интерпретируемые как «переклички, аллюзии и т.п.» [Зайцев, 2017: 33–34]. Так,

С.А. Кибальник, ссылаясь на Р.Г. Назирова, обращается к термину «криптопародия» (пародия, «в которой объект осмеяния непосредственно не указывается» [Назирова, 2005: 159]) и рассматривает «Попрыгунью» Чехова в качестве криптопародии «Мадам Бовари» Флобера. По справедливому замечанию В.С. Зайцева, «вооружившись подобным методом, можно добиваться нужных выводов, подходя с любого фланга к любому автору и произведению» [Зайцев, 2017: 37–38]; если «криптопародия» предполагает отсутствие указания на объект осмеяния, то любое произведение можно считать криптопародией на любое другое, любой текст можно сопоставлять с любым другим, – но тогда стирается различие между совпадением и действительной интертекстуальной связью, между типологической и генетической связью между двумя произведениями. Важность этого разграничения отмечает также С.В. Тихомиров в рецензии на сборник «Чехов и Достоевский. По материалам Четвертых международных Скафтымовских чтений...» (2017). Как показывает рецензент, во многих случаях «нахождения» интертекстуальных связей между Достоевским и Чеховым имеет место «типичная методологическая ошибка, основанная на ложном умозаключении: *post hoc, ergo propter hoc* (после этого, следовательно, вследствие этого)» [Тихомиров, 2018: 21]. По справедливому замечанию С.В. Тихомирова, «невозможно однозначно доказать влияние одного текста на другой, исходя из того, что они чем-то похожи... ибо куда естественнее объяснить уловленное сходство тем, что оно предопределено зависимостью обоих текстов от культурно-жизненного мира, который тоже ведь преисполнен готовыми, самодостаточными и завершенными в себе структурами...» [Тихомиров, 2018: 21]. Стремление непременно выявить (утвердить) сходство двух авторов нередко приводит к тому, что отдельные произведения каждого из них рассматриваются «вне контекста их [обоих писателей] творчества, вне современного им литературного контекста», как это происходит, например, в книге М.Г. Литавриной «От серебряного века – к русскому зарубежью. Чехов & Набоков. Драматургия: учебное пособие для студентов театральных вузов» (2018), что отмечает в своей рецензии Н.Г. Мельников [Мельников, 2019: 51].

Нечто похожее отмечает С.В. Тихомиров в рецензии на издание «А.П. Чехов и И.С. Тургенев. Сборник статей по материалам Международной научной конференции Шестые Скафтымовские чтения...» (2020) в связи с анализом таинственного, мистического в рассказе «Страхи», выполненным Д. Золтан. Исследовательница рассматривает чеховский рассказ с позиций, близких философии экзистенциализма, игнорируя позитивистскую основу как чеховского мировоззрения в целом [Долженков, 2003], так и этого рассказа. В «Страхах», как справедливо замечает рецензент, «ни к каким трансцендентным смыслам испытывающий страх человек... не выходит...» [Тихомиров, 2021b: 18]. Соответственно, неубедительным оказывается и сопоставление чеховских «Страхов» с тургеневской «таинственной повестью» «Собака».

В то же время при соблюдении научной строгости исследования чеховского интертекста действительно углубляют, уточняют наше понимание специфики поэтики Чехова. Примером такого рода работы может служить монография А.Г. Головачевой «А.П. Чехов, театр и «симпатичные драматурги»» (2020). Рецензент В. Савельева, комментируя выполненный автором сопоставительный анализ пьесы Е.П. Карпова «Жрица искусства (Свободная художница)» и «Чайки» А.П. Чехова, замечает, что «детальный сопоставительный анализ двух неравных в художественном смысле текстов очень перспективен для выявления театрального фона и той революции, которую совершила чеховская драматургия» [Савельева, 2021: 11]. В. Савельева также отмечает выполненный А.Г. Головачевой анализ «Трех сестер» «на широком фоне массовой драматургии» (например, сопоставление конфликта в «Трех сестрах» и в драме И.В. Шпагинского «Темная сила»); по мнению рецензента, «именно сравнительный анализ дает возможность подчеркнуть художественную новизну чеховского видения вечных тем и типических образов» [там же: 11–12]. Высоко («большой шаг вперед в изучении Чехова») оценивает монографию и другой рецензент, А.Д. Степанов, отмечающий как достоинство работы то, что она «написана в духе самого объективного из литературоведческих направлений,

исторической поэтики» и учитывает методологические достижения ее основателя, А.Н. Веселовского [Степанов, 2021b: 47].

Как видим, теоретико-методологические аспекты интертекстуальных исследований активно проблематизируются авторами «Чеховского вестника», что является вкладом в «общелитературоведческую» разработку этой темы. Однако обратимся теперь к тому, как «Чеховский вестник» проблематизирует конкретные сопоставления чеховских текстов с другими.

В 1990-е–2000-е гг. весьма востребованной темой в чеховедении (не только отечественном) становится тема библейского интертекста в художественных сочинениях А.П. Чехова [Собенников, 1997; De Sherbinin, 1997; Swift, 2004]. Так, Н.В. Капустин в рецензии на монографию А.С. Собенникова «Между «есть Бог» и «нет Бога...». (О религиозно-философских традициях в творчестве А.П. Чехова)» (1997) отмечает популярность этой темы («моду» на нее) в чеховедении конца 1990-х гг., которое «наряду с серьёзными трудами изобилует скороспелыми сочинениями, дискредитирующими саму постановку вопроса о связях русских писателей с христианством»; также рецензент, не называя имен, упоминает «тех, кто с необыкновенной легкостью находит Логос у самых разных авторов, в том числе и у Чехова...» и выступает против «бездумной «христианизации» русских классиков [Капустин, 1997: 12]. Работу же А.С. Собенникова Н.В. Капустин оценивает в целом высоко, отмечая, что она «наглядно демонстрирует близость чеховской аксиологии к христианским представлениям и ценностям и в то же время ее несводимость к христианскому мировидению» и в ней «убедительно доказано, что в светских формах жизни чеховских героев оживают христианские архетипы (праведник, грешник, святой, блудница, аскет)» [там же: 13]. Считая «очень важной и в принципе очень интересной» мысль А.С. Собенникова о том, что чеховская «философия человека» происходит от христианского универсализма, рецензент замечает, что «христианский персонализм Н.А. Бердяева или Ф.М. Достоевского, с которыми в данном случае сближает Чехова А.С. Собенников, именно *христианский*

персонализм, исходящий из того, что центром мироздания является Бог. Чехов же если и не отрицал, то, по крайней мере, и не утверждал этого, следуя традициям гуманизма и ставя в центр мира не Бога, а человека» [там же: 14]. Рассказ «Архиерей» Н.В. Капустин считает «полемикой с краеугольной основой христианства – его онтологией, позволяющей дать ответы на «самые важные» вопросы»; по мнению рецензента, в «Архиерее» Чехов, «в известной мере, идеализирует человека, не нашедшего фундаментальной истины» [там же]. Рецензент не согласен с автором монографии в том, что «адогматизм» Чехова восходит к «противоречиям Священного Писания», поскольку «нельзя забывать, что в Библии есть непререкаемый авторитет» [там же]. По мнению Н.В. Капустина, «адогматизм» Чехова – «скорее следствие его представления о сложности жизни, о том, что «никто не знает настоящей правды» (отметим, что здесь рецензент приписывает А.П. Чехову мысль его персонажа, фон Корена («Дуэль») – *А.Д.*). Философские же истоки такого взгляда могут восходить и к Сократу, и к своеобразно понятному Чеховым Екклесиасту, и к христианскому апофатизму Дионисия Ареопагита и его последователей. Но безоговорочно отдавать предпочтение чему-либо одному из большого числа возможных источников достаточных оснований нет» [Капустин, 1997: 14–15]. Спорит рецензент и с утверждением, что большой интерес Чехова к Екклесиасту связан с мыслью о смерти; по мнению Н.В. Капустина, А.П. Чехову, «как и автору библейской книги, в высшей степени свойственно представление о всеобщей повторяемости явлений (смерть, между прочим, также вариант всеобщего кругооборота). <...> Но главная «реплика» Чехова в «диалоге» с ветхозаветным текстом иная: это сквозной для его творчества мотив непредсказуемого движения жизни» [там же: 15]. Наиболее уязвимым местом монографии Н.В. Капустин видит «одно труднообъяснимое противоречие» в ней: «Несколько раз подчеркивается мысль о «безрелигиозности» сознания Чехова, что никак не согласуется с конкретными наблюдениями и обобщениями. Речь, вероятно, должна была идти о том, что Чехову свойственно неприятие метафизики христианства, его онтологии, но никак не этики и многих сторон эстетики»

[Капустин, 1997: 15]. В целом же рецензент называет работу А.С. Собенникова «серьезным филологическим исследованием, значительно продвигающим вперед изучение труднейшей историко-литературной проблемы» [там же: 14] и «первым монографическим исследованием о связях Чехова с христианством, выполненным в русле академического литературоведения» [там же: 15–16]. В другой рецензии – на книгу Дж. де Щербинин “Chekhov and Russian Religious Culture: the poetics of the Marian paradigm” (1997) – Н.В. Капустин замечает: «...сегодня совершенно ясно, что вне христианского контекста не могут быть адекватно прочитаны не только произведения Чехова, написанные на религиозном материале, но и многие из тех, которые внешне, на первый взгляд, не имеют к нему какого-либо отношения. Речь в данном случае не о христианском мировоззрении Чехова (это предмет особого разговора), а о тех религиозных источниках, без учета которых смысл текста и особенности его строения останутся тайной за семью печатями» [Капустин, 1998: 50]. Как и в случае с монографией А.С. Собенникова, рецензент, споря с отдельными положениями работы, в целом характеризует книгу как «яркое и глубокое исследование, заставляющее, по ее [Дж. де Щербинин] словам, еще раз приглядеться к непривычной утонченности Чехова» [Капустин, 1998: 53]. А.С. Собенников, рецензируя книгу М. Свифта “Biblical Subtexts and Religious Themes in Works of Anton Chekhov” (2004) и оценивая ее в целом тоже весьма высоко («...академична в хорошем смысле слова. Тщательное изучение источников, многочисленные ссылки на предшественников, медленное чтение...»), отмечает, что для полноценного интертекстуального исследования в данном случае недостаточно анализа лишь на персонажном и мотивном уровнях: «А есть ли структурные соответствия? Сводится ли эпистемологическая позиция Чехова к соединению науки и религии? Какую роль сыграли ветхозаветные тексты в становлении оригинальной философии Чехова?» [Собенников, 2005: 37]. Как видим, те из исследований 1990-х–2000-х гг., посвященных библейскому интертексту чеховских художественных произведений, которые были выполнены методологически корректно, смогли достаточно основательно

представить действительно имеющее место глубокое влияние Священного писания на сочинения писателя, что зафиксировано и рецензентами «Чеховского вестника».

Весьма продуктивным направлением новейшего чеховедения является исследование интертекстуальных связей между Чеховым и другими писателями-классиками – его предшественниками и современниками: в особенности А.С. Пушкиным, И.С. Тургеневым, Ф.М. Достоевским и А.Н. Островским (отметим менее интенсивный интерес исследователей к теме «А.П. Чехов и Л.Н. Толстой», объясняющийся, видимо, обилием советских работ на эту тему, среди которых монография В.Я. Лакшина «Толстой и Чехов» (1963; 2-е изд. – 1975), а также раздел «Рядом с Толстым» в монографии В.Б. Катаева «Литературные связи Чехова» (1989)).

Рецензируя книгу «Чехов и Пушкин» в серии «Чеховиана» (1998) В.Я. Звиняцковский, отмечает, что благодаря этому изданию тема «сдвинулась с мертвой точки «Пушкин в прозе»» [Звиняцковский, 1998: 12]. Убедительный, основательный анализ связей между Пушкиным и Чеховым представлен в книге А.Г. Головачевой «Пушкин, Чехов и другие: Поэтика литературного диалога» (2005). Исследовательница сравнивает использование двумя авторами сюжета о «блудной дочери» (в «Станционном смотрителе» и в «Невесте» соответственно), описывает связь «Скрипки Ротшильда» с «Гробовщиком», «Дяди Вани» с «Выстрелом» и т.д. Как отмечает в рецензии А.А. Смирнов, «конкретные сопоставления и анализы убеждают читателя в органичности пушкинских цитат и ситуаций в прозе и пьесах Чехова» [Смирнов, 2006: 40]. Вместе с тем, по мнению рецензента, в книге «остались неосвещенными особые ситуативные связи с Пушкиным в основополагающих текстах произведений Чехова»; не находит А.А. Смирнов и ответа на «главный вопрос – как Чехов, самый последовательный из русских реалистов, отвечает на романтические призывы Пушкина, каково отношение Чехова к романтике в сложном процессе анализа жизни «человеческого» духа» [там же: 40–41]. Высоко оценивая метод, уровень

филологической компетенции А.Г. Головачевой, рецензент указывает на то, что исследовательница далеко не исчерпала тему литературных связей Чехова с Пушкиным, а значит, последняя продолжает быть актуальной. Отметим, что специальных работ на эту тему, выполненных на таком же (или более высоком) уровне, ни в конце 2000-х, ни в 2010-е гг. не появилось. Сдвинувшись, по выражению, В.Я. Звизняцкого, с «мертвой точки», исследование темы «Чехов и Пушкин» спустя десятилетие снова замедлило свое движение.

Тема «Чехов и Тургенев» не была популярна в чеховедении 1990-х–2010-х гг., однако ситуация начала меняться в самом конце 2010-х: в 2018 году в Москве прошла Международная научная конференция Шестые Скафтымовские чтения, приуроченная к 200-летию со дня рождения И.С. Тургенева; в 2020 году был опубликован сборник статей по материалам конференции. Рецензент С.В. Тихомиров называет тургеневские и чеховские произведения «благодатной почвой» для интертекстуальных поисков [Тихомиров, 2021b: 22–23], однако не все представленные в сборнике образцы таких поисков кажутся ему убедительными. Выше мы уже приводили замечания рецензента к сопоставлению «Страхов» Чехова и «Собаки» Тургенева, проводимому Д. Золтан. В связи со статьей Д. Золтан, а также статьей А.А. Гапоненкова «Мистика у Тургенева и Чехова» С.В. Тихомиров замечает, что советское отрицание мистического в творчестве Чехова не должно заменяться на его тотальное утверждение лишь в силу того, что теперь об этом можно говорить [там же: 17–18]. Рецензент оценивает сборник в целом неоднозначно: с одной стороны, в нем «немало штудий, исполненных живых, свежих идей и использующих оригинально-новаторские подходы», с другой, «многие отмечаемые схождения между Чеховым и Тургеневым отмечались и раньше» [там же: 25].

Во второй половине 2010-х гг. усиливается также интерес новейшего чеховедения к литературным связям А.П. Чехова и Ф.М. Достоевского. Выше мы уже приводили методологические замечания В.С. Зайцева к книге

С.А. Кибальника «Чехов и русская классика: проблемы интертекста» (2015). Критикует рецензент и утверждение автора книги о том, что «Драма на охоте» – это ««развернутая пародия» Чехова на Достоевского»: для С.А. Кибальника Камышев – это пародия на Ставрогина, поскольку оба персонажа красивы; как отмечает В.С. Зайцев, такого рода аргументов «недостаточно, чтобы говорить о «развернутой пародии»» [Зайцев, 2017: 34]. Спорит рецензент и с тезисом о «полемической трансформации» мотивов Достоевского Чеховым «в тех объемах и качестве, как это представлено в статьях С.А. Кибальника», поскольку не известно, читал ли А.П. Чехов Ф.М. Достоевского до 1889 г. (5 марта 1889 г. Чехов написал письмо А.С. Суворину с отзывом о Достоевском). В 2017 году была опубликована специально посвященная сопоставлению двух писателей книга Н.В. Живолуповой «Достоевский и Чехов: аспекты архитектоники и поэтики», однако, Р.Б. Ахметшин в рецензии отзываеся о книге критически, отказывая исследовательнице в наличии ясной идеи [Ахметшин, 2018]. Мы уже упоминали выше прошедшие в 2016 году в Саратове Четвертые международные Скафтымовские чтения и сборник по материалам этой конференции («Чехов и Достоевский...», 2017) и приводили методологические замечания С.В. Тихомирова. Оценивая сборник, рецензент рассуждает также о самом сопоставлении: «...тема «Чехов и Достоевский» при всей своей занимательности не так уж и самоочевидна, есть в ней что-то настораживающее, исподволь провоцирующее на такие вопросы, как: насколько она обоснована? насколько стыкуются их художественные миры? да и стыкуются ли они вообще?» [Тихомиров, 2018: 15]. Вспоминает рецензент и цитату из упомянутого нами выше письма А.П. Чехова А.С. Суворину (трижды упоминается в рецензируемом сборнике), в котором Чехов «вежливо, но вместе с тем определенно-жестко дистанцируется от художественного мира Достоевского...» [там же]. На свои вопросы С.В. Тихомиров отвечает сам, опираясь на опыт предшествующего отечественного литературоведения (работы А.А. Белкина, Э.А. Полоцкой, М.П. Громова): «...в пространстве русской культуры фигуры Достоевского и Чехова, как больших художников слова, вполне сопоставимы;

проблемы, волнующие их, в целом различны, но есть и «зоны пересечения»... орудия проработки «общего поля» у них до такой степени не схожи между собой, что там, где мы хотели бы нащупать сходство, волей-неволей вновь обнаруживаются бросающиеся в глаза расхождения... многие типичные для Достоевского сюжеты и мотивы по-своему продолжают жить в творчестве Чехова, подвергаясь неизбежному переосмыслению и в то же время в чем-то оставаясь узнаваемо «достоевскими»...» [там же: 15–16]. Всё это не только «легитимирует» само сопоставление, но и во многом задает основное направление новейшим сопоставительным работам. Вместе с тем, переходя к анализу конкретных статей сборника, рецензент скептически оценивает большую часть «находимых» исследователей интертекстуальных связей: по его мнению, «недостаточно обоснованной является убежденность авторов подавляющего большинства статей, эти параллели выявляющих, что последние имеют место и, следовательно, выявляются *потому*, что Чехов в каждом из случаев сознательно или почти сознательно ориентировался на Достоевского» [там же: 20–21]. Более подробно методологические замечания С.В. Тихомирова мы привели выше.

Пятые международные Скафтымовские чтения, прошедшие в Москве в 2017 году, были посвящены связям А.П. Чехова с А.Н. Островским. По итогам конференции был издан сборник «А.П. Чехов и А.Н. Островский...» (2020). Как отмечает рецензент С.В. Тихомиров, авторы сборника во многом опирались на разработку этой темы А.П. Скафтымовым: как на мысль Скафтымова «о позднем Островском как нечаянном предшественнике Чехова», так и на его же утверждение, что «и мировоззренческие, и художественные основы, на которых зиждется драма Островского... под пером Чехова-драматурга трансформируются настолько, что тип драмы, созданный Чеховым, следует расценивать как *принципиально отличающийся* от всего, что в этой области искусства создавалось его предшественниками» [Тихомиров, 2021а: 32]. Рецензент пытается примирить эти два взаимопротиворечащих тезиса: «По

своей новаторской драматургической стилистике, игнорирующей, а то и ломающей устоявшиеся классические... схемы организации драматического действия, Чехов, конечно, *иной* Островскому. Но с другой стороны, если все тексты, написанные для русской театральной сцены в XIX веке, рассматривать как единый «драматический текст», то совершенно очевидно, что Чехов в этом ряду не окажется каким-то совсем уж чуждым элементом. Более того, из всех классических русских авторов, писавших в XIX веке для театра, его связь с «классиком» Островским... следует признать наиболее близкой и плотной» [Тихомиров, 2021а: 33–34]. Как отмечает С.В. Тихомиров, сходства между двумя авторами отмечались уже давно и не раз: Лариса из «Бесприданницы» как предшественница Нины Заречной; центральные образы «Леса» и «Вишневого сада» и т.д. [Тихомиров, 2021а: 33–34]. Ключевой вопрос, по мнению рецензента, должен быть сформулирован так: «...какие составляющие драм Островского, осознаваемые как *его* достояние, как приметы *его* художественного мира, были усвоены и воспроизведены, пусть и в сильно трансформированном виде, в драматических сочинениях Чехова и какие конкретно произведения первого и второго оказываются, в этой связи, в зоне преимущественного взаимодействия?» [там же: 34]. В рецензируемом издании «мозаика таких пересечений, высвечиваемых авторами сборника, являет собой... весьма пеструю картину» [там же].

О связи драматургии А.П. Чехова с комедиями А.Н. Островского говорит и А.Г. Головачева в монографии «А.П. Чехов, театр и «симпатичные драматурги»» (2020). Однако основной предмет исследовательницы – связи Чехова (как личные, так и творческие) с мало сейчас известными драматургами-современниками: П.П. Гнедичем, М.И. Чайковским, И. Щегловым (И.Л. Леонтьевым), Е.П. Карповым, И.В. Шпажинским, Е.П. Гославским и др. На наш взгляд, исследовательнице удастся добиться более значимых результатов, чем большей части исследователей связей Чехова с авторами первого ряда: отчасти это обуславливается меньшей изученностью темы

(большим пространством для значимых открытий), отчасти – методологической строгостью анализа, учитывающего при выявлении интертекстуальных связей биографический и историко-литературный контексты. А.Д. Степанов в рецензии справедливо называет А.Г. Головачеву «одним из немногих исследователей, постоянно занимающихся «ближайшим контекстом» чеховской драматургии и прозы» [Степанов, 2021: 42]. Как отмечает рецензент, большое число найденных исследовательницей перекличек провоцирует рассуждать над очень важным для чеховедения вопросом о том, почему, при всех сходствах, всемирно известными стали драмы А.П. Чехова, а не, например, И.В. Шпагинского [Степанов, 2021: 44–45]. По-настоящему ответить на этот вопрос, как показывает рецензент, не так-то просто. Давая свою итоговую (высокую) оценку работе А.Г. Головачевой, А.Д. Степанов замечает, что она (работа) «открывает большую исследовательскую перспективу: в ней снят только самый верхний пласт возможных параллелей между чеховской драматургией и пьесами его современников, и вся работа ещё впереди» [там же: 47]. Другой рецензент, В. Савельева, считает, что А.Г. Головачевой удастся показать, «как и в истории литературы короля делает писательская артель его современников» [Савельева, 2021: 8], в этом отношении работа оказывается полезной для исторической социологии русской литературы второй половины XIX в.

Другое, «противоположное», направление – поиск интертекстуальных связей между А.П. Чеховым и авторами более поздними – писателями XX–XXI вв. То, что Чехов не только «закрывает» XIX век в русской и мировой литературе, но и «открывает» в ней XX век, – общее место для современного литературоведения. Однако изучение конкретных примеров влияния чеховской поэтики на творчество писателей XX–XXI вв. – направление перспективное и мало пока разработанное. В 2005 году была опубликована специально посвященная этой теме монография Е.Н. Петуховой «Притяжение Чехова: Чехов и русская литература конца XX века». По мнению рецензента А.Г. Головачевой, исследовательнице удалось убедительно представить связи между Чеховым и

сразу несколькими группами писателей конца XX – начала XXI вв.: это писатели-реалисты конца XX века – В. Распутин и В. Астафьев («Пожар» и «Печальный детектив» восходят к чеховским «Мужикам»); авторы рубежа столетий, тяготеющие к включению фантастических, магических, мистических элементов в свое повествование – Т. Толстая (рассказы «Река Оккервиль», «Сомнамбула в тумане», «Петерс»), Л. Петрушевская (сборник «По дороге бога Эроса», повесть «Время ночь»), В. Пьецух (цикл рассказов «Чехов с нами»), разделяющие с Чеховым «отказ от прямых оценок героев, от обозначения авторской позиции, стремление не решать, а ставить вопросы» [Головачева, 2006: 36]; писатели-постмодернисты – Ю. Буйда, С. Солоух, Ю. Кувалдин и др.; драматурги конца XX века – А. Слаповский, В. Сорокин, Н. Коляда и др. [там же]. В целом А.Г. Головачева оценивает работу Е.Н. Петуховой достаточно высоко и само направления исследования считает перспективным.

Свою тему разрабатывает А.Д. Семкин, автор монографии «Чехов. Зощенко. Довлатов. В поисках героя» (2014). Основанием для такого сопоставления является то, что, как замечает рецензент Е.Н. Петухова, «факт, юмор и ирония предстают у них [у А.П. Чехова, М.М. Зощенко, С.Д. Довлатова] и как стилистический прием, и как концептуальная категория» [Петухова, 2014: 24]. В целом рецензент высоко оценивает работу, отмечая, что «попытка выявить объединяющие начала в этической и художественной системах трех писателей применительно к трактовке ими такого понятия, как «герой своей эпохи», и принципам его изображения, оказалась не только интересной, но и плодотворной» [там же]. Однако Е.Н. Петухова не соглашается с некоторыми конкретными тезисами А.Д. Семкина: например, о том, что Чехов и Довлатов, несмотря на внешнюю нерелигиозность, разделяли этические ценности христианства [там же: 26]. Интересно также замечание рецензента о том, что «при доказанном сходстве [Чехова, Зощенко, Довлатова] по многим составляющим, Чехов настолько глубже и тоньше, что напрашивается, возможно, категоричное заключение: полноводная река чеховского творчества

на протяжении XX века обмелела и сузилась, став реками «Зощенко» и «Довлатов»» [там же: 29]. Утверждение небесспорное, требующее своей, в перспективе плодотворной, дискуссии.

Не обошлось в изучении влияния творчества А.П. Чехова на авторов XX века и без явных неудач и «казусов». К первым можно отнести монографию С.А. Комарова «А. Чехов – В. Маяковский: комедиограф в диалоге с русской культурой конца XIX – первой трети XX в.» (2002). Рецензент Л.Ф. Кацис называет «параллелизм двух фигур и двух эпох, ими означенных» «построением достаточно искусственным» [Кацис, 2004: 43]. Как справедливо замечает рецензент, «ни Чехов, ни Толстой, ни Соловьев, ни Белый, ни Маяковский не были чистыми драматургами, тем более – комедиографами. Сам же жанр «комедий» Чехова или «поэмы» Гоголя – предмет специальной рефлексии» [там же: 46]. Л.Ф. Кацис в целом оценивает монографию невысоко: «...можно с уверенностью сказать, что ничего нового и выходящего за пределы уже известного в чеховедении нам не удалось найти в книге С. Комарова» [там же: 43]. Еще более низкую оценку («халтура & фейк») дает рецензент Н.В. Мельников книге М.Г. Литавриной «От серебряного века – к русскому зарубежью. Чехов & Набоков. Драматургия: учебное пособие для студентов театральных вузов» (2018) [Мельников, 2019: 52]. Заявленное как сопоставительное исследование творчества А.П. Чехова и В.В. Набокова, пособие на деле представляет собой «два эссе, посвященные драматургии Чехова... и Набокова... слабо связанные между собой композиционно и тематически», «книжку-обманку. Подделку. Фейк...» [там же: 44].

Итак, анализ статей современных исследователей жизни и творчества А.П. Чехова, посвященных проблематизации интертекстуальных исследований творчества писателя (и интертекстуальных исследований вообще), позволяет сделать несколько выводов. Прежде всего, в современном литературоведении (в т.ч. в чеховедении) существует явный запрос на разработку ясных критериев интертекстуальности, которые могли бы стать общепринятыми и способствовать

большей доказательности интертекстуальных исследований (и более продуктивному диалогу между исследователями). Анализ интертекстуальных связей между двумя и более текстами требует учета всего контекста творчества каждого из авторов, чьи произведения сопоставляются, а также биографического, историко-литературного и социокультурного контекстов. Необходимо для исследователя интертекстуальности соблюдать принцип разграничения генетических и типологических связей. Говоря о новейших интертекстуальных исследованиях творчества Чехова, можно отметить, что продуктивными оказываются анализ библейского интертекста в произведениях писателя, анализ интертекстуальных связей между творчеством Чехова и творчеством других русских-классиков – его предшественников, анализ интертекстуальных связей между писателями XX-XXI вв. и творчеством Чехова (хотя из-за методологической неоднородности далеко не все работы в последних двух направлениях можно признать удачными); весьма перспективным, в силу новизны исследуемого материала, направлением предстает изучение интертекстуальных (а также биографических, историко-литературных) связей между Чеховым и полузабытыми писателями-современниками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Информационно-библиографическое издание «Чеховский вестник» (1997 – н.в.), главным образом раздел «Книжное обозрение», где публикуются рецензии на новейшие книги, статьи и иные печатные материалы о жизни и творчестве А.П. Чехова, дает весьма полное представление о наиболее значимых событиях, процессах, тенденциях в новейшем чеховедении.

Новейшее чеховедение в основном разделяет специфику новейшего литературоведения в целом, содержит в себе перспективы, проблемы, противоречия последнего. К отмечавшимся ранее особенностям новейшего чеховедения (например, имевший место и на позднесоветском этапе преимущественный интерес к исследованиям чеховской поэтики) следует добавить общее для новейшего литературоведения расхождение исследователей не просто в методах и подходах, но в понимании основополагающих литературоведческих категорий, таких как «автор», «авторская позиция», «идея художественного произведения» и т.д. Это расхождение, будучи неизбежным в силу отсутствия доминирующей теоретико-литературной парадигмы, в то же время осложняет коммуникацию между исследователями, без которой научная дисциплина не может существовать в качестве таковой.

Одним из весьма востребованных направлений в чеховедении 1990-х–2000-х гг. стали работы, заявленные как исследования религиозно-философской мысли А.П. Чехова. Однако в этих работах идеи, принадлежащие образу автора в рассказах, повестях и пьесах Чехова, нередко приписываются автору-творцу, т.е. самому А.П. Чехову как человеку, что приводит к ненадежным, недоказуемым суждениям о мировоззрении, идеях, «идеалах» писателя. Многие из этих работ предлагают самоценные наблюдения над особенностями поэтики Чехова, однако, в силу некорректной методологии, не могут претендовать на выявление мировоззрения, идейной платформы, религиозно-философской мысли А.П. Чехова.

В 1990-е–2010-е гг., в связи с публикацией новых жизнеописаний А.П. Чехова, на страницах информационно-библиографического издания «Чеховский вестник» шла (и продолжается до сих пор) дискуссия как о конкретных изданиях, так и о принципах описания жизни А.П. Чехова (и вообще писателя) в целом. Дискуссия включает в себя значимые для специалистов и не только вопросы и суждения, касающиеся как реальной практики работы над жизнеописанием Чехова (а также нашего знания и понимания жизни и творчества Чехова в целом), так и таких общетеоретических вопросов, как задачи и эволюция писательской биографии как жанра. Содержание дискуссии, будучи осмыслено и учтено, может быть полезно как будущим биографам А.П. Чехова, так и «рядовым» читателям чеховских жизнеописаний.

2000-е–2010-е гг. стали временем активной дискуссии (в т.ч. на страницах «Чеховского вестника») о проблеме преподавания творчества А.П. Чехова в постсоветских школах и вузах. Анализ материалов дискуссии в «Чеховском вестнике» показывает, что с изменением социокультурной ситуации с рубежа 1990-х–2000-х по конец 2010-х гг. менялись и те вызовы, на которые пытались ответить в том числе сообщество ученых-чеховедов. В начале 2000-х гг. появление новых учебников (не во всем совершенных, но всё же в целом выполнявших задачу создания адекватного времени представления жизни и творчества А.П. Чехова) в то же время сопровождалось проблемой их труднодоступности, особенно в провинции; широкое распространение интернета к концу 2000-х – началу 2010-х гг. отчасти решило эту проблему, однако создало новую: на смену недоступности качественной информации в качестве главной проблемы пришло снижение уровня культуры чтения и критического мышления у школьников/студентов и, зачастую, у учителей/преподавателей. Снижение общего культурного уровня приводит к усилению разрыва между академическим литературоведением и школьной практикой и усилению межпоколенческого культурного разрыва, попытки ученых-чеховедов влиять на школьное изучение Чехова и вообще русской литературы сталкиваются с проблемой

непопулярности, недостаточной востребованности научного гуманитарного знания в обществе (и зачастую в самой школе).

Эссе американского журналиста Дж. Фридмана “Back Off Chekhov!”, опубликованное в Бюллетене Североамериканского Чеховского общества (русский перевод был опубликован в «Чеховском вестнике» в том же году), получило репутацию «провокативного», «скандального»; однако, это эссе наиболее ярко выразило то недовольство постановками чеховских пьес, ту усталость от самого факта бесчисленности, регулярности этих постановок, которая иногда звучала и в газетах того времени. Мы думаем, что именно отчетливость, выраженность фридмановского неприятия тогдашних спектаклей по пьесам Чехова и в целом факта многочисленности и «ритуальности» этих постановок вызвали, в свою очередь, неприятие со стороны театрального сообщества. Эта полемика, на наш взгляд, в своей основе «стилистическая», «жанровая». Журналисту удалось побудить театральное и академическое сообщества к дискуссии, в ходе которой были высказаны оригинальные суждения о специфике чеховской драматургии, о природе чеховского творчества, стимулировавшие развитие чеховедения на рубеже XX-XXI вв.

Интертекстуальные исследования – неотъемлемая часть отечественного и зарубежного чеховедения 1990-х–2010-х гг. Однако сама методология исследований интертекста является предметом живой дискуссии. На страницах «Чеховского вестника» проблематизируются как конкретные исследования того или иного интертекстуального пласта в творчестве А.П. Чехова, так и теоретико-методологические вопросы интертекстуальных исследований. Анализ этих материалов позволяет сделать несколько выводов. Прежде всего, в современном литературоведении (в т.ч. в чеховедении) существует явный запрос на разработку ясных критериев интертекстуальности, которые могли бы стать общепринятыми и способствовать большей доказательности интертекстуальных исследований (и более продуктивному диалогу между исследователями). Анализ интертекстуальных связей между двумя и более текстами требует учета всего

контекста творчества каждого из авторов, чьи произведения сопоставляются, а также биографического, историко-литературного и социокультурного контекстов. Необходимо для исследователя интертекстуальности соблюдать принцип разграничения генетических и типологических связей. Говоря о новейших интертекстуальных исследованиях творчества Чехова, можно отметить, что продуктивными оказываются анализ библейского интертекста в произведениях писателя, анализ интертекстуальных связей между творчеством Чехова и творчеством других русских-классиков – его предшественников, анализ интертекстуальных связей между писателями XX-XXI вв. и творчеством Чехова (хотя из-за методологической неоднородности далеко не все работы в последних двух направлениях можно признать удачными); весьма перспективным, в силу новизны исследуемого материала, направлением предстает изучение интертекстуальных (а также биографических, историко-литературных) связей между Чеховым и малоизвестными писателями-современниками.

Несмотря на все противоречия и трудности, новейшее чеховедение расширяет сферу наших знаний о жизни и творчестве А.П. Чехова. Информационно-библиографическое издание «Чеховский вестник» дает возможность как специалистам, так и всем интересующимся иметь достаточно полное представление как о последних достижениях науки о жизни и творчества Чехова, так и о ее специфике по сравнению с чеховедением предшествующих этапов.

Что касается **перспектив дальнейшей разработки темы** настоящего исследования, то здесь возможна и необходима работа в следующих направлениях: изучение других значимых для новейшего чеховедения научных изданий (100 том серии «Литературное наследство» («Чехов и мировая литература»), серия «Чеховиана», альманах «Мелихово», сборники трудов по результатам конференции «Молодые исследователи Чехова» и др.); специальное рассмотрение соотношения тенденций в новейшем чеховедении с таковыми в новейшем литературоведении в целом; специальное изучение чеховедения

русского зарубежья, а также советского чеховедения 1970-х–1980-х гг. для уточнения специфики новейшего чеховедения.

Список литературы

1. Азарина Л., Орлов Э., Ушакова Е. Обсуждают студенты // Чеховский вестник. 2002. №12. С. 60-63.
2. Александров Б.И. Семинарий по Чехову. М.: Учпедгиз, 1957. С. 72–95.
3. Александр Павлович Чудаков: Сб. памяти / Сост. С.Г. Бочаров, И.З. Сурат, при участии М. О. Чудаковой. М.: Знак, 2013.
4. Алпатова И. Погребальные пляски над чучелом «Чайки» // «Культура». 21.06.2001 [Электронный ресурс]: http://www.smotr.ru/prensa/alp/al_chaika2.htm (дата обращения: 19.01.2024).
5. А.П. Чехов. Энциклопедия / сост. и науч. ред. В.Б. Катаев. М.: Просвещение, 2011.
6. А.П. Чехов: pro et contra. Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX — нач. XX в.: Антология / Сост., предисл., общ. ред. И.Н. Сухих. СПб.: РХГИ, 2002.
7. А.П. Чехов: pro et contra. Личность и творчество А.П. Чехова в русской мысли XX века (1914-1960): Антология. Т. 2 / Сост., предисл., общ. ред. И.Н. Сухих. СПб.: РХГИ, 2010.
8. А.П. Чехов: pro et contra, антология. Т. 3 / Сост., вступ. статья, комментарии И. Н. Сухих. СПб.: РХГА, 2016.
9. А.П. Чехов: pro et contra. Современные аспекты исследования: Антология. Т. 4 / Сост., предисл., общ. ред. И.Н. Сухих. СПб.: РХГИ, 2022.
10. Ахметшин Р.Б. Антон Павлович Чехов (1860-1904) / Русская литература XIX века. 10 класс: Учебник для школ и классов гуманитарного профиля.: В 2 ч. Ч. 2. М., Московский лицей, 2003. С. 393–511.
11. Ахметшин Р. Книга о Чехове и Достоевском // Чеховский вестник. М.: Издательство Московского университета, 2017, № 35. С. 39–45.
12. Бочаров С.Г. Чехов и философия / Бочаров С.Г. Филологические сюжеты. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 328-343.

13. Бушканец Л. Биография Чехова: итоги и перспективы // Чеховский вестник. М.: МАКС Пресс, 2007, № 20. С. 128–140.
14. Бушканец Л. Запоздавшая рецензия // Чеховский вестник. М.: Издательство Московского университета, 2012, № 27. С. 6–20.
15. Бушканец Л. [Рецензия]. Летопись жизни и творчества А.П. Чехова. Май 1891–1894 гг. Т. 3. / Составители М.А. Соколова и И.Е. Гитович. Научный редактор – И.Е. Гитович (при участии Р.Б. Ахметшина) // Чеховский вестник. М., 2010, № 25. С. 8–14.
16. Бушканец Л. Можно ли читать Чехова в школе без литературоведа? «Чеховский вестник», № 31. М.: Издательство Московского университета, 2015. № 31. С. 91–95.
17. Бушканец Л.Е. «Он между нами жил...». А.П. Чехов и русское общество конца XIX – начала XX века. Казань: Казанский университет. 2012.
18. Васильева И.Э., Степанов А.Д. В зеркале «Чеховского вестника»: чеховедение за тридцать лет // Русская литература. 2022. № 2. С. 248–254.
19. Гаврилова Н.В. Эссе Д. Фридмана или о пьесах А.П. Чехова в современном театре // Litera, 2018, №3. С. 85–94.
20. Гаспаров М.Л. Литературный интертекст и языковой интертекст // Изв. РАН. Серия лит. и яз. Т. 61. 2002. № 4. С. 3–9.
21. Гитович И. Заметки «широкого читателя» // Чеховский вестник. М.: Издательство Московского университета, 2013, № 28. С. 10–19.
22. Гитович И.Е. Итог как новые проблемы. Статьи и рецензии разных лет об А.П. Чехове, его времени, окружении, и чеховедении / Сост. Л. Е. Бушканец, Н. Ф. Иванова, Э. Д. Орлов М.: Литературный музей, 2018.
23. Гитович И.Е. Нужны ли «новые формы»? (стенограмма обсуждения «Летописи жизни и творчества А.П. Чехова. 1860 – 1888») // Чеховский вестник. М.: «Скорпион», 2001, № 8. С. 6–31.
24. Гитович И. «...Потому что у Чехова все – правда, одна правда и только правда». Лео Яковлев. Антон Чехов. Роман с евреями // Чеховский вестник. М.: «Скорпион», 2001, № 8. С. 36–51.

25. Гитович И. Университетский человек // Чеховский вестник. М.: Издательство «Литературный музей», 2016, № 32. С. 6–15.
26. Гитович И. Факт и стиль. Субъективные заметки по поводу объективной проблемы // Чеховский вестник. М.: «Скорпион», 2004, № 15. С. 32–41.
27. Гитович И. Читаем Чехова. Заметки о Летней школе для учителей литературы // «Чеховский вестник», № 19. М., 2006. С. 117–151.
28. Гитович И. Я тоже сомневаюсь // Чеховский вестник. 2002. №12. С. 54–60.
29. Гитович И. Made in, или Снова о биографии. Заметки читателя // Чеховский вестник. М.: «Скорпион», 2005, № 17. С. 21–36.
30. Головачева А.Г. Антон Чехов, театр и «симпатичные драматурги». М.: Изд-во Государственного центрального театрального музея им. А.А. Бахрушина, 2020.
31. Головачева А. Чехов в ретроспективе XX века // Чеховский вестник. М.: «Скорпион», 2006, № 19. С. 35–38.
32. Горячева М. Четырежды Чехов / Сост. И. Клевх // Чеховский вестник. М.: «Скорпион», 2004, № 15. С. 22–27.
33. Гоффманн С. Чехов и Фрейд. Психоаналитическая интерпретация мотива супружеской измены в рассказах Чехова. // Чехов и Германия (под ред. В.Б. Катаева и Р.-Д. Клуге). М., 1995. С. 146–155.
34. Гранатов Б. ««Три сестры» и «Дядя Ваня», или зачем мне нужен Чехов» // Чеховский вестник. 2002. №11. С. 48–50.
35. Громов М.П. Книга о Чехове. М.: Современник, 1989.
36. Гульченко В. «Дядя Ваня» («Театро ди Рома» и «Театро стабиле ди Парма», Италия), постановка Петера Штайна // Чеховский вестник. 1997. №1. С. 40–43.
37. Гульченко В. «Иванов» (Театр «Алмейда», Лондон), постановка Джонатана Кейта // Чеховский вестник. 1997. №1. С. 33–35.
38. Гульченко В. Рец. на спектакль: «Чайка», совместное производство «Бургтеатра», «Академиетеатра» и Венского фестиваля, Австрия, реж.-пост. Люк Бонди // Чеховский вестник. 2001. №9. С. 45–49.

39. Гульченко В. Умственные прыжки // Чеховский вестник. 2002. №11. С. 54–55.
40. Дерман А.Б. Антон Павлович Чехов. Критико-библиографич. очерк. М.: Гослитиздат, 1939.
41. Дерман А.Б. Москва в жизни и творчестве А. П. Чехова. М.: изд-во и тип. изд-ва «Московский рабочий», 1948.
42. Дерман А.Б. О мастерстве Чехова. М.: Советский писатель, 1959.
43. Дерман А.Б. Творческий портрет Чехова. М.: Мир, 1929.
44. Должанский Р. Английский пациент сыграл русского самоубийцу // Коммерсантъ. 30.04.1997. №63 (1245) [Электронный ресурс]: <https://www.kommersant.ru/doc/177090> (дата обращения: 17.01.2024).
45. Должанский Р. Дуэль на чеховском поле // Театр. 2001, № 1. С. 98–100.
46. Должанский Р. Лев Додин выпустил "Чайку" в Москве // Коммерсантъ. 15.06.2001. №102 (2232) [Электронный ресурс]: <https://www.kommersant.ru/doc/270697> (дата обращения: 17.01.2024).
47. Должанский Р. Уставшая "Чайка" ожила в Вене // Коммерсантъ. 08.07.2000. №123 (2008). [Электронный ресурс]: <https://www.kommersant.ru/doc/152630> (дата обращения: 17.01.2024).
48. Долженков П.Н., Катаев В.Б. Библиография работ об А.П. Чехове на русском и иностранных языках за 1961–2005 гг. / Под ред. Катаева В. Б.; Чехов. комис. Совета по истории мировой культуры РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова. Филол. фак. М.: Издательство Московского университета, 2010.
49. Долженков П. «По данным психологов...» // Чеховский вестник. М.: Издательство Московского университета, 2019, № 38. С. 38–42.
50. Долженков П.Н. Творчество А.П. Чехова (1860–1904) / История русской литературы XI–XIX вв./ Под редакцией В.И. Коровина, Н.И. Якушина Учебное пособие для вузов. М.: Русское слово, 2001. С. 551–584.
51. Долженков П.Н. Чехов и позитивизм. 2-ое изд. М.: Издательство «Скорпион», 2003.

- 52.Зайцев В. Проблемы интертекста // Чеховский вестник. М.: Издательство Московского университета, 2017, № 35. С. 33–39.
- 53.Зайцев В.С. Товарищ Чехов. Очерки по истории советского чеховедения 1920–1950-х годов. М.: Государственный литературный музей, 2022.
- 54.Звиняцковский В. «...Грозные, чудесные явления природы, которые мы должны научиться объяснять» // Чеховский вестник. М.: «Скорпион», 1998, № 3. С. 12–17.
- 55.Зенкин С.Н. Теория литературы: проблемы и результаты. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
- 56.Зубарева Е. А.П. Чехов. Энциклопедия / Составитель и научный редактор В.Б. Катаев // Чеховский вестник. М.: Издательство Московского университета, 2011, № 26. С. 71–74.
- 57.Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов [Электронный ресурс] : колл. монография / науч. ред. т.н. Колокольцева, В.П. Москвин. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2015.
- 58.Исмаилова Н. Рец. на спектакль: «Чайка», Малый драматический театр – театр Европы, СПб, реж.-пост. Лев Додин // Чеховский вестник. 2001. №9. С. 49–53.
- 59.Капустин Н. [Рецензия]. Собенников А.С. «Между «есть Бог» и «нет Бога»...»: (О религиозно-философских традициях в творчестве А.П.Чехова). Иркутск: Изд-во ИГУ, 1997 // Чеховский вестник. М.: «Скорпион», 1997, № 2. С. 12–16.
- 60.Капустин Н. [Рецензия]. De Sherbinin J. Chekhov and Russian Religious Culture: The Poetics of the Marian Paradigm. Evanston: Northwestern University Press, 1997 // «Чеховский вестник». М.: «Скорпион», 1998, № 3. С. 50–53.
- 61.Катаев В.Б. Антон Павлович Чехов / История русской литературы XIX века. 70—90-е годы: Учебник/ Под ред. В.Н. Аношкиной, Л.Д. Громовой, В.Б. Катаева. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 551–613.

62. Катаев В.Б. Истинный мудрец // Философия А.П. Чехова: междунар. науч. конф. (Иркутск, 27 июня – 2 июля 2006 г.): материалы / под ред. А.С. Собенникова. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. С. 68–75.
63. Катаев В.Б. Литературные связи Чехова. М.: Изд-во МГУ, 1989.
64. Катаев В.Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации». М.: Изд-во МГУ, 1979.
65. Катаев В. Этот надоевший Чехов // Чеховский вестник. 2002. №11. С. 45–46.
66. Катаев В. [Рецензия]. Rayfield, Donald. Anton Chekhov. A life // Чеховский вестник. М.: «Скорпион», 1997, № 2. С. 6–12.
67. Кацис Л. [Рецензия]. Комаров С.А. А. Чехов – В. Маяковский: комедиограф в диалоге с русской культурой конца XIX – первой трети XX в. // Чеховский вестник. М.: «Скорпион», 2004, № 14. С. 41–47.
68. Кольцов М.Е. Чехов без грима // Правда. 1928. 15 июля (№ 163).
69. Копылов Т. Мировоззрение Антона Павловича Чехова и философия Артура Шопенгауэра. // Чехов и Германия (под ред. В.Б. Катаева и Р.-Д. Клуге). М., 1995. С. 115–122.
70. Кормилов С. Находки и проблемы чеховедения // Чеховский вестник. М., 2008, № 22. С. 6–26.
71. Криницын А. Проблема «вырождения» у Чехова и Макса Нордау. // Чехов и Германия (под ред. В.Б. Катаева и Р.-Д. Клуге). М., 1995. С. 165–180.
72. Кубасов А.В. Проза А.П. Чехова: искусство стилизации. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 1998.
73. Кузичева А.П. Чехов: жизнь «отдельного человека». М.: Молодая гвардия, 2010.
74. Кузичева А.П. Чеховы. Биография семьи. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2004.
75. Кулешов В.И. История русской литературы XIX века: Учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 1997.

- 76.Лакшин В.Я. Толстой и Чехов. Изд. 2-е, испр. М.: Советский писатель, 1975.
- 77.Летопись жизни и творчества А.П. Чехова. Т. 1: 1860—1888. М.: Наследие, 2000.
- 78.Летопись жизни и творчества А.П. Чехова. Т.2.: 1889-1891. М.: ИМЛИ РАН, 2004.
- 79.Летопись жизни и творчества А.П. Чехова. Май 1891-1894 гг. Т.3. М.: ИМЛИ РАН, 2009.
- 80.Летопись жизни и творчества А.П. Чехова. Т. 4. Кн. 1. 1895—1896. Кн. 2. 1897 – сентябрь 1898. М.: ИМЛИ РАН, 2016.
- 81.Линков В.Я. Скептицизм и вера Чехова. М.: Изд-во МГУ, 1995.
- 82.Линков В.Я. Художественный мир прозы Чехова. М.: Изд-во МГУ, 1982.
- 83.Литературное наследство. Том 100: Чехов и мировая литература. Кн. 1. М.: Наука, 1997.
- 84.Литературное наследство. Том 100: Чехов и мировая литература. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2005.
- 85.Литературное наследство. Том 100: Чехов и мировая литература. Кн. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2005.
- 86.МакВэй Г. [Рецензия]. Patrick Miles. Brief Lives: Anton Chekhov // Чеховский вестник. М., 2008, № 23. С. 47–49.
- 87.Мандельштам О.Э. Собрание сочинений в четырех томах. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993—1999.
- 88.Мельников Н. Чехов & Набоков? // Чеховский вестник. М.: Издательство Московского университета, 2019, № 37. С. 44–52.
- 89.Мир исследователя: З.С. Паперный, А.П. Чудаков / отв. ред. – Л.Е. Бушканец. М.: РГГУ, 2022.
- 90.Набоков В. Лекции по русской литературе / Пер. с англ. С. Антонова, Е. Голышевой, Г. Дашевского и др. СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010.

91. Назиров Р.Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Уфа: РИО БашГУ, 2005.
92. «Наш Чехов» в пространстве современной культуры: Материалы круглого стола // Наш Чехов. Сборник статей и материалов. Иваново, 2004.
93. Одесская М.М. Рец. на кн.: Линков В.Я. Скептицизм и вера Чехова // «Чеховский вестник», №2. М.: Скорпион, 1997. С. 20-21.
94. Оляшек Б. Чехов и позитивизм: философия героев «малых дел» // Философия А.П. Чехова: междунар. науч. конф. (Иркутск, 27 июня – 2 июля 2006 г.): материалы Советский / под ред. А.С. Собенникова. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. С. 122-132.
95. Паперный З.С. Записные книжки Чехова. М.: Советский писатель, 1976.
96. Петухова Е. поисках героя: свой взгляд // Чеховский вестник. М.: Издательство Московского университета, 2014, № 30. С. 23–29.
97. Питчер Х. [Рецензия]. Anton Chekhov. A Life in Letters / Ed. by Rosamund Bartlett. // Чеховский вестник. М.: «Скорпион», 2004, № 15. С. 39–44.
98. Полоцкая Э.А. А.П. Чехов: Движение художественной мысли. М.: писатель, 1979.
99. Полоцкая Э.А. Чехов (личность, творчество) // Время и судьбы русских писателей. М. Наука, 1981. С. 282–343.
100. Поселягин Н. Антропологический поворот в российских гуманитарных науках // Новое литературное обозрение. 2012, № 1 [Электронный ресурс]: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/1/antropologicheskij-povorot-v-rossijskih-gumanitarnyh-naukah.html> (дата обращения: 18.02.2025).
101. Разумова Н.Е. Концепция и образы культуры у Чехова // Философия А.П. Чехова: междунар. науч. конф. (Иркутск, 27 июня – 2 июля 2006 г.): материалы / под ред. А.С. Собенникова. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. С. 146–159.
102. Ревзина О.Г. Лингвистические основы интертекстуальности // Текст. Интертекст. Культура: Материалы международной научной конференции

- (Москва, 4-7 апреля 2001 года) / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова: Редкол.: В.П. Григорьев (отв. ред.), Н.А. Фатеева (отв. ред.), Н.А. Николина и др. М.: «Азбуковник», 2001. С. 60–63.
103. Рейфилд Д. Жизнь Антона Чехова. М.: Независимая газета, 2005.
104. Розовский М. Однако тенденция // Чеховский вестник. 2002. №12. С. 52–54.
105. Роскин А.И. А.П. Чехов. Статьи и очерки. М.: Гослитиздат, 1959.
106. Роскин А.И. Статьи о литературе и театре: Антоша Чехонте. М.: Советский писатель, 1959.
107. Роскин А.И. Три сестры на сцене МХАТ. Л.–М., 1946.
108. Савельева В. Чехов и мир русского театра // Чеховский вестник. М.: Издательство Московского университета, 2021, № 40. С. 6–14.
109. Семанова М.Л. А.П. Чехов в отзывах русских советских писателей и в их жизни // Русская литература. 1985. №3. С. 85–103.
110. Семанова М.Л. Чехов и советская литература. М.; Л.: Советский писатель, 1966.
111. Скафтымов А.П. Собрание сочинений : в 3 т. / сост.: Ю. Н. Борисов, А. В. Зюзин; вступ. ст. Е. П. Никитиной. Самара : Изд-во «Век # 21», 2008.
112. Скибина О. Размышления провинциального педагога на полях столичных учебников // «Чеховский вестник», № 12. М., 2003. С. 12–20.
113. Собенников А.С. А.П. Чехов и стоики // Философия А.П. Чехова: междунар. науч. конф. (Иркутск, 27 июня – 2 июля 2006 г.): материалы / под ред. А.С. Собенникова. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. С. 168–180.
114. Собенников А.С. «Между «есть Бог» и «нет Бога»...»: (О религиозно-философских традициях в творчестве А.П. Чехова). Иркутск: Изд-во ИГУ, 1997.
115. Собенников А. [Рецензия]. Swift M. Biblical Subtexts and Religious Themes in Works of Anton Chekhov. Peter Lang Publishing, New York, 2004 // «Чеховский вестник». М.: «Скорпион», 2005, № 17. С. 36–37.

116. Соболев Ю.В. Чехов / Жизнь замечательных людей. М.: Жургазобъединение, 1934.
117. Соболев Ю.В. Чехов. Статьи, материалы, библиография. М.: Федерация, 1929.
118. Соколянский А. Петер Штайн на фестивале им. Чехова. В размовке с русской публикой // Коммерсантъ. 06.04.1996. №58 (1016) [Электронный ресурс]: <https://www.kommersant.ru/doc/130437> (дата обращения: 18.01.2024).
119. Соловьева И. Анадиомена. «Дама с собачкой» по А.П. Чехову. МТЮЗ // Театр. 2002, № 1. С. 6–9.
120. Смирнов А. Диалоги через века // Чеховский вестник. М.: «Скорпион», 2006, № 18. С. 39–41.
121. Спивак Р.С. Чехов и экзистенциализм // Философия А.П. Чехова: междунар. науч. конф. (Иркутск, 27 июня – 2 июля 2006 г.): материалы / под ред. А.С. Собенникова. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. С. 193-208.
122. Степанов А.Д. От поэта безвременья к буреизвестнику революции: метаморфозы рецепции Чехова. Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021, №18 (4). С. 680–696.
123. Степанов А. Переоткрывая «чеховские ружья»: чем отличается Чехов-драматург от своих забытых современников? // Чеховский вестник. М.: Изд-во «Литературный музей», 2021, № 41. С. 41–47.
124. Степанов А.Д. Чехов и Баранцевич: к вопросу о критериях интертекста // Русская литература. 2019, (2): 97–103.
125. Сухих И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1987.
126. Сухих И.Н. Сказавшие «О!». Потомки читают Чехова / А.П. Чехов: pro et contra. Т. 2 / Составление, вступ. статья, общая редакция И. Н. Сухих, коммент. А. С. Степановой. СПб.: РХГА, 2010. С. 9–54.

127. Сухих И.Н. Чехов нового века (2000–2020): отчет о пути. Несколько положений / А.П. Чехов: pro et contra. Т. 4. Современные аспекты исследования (2000–2020), антология / Сост., вступ. статья, коммент. И.Н. Сухих. СПб.: Издательский дом «РХГА», 2022. С. 7–12.
128. Сухих И.Н. Чехов (1960–2010): новые опыты чтения / А.П. Чехов: pro et contra, антология. Т. 3 / Сост., вступ. статья, комментарии И. Н. Сухих. СПб.: РХГА, 2016. С. 7–24.
129. Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. / Под ред. Н. Д.Тамарченко. Т. 1: Н.Д.Тамарченко, В.И.Тюпа, С.Н.Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М.: Издательский центр «Академия», 2004.
130. Тихомиров С. Достоевский и Чехов: проблема совместимости // Чеховский вестник. М.: Издательство Московского университета, 2018, № 36. С. 13–33.
131. Тихомиров С. Классик в сравнении с классиком, или Чехов на фоне Тургенева // Чеховский вестник. М.: Издательство «Литературный музей», 2021, № 41. С. 7–25.
132. Тихомиров С.В. Творчество как исповедь бессознательного. Чехов и другие (Мир художника-мир человека: психология, идеология, метафизика). М., 2002.
133. Толстая Е. Поэтика раздражения: Чехов в конце 1880-х — начале 1890-х годов. М.: Радикс, 1994.
134. Труайя А. Антон Чехов. М.: Эксмо, 2004.
135. Тюпа В.И. Теория литературы: Учебник. М. РГГУ, 2024.
136. Уральский М. Чехов и евреи: по дневникам, переписке и воспоминаниям современников / Предисл. Г. Мондри. СПб.: Алетейя, 2020.
137. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000.

138. Филиппов А. «Чайки» летают стоями // Известия. 29.06.2001. [Электронный ресурс]: <https://iz.ru/news/248570> (дата обращения: 17.01.2024).
139. Финк М. Рец. на кн.: Долженков Петр. Чехов и позитивизм // «Чеховский вестник», №3. М.: Скорпион, 1998. С. 35-38.
140. Фридман Дж. Довольно Чехова! (пер. Т. Аленькиной) // Чеховский вестник. 2002. №11. С. 36-44.
141. Фриче В.М. А.П. Чехов. Биографический очерк // Чехов А.П. Собрание сочинений. Т. 1. М.; Л.: Госиздат, 1929. С. 15–93.
142. Хализев В.Е. Теория литературы: Учебник. 4-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 2004.
143. Черный Б.С. Марк Уральский. Чехов и евреи // Чеховский вестник. М.: Изд-во «Литературный музей», 2020, № 39. С. 18–23.
144. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Письма: в 12 т. / Антон Павлович Чехов; [АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; редкол.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др.]. М.: Наука, 1974–1983.
145. Чеховиана: Чехов и «серебряный век». М.: Наука, 1996.
146. Чеховиана: Чехов и Пушкин. М.: Наука, 1998.
147. Чеховиана. Из века XX в XXI. Итоги и ожидания. М.: Наука, 2007.
148. Чеховиана. Чехов: взгляд из XXI века / Отв. ред. В.Б. Катаев. М.: Наука, 2011.
149. Чехов и мировая литература: в 3-х ч. Серия: Литературное наследство. Т. 100. Кн. 1 / [ред.-сост. З. С. Паперный и Э. А. Полоцкая, отв. ред. Л. М. Розенблюм]. М.: Наука, 1997.
150. Чехов: статьи и материалы / Серия: Литературное наследство / [гл. ред.: В. В. Виноградов]. Т. 68. М. : Акад. наук СССР, 1960.
151. Чудаков А.П. «Между «есть Бог» и «нет Бога» лежит целое громадное поле...». Чехов и вера. URL:

- https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1996/9/mezhdu-est-bog-i-net-boga-lezhit-czeloe-gromadnoe-pole.html (дата обращения: 05.05.2024).
152. Чудаков А.П. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. М.: Советский писатель, 1986.
153. Чудаков А.П. Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971.
154. Шалашова А. А вас, Бонди, я попрошу остаться... // Независимая газета. 30.06.2001 [Электронный ресурс]: https://www.ng.ru/culture/2001-06-30/7_bondi.html (дата обращения: 17.01.2024).
155. Шах-Азизова Т. Концы и начала: К столетию «Чайки» // Чеховский вестник. 1997. №1. С. 31-33.
156. Шах-Азизова Т. «Иванов» П. Лебла (Чехия) // Чеховский вестник. 1998. №3. С. 71-74.
157. Шах-Азизова Т. Наш ответ Фридману // Чеховский вестник. 2002. №11. С. 46-54.
158. Щербакова, А.; Бондарев, А. Философия Чехова. О конф.: «Философия Чехова», Иркутск, 27-30 июня 2006 г. // «Чеховский вестник», № 19. М., 2006. С. 113-117.
159. Яковлев Л. Антон Чехов. Роман с евреями. Харьков: «РА Каравелла», 2000.
160. Яковлева Ю. «Чайка» на колесах. Коммерсантъ. 18.09.2001. №169 (2299) [Электронный ресурс]: <https://www.kommersant.ru/doc/283174> (дата обращения: 18.01.2024).
161. Anton Chekhov. A Life in Letters / Ed. by R. Bartlett. London: "Penguin Books", 2004.
162. Culler J. The Pursuit of Signs: Semiotics, Literature, Deconstruction. New York: Cornell University Press, 2002.
163. De Sherbinin J. Chekhov and Russian Religious Culture: The Poetics of the Marian Paradigm. Evanston: Northwestern University Press, 1997.
164. Finke M.C. Metapoesis. The Russian Tradition from Pushkin to Chekhov. Durham and London: Duke University Press, 1995.

165. Finke M.C. Seeing Chekhov: Life and Art. Ithaca and L., 2005.
166. Finke M.C. Freedom from Violence and Lies: Anton Chekhov's Life and Writings. London: Reaktion Books, 2021.
167. Freedman J. Back Off Chekhov! Blogs and Stray Articles [Электронный ресурс]: <https://johnfreedmanarchive.wordpress.com/2018/10/05/back-off-chekhov/> (дата обращения: 02.03.2024).
168. Freedman J. Turning Our Backs on Anton Chekhov. Blogs and Stray Articles [Электронный ресурс]: <https://johnfreedmanarchive.wordpress.com/2017/07/12/turning-our-backs-on-anton-chekhov/> (дата обращения: 02.03.2024).
169. Gilman R. Chekhov's Plays: An Opening into Eternity. New Haven and L., 1995.
170. Hingley R. A New Life of Anton Chekhov. Oxford: "Oxford University Press", 1976.
171. Klapuri T. Chronotopes of modernity in Chekhov. Turku: Turun Yliopiston Julkaisuja, 2015.
172. Lapushin R. «Dew on the Grass»: The Poetics of Inbetweenness in Chekhov. N.Y.: Peter Lang Publishing, 2010.
173. Pitcher H. Responding to Chekhov: The Journey of a Lifetime. Cromer: Swallow House Books, 2010.
174. Rayfield D. Anton Chekhov — A Life. L.: "HarperCollins", 1997.
175. Simmons E.J. Chekhov: A Biography. Boston: "Atlantic-Little, Brown", 1962.
176. Swift M. Biblical Subtexts and Religious Themes in Works of Anton Chekhov. New York: Peter Lang Publishing, 2004.